

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. Ломоносова
Филологический факультет**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ И
ВНУТРЕННЕЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник статей преподавателей и аспиран-
тов

Отв. редактор — профессор А.А. Волков

— Актуальные вопросы внешней и внутренней лингвистики

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета филологического
факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Ответственный редактор —
Доктор филологических наук, профессор А.А. Волков

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор Е.В. Петру-
хина
кандидат филологических наук, доцент Л.А. Чижова
кандидат филологических наук, доцент В.К. Казарян

Редактор – составитель: кандидат филологических на-
ук А.А. Любимова

Сборник содержит статьи молодых преподавателей и аспирантов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященные различным проблемам общественно-речевой практики. Рассматривается широкий круг вопросов: от риторического построения высказывания и проблем нормирования языка до языковых изменений под воздействием средств массовой информации. Сборник предназначен для филологов-студентов, аспирантов и научных работников, а также для всех интересующихся вопросами взаимовлияния человека и общества.

ЖЕРНАКОВА Е.С. КОНЦЕПТ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН: МЕТОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	5
ЗАВЬЯЛОВА К.В. ОТ СКАЗКИ К РЕАЛЬНОСТИ. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ИНИЦИАЦИИ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ	24
ЧУЛКОВА И. СМЕШЕНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЙ КАК ФАКТ АНАЛИТИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.	38
АЛЕКСЕЕВА С. ВОЗМОЖНОСТИ ИДИОЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА	52
ШУЙСКАЯ Ю.В., КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК. СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ.	72
ЛЮБИМОВА А.А., КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В ЗАПАДНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.	100
ПАНИНА Е. К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ САНСКРИТА И ХИНДИ)	143
ЮЧЕНКОВА А. РАВНОПРАВИЕ МЕЖДУ БУКМОЛОМ И НЮНОРСКОМ – РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?	213

**РОЗЕНБЛАТ В.К. ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ
РЕЧЕВОГО ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
СОВЕТСКИХ РИТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-Х –
НАЧАЛА 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

229

Жернакова Е.С. Концепт как предмет изучения современных гуманитарных дисциплин: методы и перспективы исследований

Двадцатый век характеризуется изменением научной парадигмы как естественных, так и гуманитарных знаний. На смену прежней приходит парадигма антропоцентрическая, переключая интересы исследователя с объекта познания на его субъект. Человеку возвращается статус «меры всех вещей». Формирование антропологической парадигмы привело к переориентации на изучение феномена человека и его места в мире, культуре, языке. Данная тенденция продолжает проследиваться и в науке начала XXI века.

В середине двадцатого столетия оформляется новая дисциплина – психолингвистика, понимаемая как теория речевой деятельности. Эта наука изучает процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносительности с системой языка. Параллельно с описанной дисциплиной зарождается и развивается другое направление – когнитивная лингвистика, ставящая своей целью изучение человеческого разума и мышления и тех психических и мыслительных процессов и состояний, которые с ним связаны, а также изучение языкового сознания и образа мира, существующего в голове человека. Развитие цивилизации, новых технологий и техники привело к расширению контактов с представителями других культур. Все более активное развитие исследований межэтнических, межкультурных контактов привело в результате к формированию нового научного направления – этнопсихолингвистики.

Настоящий период расцвета в наши дни переживает и лингвокультурология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Основным объектом изучения этой дисциплины синтезирующего характера является взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования. В.Н.Телия, чье имя связывается с возникновением и формированием этой дисциплины в России, дает следующее определение этого направления лингвистики: «Лингвокультурология – научная дисциплина, исследующая воплощенные в живой нацио-

нальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах и в их действенной преемственности с языком и культурой этноса»¹. В рамках данного направления язык понимается как средство осмысления коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, текстов и фразеологических выражений. Причиной расцвета этой науки является стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности. В качестве одной из причин нельзя также не отметить и интегративную тенденцию гуманитарных наук и необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания (психологии, социологии, этнографии, политологии, культурологии и т. д.). Актуальностью этих задач объясняется появление в лингвистике большого количества работ, посвященных лингвокультурологической тематике.

В рамках лингвокультурологии оформляется направление концептологии, ставящее перед собой задачу изучения языковой концептосферы. Проблемам концептологии посвящены работы многих исследователей: С.Х. Ляпина («Концептология: к становлению подхода», 1997); В.И. Карасика («Культурные доминанты в языке», 1996; «О категориях лингвокультурологии», 2001); В.П. Нерознака («От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма», 1998); Н.Д. Арутюновой («Логический анализ языка. Культурные концепты», 1991); Л.О. Чернейко («Лингво-философский анализ абстрактного имени», 1997). В «Кратком словаре когнитивных терминов»² Е.С. Кубрякова (написавшая словарь в соавторстве с В.З. Демьянковым,

---

¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – С. 216.

² Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90, 92–93.

Ю.Г. Панкрац и Л.Г. Лузиной) также освещает проблему определения концепта и помещает соответствующую словарную статью. Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования»³ приводит актуальные, на взгляд самого автора, концепты для носителей русского языка и дает их развернутый комментарий. В русле данной тематики активно работает С.Г. Воркачев («Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании», 2001; «Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа», 2002) и ряд других исследователей, чьи имена и концепции будут упомянуты и рассмотрены в данной статье.

Интерес многих ученых к проблемам концептологии свидетельствует о ее перспективности, однако подчеркнем, что теоретико-методологическая база этой дисциплины в настоящий момент находится на стадии становления. На основании того, что в современной литературе рассматриваемого направления весьма вариативно определение базового термина – концепт, можно говорить о том, что формирование категориального аппарата концептологии, судя по всему, еще полностью не завершено, ведь именно наличие и степень сформированности системы основных терминов позволяет судить о зрелости и самостоятельности любой научной дисциплины.

В отечественной литературе термин «концепт» стал активно употребляться с начала 90-х годов в работах Д.С. Лихачева (1993), Н.Д. Арутюновой (1999), Ю.С. Степанова (1997), В.П. Нерознака (1998), С.Х. Ляпина (1997), В.В. Воробьева⁴ (который использует термин «лингвокультурема», что мы полагаем протерминологическим аналогом концепта⁵).

---

³ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.

⁴ Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М., 1997. – С. 44–56.

⁵ Лингвокультурема определяется В.В.Воробьевым как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» и имеет, в отличие от слова, более сложную структуру: план содержания дробится на языковое

По наблюдениям С.Г. Воркачева⁶, в современной научной литературе существует не одно метафорическое определение термина *концепт*: это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловой квант бытия»; и «ген культуры»⁷, и «некая потенция значения»⁸, и «сгусток культуры в сознании человека»⁹; это – «эмбрион мыслительной операции»¹⁰. Концепты «как бы парят над их материальными и над их чисто духовными проявлениями»¹¹.

Как нам удалось выявить, в работах по данной тематике и неметафорические определения одних и тех же лингвокультурологических объектов весьма вариативны: одни и те же объекты могут по-разному называться или, наоборот, понятия различного рода сводиться под одну черту, что свидетельствует о полном неразграничении или недостаточной дифференциации и дефиниции понятий категориального аппарата концептологии. В нашей статье мы рассмотрим различные точки зрения на концепт, разграничим и поясним термины, употребляющиеся в литературе по данной тематике, и попытаемся изложить наше понимание концепта как базового термина концептологии, выделяемой в рамках лингвокультурологии. Мы также затронем проблему вербализации концепта в дискурсе и представим наше видение методов и дальнейших перспектив исследований данного направления.

значение и культурный смысл. Данная единица обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший». Она может быть выражена как единичным словом, так и текстом «значительной протяженности».

⁶ Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002. – С. 7–8.

⁷ Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. – Вып. I. – Архангельск, 1997. – С. 16–171.

⁸ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СЛЯ. – 1993. – Т. 52, №1. – С. 6.

⁹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 40.

¹⁰ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 273.

¹¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 18.

С.Г. Воркачев рассматривает этимологию исследуемой лексики: слово *conceptus* – позднелатинское, средневековое образование, производное (причастие) от глагола *concipere* – *con-cipere* 'со-бирать', 'с-хватывать', 'загораться', 'задумывать', 'зачинать'. В классической латыни *conceptus* зафиксирован лишь в значениях 'водоём', 'воспламенение', 'зачатие' и 'плод (зародыш)'. Слово *концепт* вместе со своим производящим глаголом вошло, естественно, во все романские языки и в английский язык (фр. *concept* – *concevoir*, ит. *concetto* – *concepire*, исп. *concepto* – *concebir*, порт. *conceito* – *conceber*, англ. *concept* – *conceive*). В то же время в английских текстах когнитивной психологии и когнитивной лингвистики русскому слову *концепт* соответствует не слово *concept*, а словосочетание *mental / conceptual representation*. В русском же повседневном научном общении весьма часто термин *концепт* использовался как синоним термина *понятие*.

По своей внутренней форме в русском языке слова *понятие* и *концепт* одинаковы: *концепт* является калькой с латинского *conceptus* 'понятие' от глагола *concipere* 'зачинать', т. е. значит буквально 'понятие, зачатие', *понятие* от глагола *пояти*, др.-рус. 'схватить, взять в собственность, взять женщину в жены' буквально значит, в общем, то же самое. Но *концепт* и *понятие* – термины разных наук, второе употребляется главным образом в логике и философии, тогда как первое, *концепт*, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в культурологии, так как оперирование категорией *понятия* в классическом понимании оказалось для лингвистики недостаточным.

Понятие как высшая форма абстракции фиксирует свойства и отношения предметов в обобщенной форме и представляет собой научный механизм, описывающий одну из категорий человеческого мышления. В отличие от *концепта*, *понятие*, будучи инструментом анализа в логике, отличается четкостью границ. *Понятие* может быть определено как *концепт*, обработанный наукой. Оно является базовой единицей научной картины мира, а *концепт* – единицей наивной картины мира, которая лежит в основе языковой картины мира.

Лингвистика перемещает свое внимание от трактовки значения как абстрактной сущности, формальное представление которой отчуждено и от автора, и от адресата, к изучению концепта как ментальной сущности, оперативной единицы сознания, находящей свою языковую представленность в значениях языковых единиц. Таким образом, в свете последних достижений когнитивистики возникла необходимость разграничения терминов *концепт* и *понятие* в его классической трактовке, *понятие* как категория перестало удовлетворять лингвистов. Действительно, в реальном познавательном процессе люди скорее оперируют не классическими логическими понятиями, а скорее «нечеткими понятиями».

Рассматривая сущность концепта и его место в ментальном мире человека, Ю.С. Степанов акцентирует тот факт, что концепты существуют в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как некий пучок представлений, переживаний, который сопровождает слово, «концепты не только мыслятся, они переживаются»¹². Рассматриваемый в данном ракурсе концепт отличается от понятия меньшей четкостью границ, расплывчатостью своего содержания. Следующей особенностью концепта, тесно связанной с его «языковой привязкой» и отличающей его от понятия в логико-философском понимании данного термина, является его лингвокультурная отмеченность (понятия же, как нам представляется, носят универсальный характер).

Д.С. Лихачев¹³ предлагает понятие концепта как заместителя понятия в сознании носителей языка. С его точки зрения, в когнитивном плане концепты представляют собой индивидуально-личностные смысловые образования, замещающие соответствующие значения, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках, например, в толковых и энциклопедических словарях. Совокупность концептов в индивидуальном и коллективном сознании образует концептосферу индивидуума, группы, народа в целом, формирует

---

¹² Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М, 1997. – С. 19.

¹³ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СЛЯ. – 1993. – Т. 52, №1.

«наивную картину мира» носителей языка. Но такое толкование представляется слишком широким, ведь в соответствии с ним в число концептов включаются все лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания.

Мы относим к концептам лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета носителей того или иного языка. Как правило, список концептов составляют метафизические сущности (душа, истина, свобода, любовь, судьба, счастье), отправляющие к миру духовных ценностей. Концепт характеризуется принадлежностью к области идеального, а совокупность концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура, система ценностей нации. В нашем понимании концепт аксиологичен, поэтому мы не относим к концептам лексемы, значения которых хотя и составляют содержание национального языкового сознания, формируя «наивную картину мира» носителей языка, но не входят в область идеального, не носят ценностный характер (см., например, работу М.В. Домбровской¹⁴ о концепте «дождя» или доклад Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета¹⁵). М.В. Домбровская понимает под концептом, следуя Е.С. Кубряковой, «единицу сознания, которая содержит сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира как реального, так и нереального»¹⁶. Согласно такому определению, практически любая лексическая единица может называться концептом, но, на наш взгляд, такие понятия, как «огонь» и «дождь», не являются концептами, так как они не относятся к метафизическому миру, понимаемому как объект веры, и не входят в ряд дру-

---

¹⁴ Домбровская М.В. Концепт «дождь» в русской языковой картине мира (лексикографический и ассоциативный анализ) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Труды и материалы. / Под общ. ред. [К.Р. Галиуллина](#). – Казань, 2004.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90.

гих «абсолютов», которые представляют собой «параметры жизни».

Таким же образом недостаточным для нас оказывается и определение В.П. Нерознака¹⁷, который предлагает следующий критерий для определения концепта: «концептами культуры, отражающими национальную картину мира, следует считать концепты, обозначаемые безэквивалентными лексическими единицами, то есть теми словами, которые в процессе лингвокультурной трансляции требуют не пословного, а описательного толкования». Но мы же не можем говорить о концепте балалайки, хотя это и лексема, имеющая лингвокультурологическую окрашенность и присутствующая в индивидуальном и коллективном сознании носителей русского языка, а также являющаяся безэквивалентной лексической единицей. Для нас концепт, безусловно, характеризуется этнокультурной маркированностью, но для отнесения к числу концептов одной этнокультурной специфики недостаточно: мы не считаем концептами любые семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой (хотя, безусловно, они тем или иным образом характеризуют носителей определенной этнокультуры и отражают своеобразие этноспецифического видения мира, в чем мы соглашаемся с данным автором).

Вопросами концептологии занималась и А. Вежбицкая. Она рассматривала эмоциональные концепты. В ее представлении толкование эмоциональных концептов больше похоже на описание «прототипических моделей поведения или сценариев, которые задают последовательность мыслей, желаний, чувств»¹⁸. В рамках ее теории концептами называются такие абстрактные имена, как обида, вина, гордость, и объясняются они через стереотипные ситуации, воспринимая которые, наблюдатель может понять, что представляет собой тот или иной концепт.

В нашем понимании концепт – это некое ментальное образование. Вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем концепт как «оперативную содержательную единицу памяти,

---

¹⁷ Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998.

¹⁸ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 371.

ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике)¹⁹, концепты рассматриваются как некие смыслы, которыми мы оперируем в процессе мышления и которые отражают содержание опыта в виде неких «квантов» знания.

Интегративное понимание концепта предложено С.Х. Ляпиным, который считает, что главное в концепте – это «многомерность и дискретная целостность смысла, существующего тем не менее в непрерывном культурно-историческом пространстве и поэтому предрасположенного к культурной (и культуругенной) трансляции из одной предметной области в другую»²⁰. Считая концепт многомерным социопсихическим образованием, исследователь выделяет в нем как рациональный, так и эмоциональный, как абстрактный, так и конкретный компоненты. При этом эти компоненты тесно переплетаются и опредмечиваются в той или иной языковой форме.

Многомерность концепта отмечают многие исследователи, в их числе С.Г. Воркачев и В.И. Карасик. С.Г. Воркачев определяет концепт как «элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире» и выделяет «концепт-понятие», «концепт-представление», «концепт-смысл»²¹.

В.И. Карасик называет культурный концепт основной единицей лингвокультурологии, а в качестве единиц изучения выдвигает реалии и «фоновые значения, т. е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа»²².

---

¹⁹ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

²⁰ Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. – Архангельск, 1997.

²¹ Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001.

²² Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. – Волгоград, 2001. – С. 127–129.

Также и на наш взгляд, культурный концепт, будучи важнейшей категорией лингвокультурологии, представляет собой неоднородное образование. С.Г. Воркачев, вслед за Е.С. Кубряковой отмечает, что, как и термин «когнитивные науки», объединяющий дисциплины, изучающие «язык мысли», термин *концепт* является зонтиковым, он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, а также лингвокультурологии, – определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями.

В нашем понимании концепт – это некое ментальное образование, принадлежащее сознанию и включающее в себя чувственно-волевые характеристики (имеется в виду эмоциональная сторона этого явления, концепты «переживаются»). Концепты индивидуальны, но в то же время принадлежат и коллективному сознанию и отражают этноспецифическое видение мира. Культурно-этнический компонент для нас весьма существенен – мы полагаем, что любой концепт неизбежно оказывается отмеченным в большей или меньшей степени лингвокультурной спецификой.

В концепте мы, вслед за В.И. Карасиком, чья позиция в этом вопросе близка автору данной работы, выделяем три стороны – понятийную (языковая дефиниция концепта), ценностную (во многом она определяет выделение / невыделение какого-либо концепта) и образную. Таким образом, мы придерживаемся той точки зрения, в соответствии с которой концепт является как минимум трехмерным ментальным образованием и имеет три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное.

Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, связанных с концептом и отраженных в нашей памяти. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно. Ценностная сторона концепта – важность этого психическо-

го образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. Остановимся более подробно на каждом из аспектов концепта.

Понятийная сторона концепта (его языковая дефиниция)

Отметим, что концепт воплощается в значении слова лишь в редуцированной форме: концепт рассматривается как нечто предельно обобщенное, но и вместе с тем чувственно-образное, скрытое в глубинах сознания. Связь концепта с вербальными средствами выражения общепризнанна, однако единства во мнениях относительно конкретных значимых единиц языка, с которыми соотносится концепт, у «лингвоконцептуалистов» пока нет.

Чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус концепта. На наш взгляд, концепт соотносится со значением слова, но не равен ему. Концепт соотносится более чем с одной лексической единицей. Концепт как оперативная единица сознания неизменно оказывается шире и богаче словарного значения слова, очевидно, потому, что в формировании концепта участвует не только языковой, но и весь чувственный, физический, исторический и социальный опыт человека, приобретаемый им в процессе освоения окружающего мира. Именно за счет этого личного и народного культурно-исторического опыта и создается особая аура значения, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта. Именно эта особенность позволяет определять концепт как особый «сгусток культуры в сознании человека»²³, как «основную ячейку культуры в ментальном мире»²⁴.

Сказанное позволяет охарактеризовать концепт как сложную культурно значимую оперативную единицу созна-

---

²³ Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М., 1997.

²⁴ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СЛЯ. – 1993. – Т. 52, №1. – С. 6.

ния, имеющую различные формы репрезентации в языке. Концепты находят свое вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней: лексем, фразеологизмов, пословиц и поговорок, афоризмов, метафор, а также, как подчеркивают некоторые лингвисты (Л. Талми), грамматических форм и синтаксических структур. Соотносясь более чем с одной лексической единицей, концепт соотносим с планом выражения всей лексико-семантической парадигмы. В одних случаях концепт может являться инвариантом лексической парадигмы, образованной лексико-семантическими вариантами слова (рок, шанс, удача → судьба). В других случаях концептом может быть один из вариантов синонимического ряда (мечь, возмездие, реванш → мечь). Отметим, что концепты, будучи метафизическими сущностями, высокой либо предельной степени абстрактности, отправляют к невидимому миру духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, и чем богаче содержание знака, тем более полно возможно выражение содержания абстрактного. Вот, очевидно, почему концепты относительно легко синонимизируются, образуя, по словам Ю.С. Степанова²⁵, «концептуализированную область».

В отношении концепт – его языковая реализация мы также включаем антонимическую парадигму, фиксирующую, по сути, различия внутри одной и той же сущности: счастье – беда, любовь – ненависть и пр., однако семантический инвариант, объединяющий эту парадигму, – концепт, как правило, в языке не находит отдельного имени. Анализ антонимического ряда ключевого слова помогает выявлению ядра и периферии поля, выделение которых в концепте мы можем предположить.

Изучение способов вербализации концептов с помощью различных языковых средств представляется, очевидно, наиболее доступным способом выявления содержания концепта. Выявление содержания концепта, однако, не было бы полным без рассмотрения образного аспекта концепта.

---

²⁵ Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена культурных парадигм и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков, 1993. – С. 25–26.

Образная составляющая концепта

Особенность концепта состоит в том, что помимо материальной языковой материи бытия его зоной референции является и фрагмент идеального, незримого мира. Содержание концепта становится доступно не только рациональному мышлению, но и интуиции. Концепты ассоциативны по своей природе, любой концепт обрастает в дискурсе образами, ассоциациями, его метафорическая сочетаемость приводит к построению фразеологических парадигм, осмысление которых и может раскрыть инварианты содержания концепта.

Рассматривая природу и структуру концепта с позиций психолингвистики, В.А. Пищальникова²⁶ особо подчеркивает его сложную структуру, отражение в нем как рационального, так и эмоционального способов освоения мира, сочетание как абстрактных, так и конкретных компонентов.

Как уже отмечалось, помимо языковой ценности концепты имеют определенный образ, ауру, которую вносит непосредственный опыт, способствующий формированию так называемой эмоционально-ассоциативной памяти слова. Содержание концепта выражается не только словом – одной из важнейших составляющих является оценочная характеристика концепта индивидом, его эмоциональная сторона, концепт неотделим от индивидуальных, личностных ассоциаций. По словам Ю. С. Степанова²⁷, концепты парят над языком, они не только мыслятся, но и переживаются, являясь «предметом симпатий и антипатий». В некоторой степени изучение культурных концептов – это движение от неких психических, индивидуальных ментальных образований в сознании человека в сторону их вариативной фиксации в языке.

Мы отмечаем важность исследования не только языковой материи (языковых данных), но и выявление образного, ассоциативного ряда концепта.

Ценностная составляющая концепта

---

²⁶ Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул, 2001. – С. 97.

²⁷ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 41.

Концепты важны как для языкового сознания отдельного человека, так и для национального самосознания и мировоззрения всего сообщества. По словам Ю.С. Степанова²⁸: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»²⁹.

«Переживаемость» этих ментальных единиц является прямым следствием их ценностного характера. Концепты являются как бы направляющими векторами в жизни человека, компасом в его духовной жизни. Об этом пишет Ю.С. Степанов³⁰: «Количество концептов культуры невелико, четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени из операций с этими концептами».

Если концепт является значимым для культуры, язык (вернее, нация, говорящая на данном языке) буквально осаждаёт данный концепт лексически и грамматически. Национальная концептосфера представляет собой не статическую, раз и навсегда сложившуюся, а динамическую, постоянно изменяющуюся структуру. С изменением исторических, географических, социальных и других условий меняется значимость тех или иных концептов, их место на шкале ценностей, и это находит свое отражение в языке, в частотности и популярности тех или иных слов, идиом, пословиц и афоризмов.

Концепты являются ценностными доминантами в языке, то есть огромна их значимость в духовной жизни как индивида, так и этноса в целом. Следствием экзистенциальной сущности концептов является то, что это, как правило, имена абстрактные (например, жизнь, смерть, совесть, время и др.). В этой связи особый интерес представляет ра-

---

²⁸ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 40–41.

²⁹ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 43.

³⁰ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 7.

бота Л.О.Чернейко «Лингво-философский анализ абстрактного имени»³¹, посвященная феномену абстрактного имени. Исследовательница отмечает парадоксальность изучения этого объекта: накопление знаний о нем способствует не столько решению старых проблем, сколько обнаружению новых. Отчасти это объясняется тем, что абстрактное имя – это «фрагмент идеальной субстанции», «умопостигаемая сущность», за которой стоит интуитивное знание. Культурными концептами Л.О. Чернейко называет такие абстрактные слова, которые являются особой мерой жизненного континуума общества, то есть, например, «счастье» является культурным концептом, а «длина», «рост», несмотря на то, что это тоже своего рода параметры, нет. Данный аргумент является, на наш взгляд, весомым и хорошо иллюстративным.

Дав определение объекту исследования, остановимся теперь на методах анализа концептов.

Методы исследования концептов

Одним из основных направлений исследования концептов является анализ лексического слоя, репрезентирующего концепт, – именно лексический слой представляет наиболее обширное поле выражения концепта.

Объектом концептуального анализа являются смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, высказываниями и даже отдельными текстами. Ведь концепт – это «квант знания», различные признаки которого могут по-разному эксплицироваться в языке. Сопоставление всех доступных языковых средств репрезентации концепта в системе языка и речи позволяет выявить основное содержание концепта.

Изучение языковых репрезентаций концепта необходимо для раскрытия понятийной стороны концепта, то есть его языковой дефиниции, что подразумевает:

1) Выявление семного состава ключевого слова, то есть анализ толковых словарей.

---

³¹ Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

Анализ деривационного поля ключевого слова: семантика выявленных дериватов позволяет обнаружить ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта. Сюда же входит диахронный анализ – привлечение этимологических данных, сведения о развитии и становлении значения ключевой лексемы.

2) Анализ лексических парадигм различного типа, вербализующих тот или иной концепт. Анализ синонимического ряда ключевого слова позволяет акцентировать дифференциальные признаки концепта, выявляющиеся в сопоставлении ключевой лексической репрезентации с близкими по значению словами. Анализ антонимического ряда, ассоциативно-семантического поля ключевого слова необходим для выявления ядра и периферии поля.

Анализ языкового материала для определения ценностной составляющей концепта включает в себя:

3) Анализ паремиологического фонда для выявления национально-культурного своеобразия соответствующих концептов, их ценностной стороны в концептосфере той или иной культуры.

Для определения образной и ассоциативной стороны концепта необходим:

4) Анализ лексической сочетаемости слов-репрезентатов концепта в дискурсе, а именно анализ метафор, символов для определения и выявления таких признаков в составе концепта, которые приобрели символический смысл.

Очевидно, что описание концептуального содержания того или иного понятия на основе пословиц и поговорок, зафиксированных в словаре Даля, не дает полной уверенности в том, что созданная таким путем модель концепта будет совпадать с концептом, существующим в сознании носителей современного русского литературного языка. Изучение взаимосвязи языка и культуры исключительно на основании словарных единиц вряд ли поможет составить полную и адекватную картину, поэтому продуктивным является обращение к анализу дискурса. Ценность дискурсного подхода к исследованию концептов определяется самой природой дискурса, его лингвосоциальным, динамическим

характером. Для выявления сущности и специфики концепта не менее важны и:

5) Экспериментальные методики. Под ними мы подразумеваем ассоциативный и эмотивный анализ посредством психолингвистических экспериментов, анкетирования, пилотажных опросов. Словари разных типов, безусловно, отражают многие стороны содержания концепта, тем не менее часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами словарной статьи. Результаты психолингвистических экспериментов позволяют дополнить представление о содержании концепта, сложившееся при изучении материалов лексикографических источников и текстового материала. При достаточно значимом количестве испытуемых (информантов) результаты эксперимента могут рассматриваться как отражение тех элементов концепта, которые являются национально значимыми. К применяемым психолингвистическим экспериментам мы относим метод свободного ассоциативного эксперимента с предложением слов-стимулов; рецептивный эксперимент с предложением испытуемому дать свое определение значения слова, описать зрительный образ, подобрать слово, наиболее подходящее к предложенной дефиниции.

Отметим, что концепт – явление динамическое. Содержание концепта, его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей. В лексико-семантической, словообразовательной, фразеологической системе языка запечатлеваются ядерные, апробированные временем представления об окружающей действительности, тогда как в дискурсивных реализациях – не только основные, но и сопутствующие, факультативные или новые знания об этих явлениях. Наиболее целесообразна комплексная методика исследования концептов для определения устойчивых и вариативных элементов в содержании концепта, в синхронном и диахронном аспектах. А лингвокультурная отмеченность концепта неизбежно приводит нас к следующему методологическому следствию: любое лингво-

культурное исследование, направленное на изучение концептов, должно быть по своей сути сопоставительным.

На наш взгляд, интересными и перспективными задачами концептологии являются следующие исследования в практическом и теоретическом направлениях:

– определение универсальных концептов и их изучение с точки зрения их национально детерминированных вариантов восприятия (на основании сопоставительных исследований);

– выявление национально специфических концептов, в большей степени релевантных лишь для той или иной культуры;

– построение концептосферы определенного языка для определения ценностей лингвокультурного сообщества;

– диахронические исследования, нацеленные на выявление изменений в восприятии концепта на протяжении определенного отрезка времени и дающие возможность проследить динамику изменений системы ценностей лингвокультурного сообщества;

– теоретическая классификация концептов и определение структуры, архитектоники концепта.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М., 1997.
5. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001.
6. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
7. Домбровская М.В. Концепт «дождь» в русской языковой картине мира (лексикографический и ассоциативный анализ) // Русская и сопоставительная фило-

- логия: состояние и перспективы. Труды и материалы. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань, 2004.
8. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке. – Волгоград, 1996.
  9. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. – Волгоград, 2001.
  10. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
  11. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
  12. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СЛЯ. – 1993. – Т.52, №1.
  13. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. – Архангельск, 1997.
  14. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998.
  15. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул, 2001.
  16. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Смена культурных парадигм и ее внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков, 1993.
  17. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
  18. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.
  19. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Серия 9. Филология.
  20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
  21. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

Завьялова К.В. От сказки к реальности. Психолингвистический анализ процесса инициации в волшебной сказке

Роль сказки в жизни читателей

Эмпирически о том, что такое сказка, более или менее ясное представление имеют почти все. С детских лет человек хранит о ней поэтические воспоминания, интуитивно чувствует ее обаяние. Можно сказать, что в понимании и оценке сказки нами руководит поэтическое чутье. С давних времен люди использовали сказки, притчи, мифы как воспитательное средство. Они передавали и закрепляли нравственные ценности, правила поведения. Занимательные приключения героев сказок, образность языка делают интересной, безопасной и приемлемой даже самую суровую мораль. Иногда смысл сказки или притчи понятен сразу, а бывает, что мы сталкиваемся с явлением «отсроченного эффекта». Человек осознает связь сказочной истории и своего поведения или ситуации через какой-то срок, часто как озарение. «Воздействие с помощью метафоры является глубинным и удивительно стойким, ибо затрагивает не только поведенческие пласты психики, но и ценностную структуру».³²

Преимущества сказки как воспитательного средства над другими литературными жанрами выражается в следующем:

1. Отсутствие дидактичности.

В сказках нет прямых нравоучений, как например в баснях. «Сказка ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок». Когда на человека оказывается психологическое «давление» с указаниями: «Делать именно так, а не иначе», в душе (особенно детской и подростковой) рождается протест и желание сделать все наоборот. События сказочной истории естественно и логично вытекают одно из другого. Таким образом, ребенок воспринимает и усваивает при-

---

³² Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. – СПб.: «Златоуст». – С. 17

чинно-следственные связи, закономерности, существующие в этом мире.

Сказочным свойством «мягкого намека» обладают также притчи, истории из жизни. По данным психологических исследований (К. Дикманн, М.-Л. Фон Франц), метафора глубоко проникает в бессознательное человека и активизирует потенциальные части личности, которые, в свою очередь, помогают человеку найти свой собственный, лучший на данный момент, выход из проблемного состояния.

1. Собираемость образов. Неопределенность места действия и имени главного героя.

«В некотором царстве, в некотором государстве»... У Читателя возникает ощущение, что такая история могла произойти где угодно: за тридевять земель или совсем рядом. Это будет зависеть от того, насколько близко к себе человек воспринимает происходящее.

Определенное место действия психологически отдаляет читателя от событий, происходящих в сказке. Ребенку сложно перенести себя в конкретное место, особенно если он там никогда не был.

Главный герой в сказке – собирательный образ. Имена главных героев повторяются из сказки в сказку: Иванушка, Алenuшка, Марья. Отсутствие жесткой персонификации способствует отождествлению себя с главным героем. По мнению Х. Дикманна, «человек идентифицирует себя с героем или героиней сказки в соответствии со своей ведущей функцией, будь то мысли, чувства, интуиция или ощущение».³³

2. Сказки – кладезь жизненного опыта и традиций. Многогранность и многоуровневость хранимой информации. Образность языка.

Благодаря своей образности сказки легко запоминаются и после окончания психологического воздействия продолжают «жить» в повседневной жизни человека, помогая ему разбираться в ситуациях, принимать решения.

---

³³ Дикманн Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 2000. – С. 110.

В сказочных сюжетах зашифрованы ситуации и проблемы, которые переживает в своей жизни каждый человек. Жизненный выбор, любовь, ответственность, взаимопомощь, преодоление себя, борьба со злом – все это «закодировано» в образах сказки.

Например, часто в сказках главный герой оказывается на Распутье. Ему предлагают, как правило, три варианта дальнейших действий. В реальной жизни человек постоянно сталкивается с проблемой выбора: от простого – что выбрать из одежды, до глубинного – как жить дальше. На примере судеб сказочных героев мы можем проследить последствия того или иного жизненного выбора человека.

Часто главный герой делает выбор, который, на первый взгляд, может показаться неразумным. Вместо того чтобы выбрать богатство и славу, он выбирает дорогу, внешне связанную с потерями.

В конце сказки оказывается, что герой приобретает и богатство, и все, что он изначально желал. А его братья, выбравшие альтернативные «разумные» пути, – теряют все, что имели. Можно предположить, что сказка учит нас не «разумным», а каким-то другим критериям выбора.

Каждая сказочная ситуация имеет множество граней и смыслов. Читая сказку, человек бессознательно выносит наиболее важное для себя. Со временем мы меняемся и ту же самую сказку понимаем совсем иначе. При изменяющихся условиях мы по-другому интерпретируем содержание историй, обогащая свой прежний опыт новым восприятием. По мнению Х. Дикманна, так «работает» механизм хранения в сказочных теориях личного опыта.

Благодаря многогранности смыслов, одна и та же сказка может помочь человеку в разные периоды жизни решать актуальные проблемы. На примере сказки «Колобок» 3-5 летний ребенок может проследить последствия необдуманных, слишком скорых детских решений. С помощью той же сказки подросток, который исследует других людей и их реакции по отношению к себе, узнает, какие типы людей существуют и как можно вести себя с ними. Взрослый человек, постигающий смысл происходящих вокруг него явлений, обратит внимание на причины и следствия поступков всех

героев сказки, попробует понять философскую подоплеку сказки о Колобке...

Когда ребенок начинает осознавать себя и исследовать устройство окружающего Мира, у него возникает множество вопросов ко взрослым. Наблюдая за судьбами главных героев, проживая сказочные ситуации, воспринимая язык сказочных образов, ребенок складывает, как мозаику, собственную картину Мира. На ее основании он будет воспринимать различные ситуации и действовать определенным образом.

3. Признак настоящей сказки – хороший конец. Психологическая защищенность.

Во многих сказках наблюдается четкое разделение добра и зла. Читателям ясно, кто мешает жить и каким способом его можно победить. Кроме того, герой, совершивший плохой поступок, обязательно получает наказание по заслугам. А тот, кто проходит через все испытания, проявляет свои лучшие качества, обязательно вознаграждается. На примере судеб сказочных героев нам раскрывается закон жизни: как ты относишься к Миру, так и он к тебе.

Есть сказки, в которых зло выступает под маской добра, а добрый персонаж имеет непривлекательную личину. Но в любом случае – справедливость и добро обязательно восторжествуют. Это обеспечивает читателю чувство психологической защищенности. Что бы ни происходило в сказке, все заканчивается хорошо. Испытания, выпавшие на долю героев, были нужны для того, чтобы сделать их более сильными и мудрыми.

4. Ореол тайны и волшебства. Раскрытие потенциальности

Волшебная сказка как живой организм: в ней все дышит, в любой момент может ожить и заговорить, даже камень. Эта особенность очень важна для развития психики ребенка.

Только в сказке невозможное возможно. Здесь нет ментальных ограничений, существующих в обыденной жизни. Здесь можно не бояться мечтать, строить образы будущего, Желаемого. В сказке не работает привычная про-

блемная формула «Это у меня не получится», ибо все неудачи временны и случаются оттого, что не все возможности еще исследованы, не все еще познано. Таким образом, сказка раскрывает человеческую потенциальность. Обретая опыт решения проблем «сказочными» способами, ребенок, подросток, взрослый переносит его на реальные ситуации.

Особенно притягательными для многих детей и взрослых являются волшебные сказки. Сюжеты волшебных сказок отличаются определенными закономерностями. Герой появляется на свет, растет в отчем доме, по различным обстоятельствам покидает его, выбирает путь, знакомится с новыми сказочными существами, одолевает зло, возвращается домой с победой. Исследования по возрастной психологии, опыт Э.Эриксона убеждают в том, что этапы развития сюжета полной волшебной сказки тесно связаны со становлением личности человека. «Сказочное» понимание динамики развития личности, философских вопросов, бессознательно или сознательно решаемых человеком, помогает нам глубже познать природу человека и ее связь со сказками».³⁴

II. Инициация в волшебных сказках

Необходимым условием волшебной сказки является наличие главного героя, вокруг которого разворачиваются действия сюжета. Исходя из того, кто является главным героем сказок, выделяют «женские» и «мужские» сказки. Как правило, герой «женской» сказки – девушка, герой «мужской» сказки – юноша. Оба героя, независимо от их социального статуса, проходят в сказках обряд инициации.

Инициация – частный случай обрядов перехода, которые изучаются в этнографии.

Традиционно под инициацией (от лат. *initio* – посвящение, совершение таинства) понимается, во-первых, переход индивида из одного статуса в другой, в частности, включение в некоторый замкнутый круг лиц (в число полноправных членов племени, в мужской союз, эзотерический культ, круг жрецов, шаманов и т.п.), и, во-вторых, обряд, оформляющий этот переход. Инициации – явление универ-

---

³⁴ Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. – СПб.: «Златоуст». – С. 23.

сального географического распространения, встречающееся в любые исторические эпохи и на любых стадиях социального развития: от посвящений в члены тайного союза до приёма в пионерскую организацию, от посвящения в жрецы или в вожди до инаугурации президента индустриальной державы.

Общепринятое в истории религий подразделение инициации включает три типа. Первый тип – коллективные ритуалы, функции которых – осуществить переход от детства или юности, обязательные для всех членов отдельного общества. В этнологической литературе они называются «ритуалами половой зрелости», «племенной инициацией», «инициацией возрастных групп». Второй – «все виды обрядов посвящения в секретные общества, братства, союзы». И, наконец, третий, наиболее важный, встречается в связи с мистической профессией, «для примитивных обществ – шамана или знахаря»³⁵.

Во всех случаях, чтобы обрести новое качество, нужно пройти через умирание к рождению: «умереть» для старого, чтобы «родиться» для нового.

Несколько иную классификацию предлагает М.Элиаде. Ни в коей мере не отказываясь от традиционной классификации, Элиаде рассматривает обряды инициации под другим углом зрения, не по принципу: кем был до инициации – кем стал после нее, а по тому, что происходит во время нее. Таким образом, получается два вида инициации:

1) «Возрастные обряды, благодаря которым подростки получают доступ к сакральному, к знанию, к сексуальности, становятся человеческими существами». Время инициации для них равно времени создания их людьми.

2) «Специализированные инициации», которым подвергаются определенные личности в связи с трансформацией их человеческого состояния. В данном случае происходит творение не человека, а некоего сверхчеловеческого

---

³⁵ Элиаде М. Мefистофель и андрогин. / Пер. с франц. – СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – С. 125.

существа, способного общаться с Божествами, Предками или Духами.

Считается, что женские инициации распространены менее, нежели мужские. Однако результаты кросскультурных исследований А. Шлегель и Г.Баррн резко расходятся с этим привычным представлением. Из их резюме вытекает, что инициации отсутствуют в большинстве обществ, а там, где они проводятся, девочек иницируют чаще мальчиков (только девочек иницируют в 39, только мальчиков – в 17 и оба пола – в 46 обществах) ³⁶.

Инициации бывают двух типов:

1) Пубертатные.

2) Связанные со вступлением в женские союзы.

Пубертатные отличаются тем, что девочки достигают половой зрелости не одновременно, и поэтому проходят возрастные обряды посвящения не коллективно, как мальчики, а поодиночке. Чаще всего женский пубертатный обряд инициации заключается в изоляции, запрете видеть свет, ступить на землю и употреблять в пищу некоторые виды продуктов, а также обучению женским ремеслам (ткачество) и мифам.

В традиционных культурах инициации имеют трёх-этапную структуру:

1. Сегрегация. На этом этапе происходит изоляция неофита от привычного ему окружения (уход, увод, смена образа жизни).

2. Транзиция. Переходный этап, который характеризуется как промежуточное, лиминальное, бесстатусное состояние посвящаемого.

3. Инкорпорация. Заключительный этап, итогом которого становится возвращение посвящаемого к общественной жизни в новом статусе.

Учеными давно установлено, что структура волшебной сказки имеет характер инициации. Эту мысль развивал В.Я. Пропп, приводя в качестве примера тотемические ини-

---

³⁶ Кон И.С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с. С. 76.

циации. Несмотря на то, что этот тип инициации был недоступен для женщин, тем не менее основным персонажем множества волшебных сказок является именно женщина. Правильнее было бы сказать, что за смертельными испытаниями героини в сказке исторически стоит не обряд инициации, а нормативный кризис развития. Можно предположить, что Пропп имел в виду в качестве общих корней волшебных сказок не исторические причины, а психологические, и инициацию следует понимать так, как понимает ее Юнг и Элиаде – приобщение неофита к тайне, знанию. Именно так мы и намерены рассматривать инициацию в дальнейшем.

Рассмотрим примеры инициации в волшебных сказках.

Первая инициация. Переход из детства во взрослую жизнь

Данный тип инициации можно проследить в развитии сюжета «женской» сказки «Морозко». Героиня проходит через тяжелое испытание – отделение от родительской семьи, что в символической форме выглядит как отправление ее мачехой на верную смерть в зимнем лесу. Героиня, тем не менее, не умирает, а успешно справляется с испытаниями и возвращается домой с наградой. Однако на этом сказка не заканчивается, а показывает читателям другое возможное развитие сюжета. Увидев успех падчерицы, мачеха снаряжает свою родную дочку в лес, чтобы и она разбогатела. Сводная сестра, в отличие от героини, не справляется с испытанием и погибает. Так, на примере судеб двух героинь сказка демонстрирует две стратегии прохождения / непрохождения инициации.

Подобного рода инициацию мы встречаем и в «мужских» сказках. Так, в сказке с более длинным сюжетом «Иван-Царевич и Серый Волк» три царских сына получают задание от отца – привезти Жар-птицу. Они уходят из родительской семьи, чтобы пройти обряд возмужания и выполнить отцовский наказ. Лишь младшему сыну удается справиться с задачей и с помощью волка добыть Жар-птицу. После выполненного задания Ивана ожидает символическая смерть

и оживление живой и мертвой водой, что является в данной сказке процессом инициации героя. Для героя настало время выхода из детского возраста, когда за него все делали родители (помощь и забота Волка), и вступления во взрослую реальность, где все являются конкурентами. Приобщение Ивана к реальности осуществляется его родными братьями, которые его жестоко убили и отняли добычу. Братья впоследствии получили свое наказание – были растерзаны Волком.

Таким образом, сказки показывают нам стратегию прохождения инициации, которая, согласно историческим параллелям, могла быть «успешной» или «неуспешной».

Эрик Эриксон, замечая, что этапы психологического формирования человека в ходе онтогенеза отнюдь не детерминируются самими по себе последовательными стадиями созревания организма, но что эффекты этого созревания сложно опосредствуются социальными институтами, приводил в качестве иллюстрации такой пример: «В некоторых «первобытных» обществах существуют «старые дети» – те члены племени, которые не выдержали суровых испытаний церемонии инициации «посвящения во взрослость». Запрещение заниматься всеми («взрослыми») видами деятельности определяет психологическую незрелость этих индивидов, несмотря на полноценное физическое созревание».³⁷

Из психологии развития мы знаем, что если человек не проходит опустошительную, разрушительную фазу прощания с детством, то какая-то часть его личности остается инфантильной, а следовательно – зависимой. Поэтому в сказках про падчерицу сестер не берут замуж, то есть, по сути, они остаются «вечными девочками» в родительском доме. Иногда сестры в сказке погибают, что следует воспринимать как метафору: погибнуть – это перестать жить, то есть остановиться в развитии, «ибо то, что перестает меняться, трансформироваться, то подвергается распаду и погибает. Такая «прижизненная смерть» выражается в духовном

---

³⁷ Анцыферова Л.И. Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона / Принцип развития в психологии. – М.: «Наука», 2000. – С. 220.

бесплодии»³⁸. При этом в сказках смерть воспринимается не как трагедия, необратимость, а как естественная фаза развития, вслед за которой может идти новое рождение.

Вторая инициация. Борьба за власть.

Конфликт, предшествующий данной инициации, напоминает войну отцов и детей. Однако проблема здесь не в разности взглядов, а в психологической и физиологической борьбе за «место под солнцем». Так, в «женских» сказках это, как правило, драма между стареющей мачехой, теряющей свою женскую силу, и подрастающей дочерью, дерзкой в своей юности и притязаниях на материнское место («Белоснежка и семь гномов»). В «мужских» сказках это соперничество между двумя героями за невесту. Так, в сказке «Царевна-Лягушка» Кощей, обладающий неограниченной властью, уносит невесту Ивана-царевича, инфантильного героя, не ведающего, какое сокровище досталось ему под личиной лягушки. Иван оказывается перед выбором: либо оставаться без партнерши, то есть в детском, асексуальном состоянии, либо стать наконец мужчиной и сразиться с грозным всемогущим врагом. Вовсе неслучайно смерть Кощея спрятана в игле, которую нужно сломать.

В психоанализе иглы, веретена, гребни – это те предметы сказочной атрибутики, которые являются фаллическими символами и иносказательно говорят о сфере секса. Сломать иглу Кощея – лишить его мужской силы, занять его место, став мужчиной. Смерть Кощея – освобождение площадки, которую занимает новый, более молодой и сильный герой. При этом поверженный властитель не обязательно умирает физически, он может умереть метафорически, «умиреть» как мужчина в продуктивной фазе, уступив свое место более молодому. Этой теме Фрэзер посвятил свою знаменитую «Золотую ветвь»³⁹: каждый раз предыдущий

---

³⁸ Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. / Пер. с фр. – М.: «Ладомир», 2000. – С.125.

³⁹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Пер. с англ. – М.:

царь, в полном расцвете сил, должен быть убит новым, еще более сильным. По мнению Проппа: «Брачный возраст детей, создание нового поколения показывает, что старому поколению пора уйти, уступить место новому»⁴⁰. Так что в жизни каждого юноши, как и в жизни девушки, есть момент, когда он отыгрывает «сражение с Красным рыцарем»⁴¹ – своим отцом – за право интегрировать свою внутреннюю силу.

Третья инициация. Кризис середины жизни – старость.

Данная инициация тесно связана с предшествующей, вернее, является ее следствием. Только субъект этой инициации не молодой герой, а тот, с кем он «сражался», старый царь, мачеха. Итак, «Красный рыцарь» находится на грани поражения. Но что же происходит с поверженным героем? Зачем нужно его поражение? Возвращаясь к теме инициации, мы можем сказать, что роль мачехи в «женской» сказке в том, чтобы дать представление о кризисе середины жизни, который протекает ничуть не проще кризиса юности, а также чтобы направить падчерицу к процессу инициации – переход из детства во взрослую жизнь. Так, в сказке «Белоснежка и семь гномов» на протяжении всей сказки описывается страх женщины потерять свою молодость и красоту: попытки избавиться от молодой соперницы, разговор с волшебным зеркалом, злость и страдание. Молодость все равно побеждает и когда-то красивой мачехе остается лишь одно: предсмертный танец в раскаленных туфлях на свадьбе у своей падчерицы.

В «мужских» сказках, например «Конек-Горбунок», старый царь не может смириться с тем, что его время ушло и пытается избавиться от молодого соперника, заставляя его искупаться в котле с кипящим молоком и направляя его тем

ООО «Фирма «Издательство АСТ» (Классическая философская мысль), 1998. – 784 с.

⁴⁰ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я.Проппа.) – М.: «Лабиринт», 1998. – С. 410.

⁴¹ Джонсон Р. Он. Глубинные аспекты мужской психологии. – Харьков: «Фолио»; М.: Институт общегуманитарных исследований, 1996.

самым на последний этап инициации – обретение нового облика. После этой процедуры молодой герой становится краше прежнего и выскакивает из кипящего котла «удалым добрым молодцом». Царь следует примеру главного героя в надежде вернуть молодость, однако получает наказание и сваривается в котле с молоком.

Четвертая инициация. Старость – смерть.

Во время анализа сказок нами было замечено, что существует очень небольшое количество сказок, где главными героями являются старики и старухи. Сказка знает героя-ребенка («Мальчик-с-пальчик», «Гуси-лебеди»), героиню-девушку («Морозко», «Золушка»), героиню зрелую женщину («Василиса Прекрасная»). Старуха или старик, как правило, являются второстепенными персонажами, помогающими или мешающими главному герою.

Если же старик и старуха являются главными героями, то в сказках показана лишь абсурдность их действий и своего рода беспомощность.

Так, в сказке Пушкина «О рыбаке и рыбке» старик и старуха не могут использовать счастливую возможность, которая попала им в руки. Одно действие сменяет другое, однако итог остается прежним – «разбитое корыто». При этом если бы на их месте оказался молодой герой, то и итог сказки был бы другим. Так, в сказке «Про Емелю» главный герой еще молод и тоже случайно получает счастливую возможность осуществления своих желаний. Он активно использует эту возможность и в итоге женится на царской дочке.

В сказке «Курочка-Ряба» старик и старуха опять-таки получают подарок судьбы – золотое яйцо, но совершенно не знают, что с ним делать. В начале они пытаются его разбить. Им не удается. Затем мышка разбивает это яйцо, но главные герои начинают плакать и сожалеть о разбитом яйце.

В сказке «Колобок» старуха использует все имеющиеся ресурсы, чтобы испечь Колобка и накормить старика, однако Колобок убегает от них. О дальнейшей судьбе стариков нам не известно, так как главным героем становится Колобок.

А деятельность старухи оказывается напрасной: и старик и старуха остаются голодными.

В «женских» сказках, например в «Снегурочке», бездетная старушка пытается повернуть время вспять, «родив» снежную дочку, однако это так называемое «мертворожденное» дитя, не способное к жизни... Подобные эпизоды в сказках соответствуют прохождению психосоциального кризиса поздней зрелости с отрицательным исходом по Э. Эриксону: на каждую задачу есть свое время, и его не наверстаешь в другой фазе, потому что в ней человека будут ждать свои, другие задачи.

Итак, старухи и старики в сказках являются не главными, а второстепенными героями, потому что их время ушло. Перейдя за рубеж определенной фазы, человек должен осознать утрату своей власти в социуме и углубиться внутрь своей индивидуальности.

Таким образом, волшебные сказки наглядно демонстрируют нам четыре этапа инициации, которые соответствуют четырем биологическим этапам человеческой жизни: переход из детства во взрослую жизнь, борьба за власть, кризис середины жизни – старость, старость – смерть. При этом описывается сам процесс инициации, его альтернативные варианты (непрохождение инициации) и последствия инициации для окружающих людей.

Под беспокойной поверхностью переживаний, мотивов, конфликтов и взаимоотношений, вплетенных в сказочный сюжет, лежит знание о глубинном устройстве мира, и это знание дает человеку ориентацию в пространстве мира и собственной жизни... Прикосновение к этому знанию – интересно и, возможно, целительно, рассказать о нем можно простыми и доступными словами. Память о сказочном мире простых закономерностей у нас всегда с собой в виде единства телесных ощущений и слова.

Библиография

1. Анцыферова Л.И. Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона / Принцип развития в психологии. – М.: «Наука», 2000. – 320 с.

2. Джонсон Р. Он. Глубинные аспекты мужской психологии. – Харьков: «Фолио»; М.: Институт общегуманитарных исследований, 1996. – 250 с.
3. Дикманн Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 2000. – 110 с.
4. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. – СПб.: ООО «Речь», 1998. – 300 с.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Практикум по сказкотерапии. – СПб.: ООО «Речь», 2000. – 310 с.
6. Кон И.С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
7. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я.Проппа.) – М.: «Лабиринт», 1998. – 410 с.
8. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. / Пер. с англ. – М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1998. – 784 с.
9. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. / Пер. с фр. – М.: «Ладомир», 2000. – 350 с.
10. Элиаде М. Мефистофель и Андрогин. / Пер. с франц. – СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 374 с.
11. Фон ФРАНЦ М.-Л. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. / Перевод с английского Р. Березовской и К. Бутырина. Научная редакция В.В. Зеленского. – СПб.: Б.С.К., 1998. – 360 с.

Чулкова И. Смещение падежных флексий как факт аналитизации в немецком языке.

Вопрос об аналитизме имеет давнюю традицию изучения. Основные положения, существенные для рассматриваемой проблемы – это аналитизм, аналитические формы и процессы аналитизации.

Аналитизм в данной статье понимается, по определению М.В.Панова в Лингвистическом энциклопедическом словаре, как выражение грамматического значения слова вне его пределов.

Вопрос о развитии аналитизма в немецком языке имеет свою историю. Понятие «аналитизм» вошло в языкознание в начале XIX в., когда братья Август и Фридрих Шлегель впервые сформулировали идею об аморфных (позднее названных изолирующими), агглютинативных и флективных языках. Ими был употреблен термин «аналитический язык» в противопоставлении термину «синтетические языки».

Интерес к аналитическим формам и их описанию наблюдался и у лингвистов более раннего периода. Я. Гримм в четвертом томе «Немецкой грамматики», изданной в 1837 году, писал, что в парадигму спряжения необходимо включать всякую перифразу, в которой вспомогательное слово утрачивает свой специфический смысл и принимает более общее значение. В этом томе Гримм также уделяет значительное внимание анализу описательных форм претеритума.

В конце XIX-начале XX века интерес к аналитическим формам наблюдается в трудах младограмматиков. Это объясняется, как считает В.Н. Ярцева⁴², тремя причинами. Во-первых, вниманием младограмматиков к вопросам морфологической структуры слова и грамматических приемов языка. Во-вторых, научным изучением живых языков, морфологическое описание которых не соответствует полностью традиционной схеме латинской флективной грамматики. В-третьих, тем обстоятельством, что в трудах целого ряда лингвистов, особенно у О. Есперсена, высказывалась идея о тенденции исторического развития от флективного строя к

---

⁴² Проблема аналитического строя и формы анализа // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.:Л.; 1965. – С. 58.

аналитическому, и эта тенденция связывалась с прогрессом в языке.

Теорию о развитии индоевропейских языков от флективного строя к аналитическому связывали и с процессом общей тенденции к экономии при образовании языковых форм. В применении к немецкому языку особая роль тенденции к экономии как фактора языковых изменений подчеркивается в работе Коэнрадса⁴³.

В XX веке в русской и немецкой лингвистике можно выделить три периода, когда вопрос об аналитизме в немецком языке обсуждался наиболее активно. Это довоенные годы (1920-30-е), послевоенные (1950-70-е), а также последние десятилетия (конец XX – начало XXI века).

Первый период: двадцатые – тридцатые годы. Это, прежде всего, работы В.М. Жирмунского, где показан процесс развития аналитизма в немецком языке как часть общего процесса в индоевропейских языках.

В.М. Жирмунский отмечает, что «основная тенденция развития немецкой грамматики заключается в переходе от флективного строя к аналитическому»⁴⁴. Он объясняет это тем, что «для грамматического строя современного немецкого языка... характерно сложное взаимодействие фонетически редуцированной и обобщенной внешней флексии с широко развившейся внутренней флексией (аблаут и умлаут) и с грамматическими формами и синтаксическими конструкциями аналитического типа»⁴⁵.

Таким образом, фонетическая редукция, наблюдаемая в немецком языке на всем протяжении его развития, обусловлена ослаблением смыслового веса в результате развития новой, более дифференцированной системы грамматико-синтаксических отношений и форм (предложного склонения и спряжения с помощью вспомогательных глаголов).

---

⁴³ W.H.A. Koenraads. Studien über sprachökonomische Entwicklung im Deutschen. Amsterdam, 1953.

⁴⁴ М.В. Жирмунский. От флективного строя к аналитическому // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. – М.-Л., 1935. – С. 172.

⁴⁵ Там же.

Также В.М. Жирмунский в статье «От флективного строя к аналитическому» отметил, что тенденция к редукции падежных окончаний, связанная с развитием предложного склонения, в немецком языке еще полностью не осуществилась. Своего рода остаточными элементами, «пережитками» являются, например, флексии родительного падежа мужского рода на **es** <Tages>, дательного падежа множественного числа на **en** <Tagen>, окончания как признак множественного числа. Более того, тенденция к отчетливому формальному противопоставлению грамматических категорий единственного и множественного числа намечается именно вместе с униформацией падежных окончаний.

Таким образом, материал первой половины XX века показывает, что процесс аналитизации в именном склонении уже намечается, но проявляется пока еще не полностью.

Следующий активный период в обсуждении вопроса о тенденции к аналитизму в немецком языке приходится на послевоенный период (пятидесятые – семидесятые годы). Послевоенное время характеризуется резкими сдвигами в разных сферах употребления немецкого языка.

В немецкой лингвистике в это время о роли тенденции к аналитической структуре в развитии немецкого языка писал Фр. Чирх.⁴⁶ В отечественной лингвистике необходимо отметить работы В.М. Жирмунского, О.И. Москальской, К.Г. Крушельницкой, В.Г. Адмони, Н.И. Филичевой, Н.Н. Семенюк и др.

Большинство германистов при обращении к вопросу об аналитизме в немецком языке обратились к описанию аналитических конструкций⁴⁷. М.М. Гухманн, О.А. Москальская, Н.А. Филичева и другие историки немецкого языка в своих работах описывают этапы становления немецкой грамматики, в том числе в историческом аспекте процессы становления аналитических форм.

---

⁴⁶ Fr. Tschirch. Stehen wir in einer Zeit des Sprachverfalls? «Sprache der Gegenwart», Bd 2. Sprachnorm, Sprachpflege, Sprachkritik. Düsseldorf, 1967.

⁴⁷ Сб. Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.-Л., 1965.

Необходимо различать понятия аналитической формы и процессов аналитизации, как, например, смешение падежных флексий. Смещение падежных флексий – один из наиболее долговременных процессов аналитизации, обладающий своими особенностями.

В связи с этим необходимо подробнее остановиться на работе К.Г. Крушельницкой «Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков». В «Очерках по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков» она отметила, что основной особенностью склонения имен существительных в немецком языке по сравнению с русским является ярко выраженная тенденция к унификации, которая проявляется в двух направлениях: в унификации типов склонения (полностью унифицировано склонение имен существительных женского и среднего рода, а также склонение имен существительных во множественном числе); в формальной унификации (совпадении) падежных форм⁴⁸.

Что касается падежей, то в немецком языке тенденция к унификации проявляется значительно ярче, чем в русском, и, как замечает К.Г. Крушельницкая, унификация идет по двум линиям: по линии основных синтаксических функций отдельных падежей; по линии падежных форм отдельных членов предложения⁴⁹.

Книга К.Г. Крушельницкой впервые издана в то время (1961 год), когда вопрос об изменениях в падежной системе обсуждался неинтенсивно. Однако исследуемый автором материал, как и сам факт упоминания процессов унификации, можно рассматривать с точки зрения современного состояния падежной системы с позиции аналитизма. По существу, К.Г. Крушельницкая продолжает наблюдения В.М. Жирмунского над сокращением падежных форм именно того склонения в немецком языке. Таким образом, материал, изложенный в книге К.Г. Крушельницкой, обретает сейчас новую актуальность, и эта унификация, или, как ее называет В.М. Жирмунский, униформация, в дальнейшем может объ-

---

⁴⁸ К.Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. – М., 2006. – С. 25.

⁴⁹ Там же. – С. 28.

яснить природу смешения и сокращения падежных форм в немецком языке.

Вопрос об аналитизме становится дискуссионным именно в последние десятилетия. Дело в том, что многие факты, а особенно вопрос об интерпретации факта аналитизации в именном склонении в немецком языке на примере смешения падежных флексий, трактуются многими лингвистами как процесс общего снижения стили речи. Однако эти факты по своей природе соответствуют тем фактам, которые характеризуют развитие аналитизма.

Еще в 20-е – 30-е годы XX века в работах Э. Сепира и А. Мейе была прослежена многовековая, универсальная тенденция к аналитизму в индоевропейских языках.

Э. Сепир указывал на действие в английском языке трех тенденций такого рода, или, как он называл, «существенно важных линий движения». «Каждое из этих движений, – говорит Э. Сепир, – действовало в течение столетий..., каждое почти наверняка будет продолжаться еще сотни, возможно, тысячи лет». Этими тенденциями развития английского языка автор считает:

1. движение к упразднению падежных различий;
2. движение к использованию позиции слова в качестве важного «грамматического метода»;
3. движение к неизменяемости слова, характеризующееся стремлением «к простому, безоттеночному соответствию между идеей и словом, до последней возможности неизменному».

«Наиболее мощными дифференцирующими факторами являются не внешние влияния, как они обычно понимаются, а скорее очень медленные, но могущественные неосознаваемые изменения в одном и том же направлении, которые заложены в фонематических системах и морфологии самих языков. Эти «тенденции» развития в значительной степени обусловлены неосознаваемым чувством формы и становятся неизбежными из-за неспособности человеческих существ реализовать идеальные модели раз и навсегда установленным образом»⁵⁰.

---

⁵⁰ Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Иллюстрацией действия внутренних языковых тенденций может служить утрата падежных флексий существительных в индоевропейских языках. Касаясь утраты падежных флексий в романских языках, А. Мейе замечает: «Чтобы понять инновацию, надо знать, что она представляет собой один из моментов универсальной тенденции, присущей индоевропейским языкам, к замене падежной флексии разными способами. Имеются языки – большинство славянских, латышский, литовский, армянский, – где эта тенденция в настоящее время еще далека от завершения, но и здесь наблюдается ее действие», так как в масштабе индоевропейских языков отличается разный темп развития аналитизма. И вслед за А.А. Потебней⁵¹, который писал об увеличении в индоевропейских языках противоположности между именем и глаголом, а также выдвинул теорию о развитии индоевропейских языков от флективного строя к аналитическому, А. Мейе отмечает, что причина тенденции к аналитизму заключалась в противоречии между именем и глаголом. Глагол, вследствие своей процессуальной семантики, нуждается в разветвленной совокупности форм; имя, обозначая неизменный предмет, нуждается в устойчивом единообразии выражения, чему, по мнению Мейе, противоречит многообразие и разнородность падежных форм имени.

Таким образом, положения А.А. Потебни, А. Мейе, Э. Сепира помогают объяснить то, что многообразие и разнородность падежных форм привело в немецком языке к тому, что сейчас мы можем наблюдать в языке следующие тенденции:

- Редукцию падежных окончаний существительных в сильном и слабом склонении: *das Programm des diesjährigen Festival; Terroristen exekutieren US-Soldat.*
- Смещение родительного и дательного падежей: *laut einem Bericht.*
- Аналитизацию прилагательных: *MTX ist ein Virus, das sich Wurm-ähnlich verbreitet und versucht, auf der Festplatte ein trojanisches Pferd abzulegen; Der Van ist nicht Oberklassen-kompatibel; Europa-weit; Amerika-freundlich.*

---

⁵¹ А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике. – Т. I-II, М., 1958. – С. 516-517.

В данной статье будет высказано и обосновано предположение о том, что все эти факты беспорядочного смешения флексий являются фактом анализациии, следствием внутреннего языкового процесса, тенденции к аналицицизму.

В известном немецком фильме «Die Feuerzangenbowle» (1944 год) режиссера Хельмута Вайса есть такая сцена: на уроке ученик говорит: «...wegen dem Schild...», и учитель его очень строго исправляет: «Es heißt: wegen des Schildes».

В сороковые – пятидесятые годы употребление «wegen dem Schild» еще считалось ненормативным. Однако если сейчас современные школьники сделают такого рода ошибки, не все учителя обратят на это внимание.

Сейчас в Германии очень часто можно услышать такое употребление: *in der Breite Straße* (вместо *in der Breiten Straße*); *ich stehe hier auf der Hohe Straße* (вместо *ich stehe hier auf der Hohen Straße*); *ich gehe auf den Alter Markt* (вместо *ich gehe auf den Alten Markt*); *Das ist Peter sein Auto*; *am Ende des Barock* (*am Ende des Barocks*), *beim US-President* (*beim US-Präsidenten*).

Возникает вопрос, что это: нарушение нормы, общее снижение культуры речи или же языковая тенденция?

В связи с этим необходимо выделить другую линию рассмотрения этой проблемы, отличную от описания аналитических конструкций. Это новый этап с точки зрения материала и его интерпретации.

В 2004–5 годах в Кельне вышел двухтомник Бастиана Сика (Bastian Sick) «Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod» («Датив – смерть генитиву»). Эти два тома обобщают материал, публиковавшийся в предшествующие годы в Интернете.⁵² Необходимо сразу заметить, что эти книги адресованы массовому читателю, и их автор не является лингвистом по образованию⁵³, однако материал данного исследования представляет для нас большую ценность.

---

⁵² <http://www.spiegel.de/kultur/zwiebelfisch/>

⁵³ Однако в последнее время почти одновременно с книгами Б. Сика появился сборник *Die europaischen Sprachen auf dem Wege*

Проблема исчезновения родительного падежа интересовала лингвистов еще со времен младограмматиков. О. Беагелъ уже в двадцатые годы заявлял о «гибели родительного падежа»⁵⁴, выдвигая фонетическую трактовку этого явления: «Формальный процесс, который лежит в основе гибели родительного падежа, – это ослабление полных гласных в окончании слова в конце древневерхненемецкого периода».

В. Хорн предлагает другую интерпретацию процесса исчезновения родительного падежа, поясняя его тем, что родительный падеж в древних германских языках был функционально перегружен, поэтому и лишился устойчивости.⁵⁵

Возвращаясь к книге Б. Сика, нам следует обратить внимание на то, что автор, описывая случаи редукции падежных флексий, рассматривает их в качестве примеров следствия снижения общей культуры речи, однако этот материал можно также рассматривать в русле тенденции к аналицизму. Автор приводит обширный материал, свидетельствующий, по его мнению, о влиянии английского языка, в том числе примеры употребления форм дательного падежа вместо родительного, например, вместо *deinetwegen* – *wegen dir*, вместо *wegen des Umbaus* – *wegen dem Umbau*, вместо *laut eines Berichts* – *laut einem Bericht*. Подобные факты были уже известны в баварском диалекте, а сейчас такое употребление можно услышать и не только в Баварии, что и подтверждает следующий материал:

Ненормативное употребление:	Нормативное употребление:
<i>Die Kulturgeschichte des Kaffee</i>	<i>Die Kulturgeschichte des Kaffees</i>
<i>Die Geheimnisse des Islam</i>	<i>Die Geheimnisse des Islams</i>
<i>Vorsitzenden des Komitee</i>	<i>Vorsitzenden des Komitees</i>

zum analytischen Sprachtyp. (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004). Анализ этих статей заслуживает отдельной публикации.

⁵⁴ O. Behaghel. Deutsche Syntax. Bd. 1. Heidelberg, 1923. S. 531-541. (цитируется по книге В.Г. Адмони. Пути развития грамматического строя в немецком языке. – М., 1973.

⁵⁵ W. Horn. Sprachkörper und Sprachfunktion. „Palaestra“, 135. Leipzig, 1923. S. 117 ff.

das Programm des diesjährigen Festival	das Programm des diesjährigen Festivals
in den Weiten des Orient	in den Weiten des Orients
am Rande des Universum	am Rande des Universums

Б. Сик вводит специальный термин «Kasus Verschwindibus»: «In der Schule lernen wir, dass die deutsche Sprache vier Fälle hat. Später aber stellen wir fest, dass es noch einen fünften geben muss: den unsichtbaren Fall, auch Kasus Verschwindibus genannt»⁵⁶.

Пример употребления такого «падежа» можно обнаружить в следующих выражениях: *am Ende des Barock* und *beim US-Präsident*.

«Am schlimmsten bedrängt vom Kasus Verschwindibus ist der Genitiv, und zwar bei Fremdwörtern männlichen und sächlichen Geschlechts. Viele scheinen zu glauben, man könne auf die Genitivendung verzichten; so mancher hält ihre Verwendung gar für falsch»⁵⁷.

Б. Сик отмечает тот факт, что, когда носителям языка был задан вопрос, какая форма правильная *Terroranschlägen des 11.September* или (*des 11.Septembers*), носители языка ответили, что форма без -s на конце слова им кажется более естественной и звучит правильнее.

Герхард Ильгнер (Gerhard Illgner) в работе «Die deutsche Sprachverwirrung» (2001) также отмечал, что носители языка избегают употребления родительного падежа и все чаще заменяют его в своей речи дательным:

«Auf Empfehlung vom Küchenchef und Die Grünen kritisieren das Vorgehen von Stadt und Investor. Einer Tageszeitung zufolge hat sich etwas während der 66 kältesten Tagen des Jahres ereignet. Ein führendes Magazin beschrieb das Glück vom Kanzler (seine Ehefrau).

⁵⁶ Перевод: «В школе нас учат тому, что в немецком языке есть четыре падежа. Однако позже мы констатируем тот факт, что должен быть еще и пятый: невидимый / незаметный, который можно назвать «Kasus Verschwindibus». B. Sick. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Neues aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 2. Köln, 2005. S. 64.

⁵⁷ Sick. B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Neues aus dem Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 2. Köln, 2005. S. 64.

Wie Journalisten vor dem Genitiv flüchten, veranschaulichen auch diese Sätze: *Bloße Schenkel und große Dekolletés waren dem sozialistischen Frauentyp unwürdig und Mit mehreren Filmen wird am Wochenende dem 100.Geburtstag von Humphrey Bogart gedacht*».

Было отмечено также, что конструкции с родительным падежом пишутся через дефис, чтобы избежать склонения существительных:

«In der Presse wird der gefürchtete Wesfall häufig auch durch einen Bindestrich ersetzt: *Der Clinton-Besuch in Gaza* und *Die Wirkungen der Walser-Rede* und ähnliche Verrenkungen. Andererseits fehlen oft ein oder mehrere Bindestriche, wo sie eigentlich hingehören. So war zum Beispiel in einer Wochenzeitung zu lesen: *Die left of center-Politiker*».

Такое написание уже свидетельствует о том, что это уже является фактом письменной речи и что родительный падеж уже полностью сдает свои позиции.

Обращает на себя внимание также тот факт, что в современных учебниках немецкого языка 2003-2004 годов (Luscher R. *Übungs-grammatik. Deutsch als Fremdsprache für Anfänger*; Reimann M. *Основной курс грамматики немецкого языка и др.*) отсутствуют формы родительного множественного, и уже есть пометы, что в разговорной речи употребляется конструкция *von+Dativ*.

О такой замене писала Крушельницкая в 60-е годы. Но она обращала внимание на тот факт, что замена дательным падежом с предлогом *von* может быть только при-субстантивного родительного и что при этом соответствующее значение родительного падежа целиком сохраняется, что и дает основание рассматривать эту предложную конструкцию как описательный эквивалент родительного падежа. Автор отмечает, что такая замена имеет место, если родительный падеж не может быть выражен формально – ни при помощи флексии самого существительного, ни при помощи артикля.

Хотя об утрате родительного падежа велись дискуссии на протяжении длительного периода времени, но факты смешения падежных флексий, которые можно наблюдать в последние десятилетия, а особенно свидетельства письменной речи, позволяют сделать предположение, что про-

цесс исчезновения родительного падежа уже почти завершился.

Процесс смешения падежных флексий не ограничился только родительным падежом. Метафорично названный «Kasus Verschwindibus» очень четко характеризует существующую ситуацию редукции падежных окончаний существительных слабого склонения.

Следующий материал подтверждает это положение:

Ненормативное употребление	Нормативное употребление
<i>Dann bitte ich jetzt unseren nächsten Kandidat zu mir.</i>	<i>Dann bitte ich jetzt unseren nächsten Kandidaten zu mir.</i>
<i>Formel –1-Veteran</i>	<i>Formel –1-Veteranen</i>
<i>Terroristen exekutieren US-Soldat.</i>	<i>Terroristen exekutieren US-Soldaten.</i>
<i>US-Präsident</i>	<i>US-Präsidenten</i>
<i>Jetzt gibt es den neuen Swiffers-Staubmagnet</i>	<i>Jetzt gibt es den neuen Swiffers-Staubmagneten</i>

Б. Сик отмечает, что все чаще и чаще можно услышать такие предложения как: „*Dem Patient geht’s gut*“ und „*Lukas, lass den Elefant in Ruhe*“, вместо нормативных „*Dem Patienten geht’s gut*“ und „*Lukas, lass den Elefanten in Ruhe*“.

Формы «*jemand*» и «*niemand*» в дательном и винительном уже воспринимаются как само собой разумеющиеся и уже зафиксированы и одобрены в учебниках: «*Der Verzicht auf die Endung bei „jemand“ und „niemand“ im Dativ und im Akkusativ ist heute nahezu selbstverständlich. Und er hat bereits so lange Tradition, dass er mittlerweile von den Grammatikwerken gebilligt wird*». ⁵⁸

Можно сделать выводы, что существительные мужского рода слабого склонения постепенно теряют окончания в дательном и винительном падежах.

Нами также был произведен эксперимент среди носителей немецкого языка на осознаваемость ненормативных образований. Эксперимент по своему содержанию близок к социолингвистическому. Возрастная группа людей,

⁵⁸ Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Folge 2. S. 66

участвовавших в нем, – 20-65 лет. Предложения типа *Ich sehe den Bär (oder den Löwe)* воспринимались почти как нормативные представителями как младшего поколения, так и старшего поколения. Необходимо заметить, что носители языка после паузы-осмысления предложения предлагали нормативный вариант, а именно *Ich sehe den Bären (oder den Löwen)*, но с комментариями, что, если вы будете использовать первый вариант и не обращать специально внимание, никто и не заметит.

Следует сразу отметить разницу таких своего рода социологических опросов среди русских и немцев. Среди русских такой опрос не дает результатов: носитель языка без колебаний выберет то, что нормативно, и не поверит в возможность другого, например, если ему предложить выбрать между следующими употреблениями: *в политических текстах или в политических текстах; в роскошных отелях или в роскошных отелях* – на сегодняшний день носитель русского языка выберет вторую форму, не задумываясь. Поэтому, на русском материале, необходимы те, которые можно получить только путем наблюдений.

Показанные выше процессы указывают на то, что тенденция к редукции и унификации падежных окончаний, оставившая ряд пережитков в начале XX века, возобновилась. А рассмотренный материал позволяет говорить не о снижении стиля, общей культуры речи, как это отмечали некоторые немецкие авторы последних десятилетий, а о следствии общей индоевропейской тенденции к аналитизму.

Необходимо обратить внимание на то, что описанная выше проблема может быть углублена при сопоставлении с русским языковым материалом, так как вопрос о развитии аналитизма в русском языке также имеет историческую преемственность и периодизацию и может стать темой самостоятельного исследования. Аналогичные явления прослеживаются и в русском языке, но с другой соотносительностью падежных форм.

Развитие аналитизма в русском языке рассматривается в работах В.В. Виноградова, Н.В. Крушевского, М.В. Панова, М.Я. Гловинской, Е.А. Земской и др.

В 60-е годы XX века материалом для обсуждения проблемы аналитизма в русском языке были двувидовые

глаголы, несклоняемые прилагательные, существительные с нулевой флексией в родительном падеже (сочетания типа *два кило помидор, три кило апельсин*) и др.

В 90-е годы XX века и в начале XXI в. активно развивается смешение падежных форм в разных стилях устной речи: *на предыдущих этапах, в Соединенных Штатах, на выборах, об авторов* и др. Наиболее полно этот материал отражен в статьях М.Я. Гловинской, Е.А. Брызгуновой, Е.А. Земской.

В данной статье рассматривался процесс аналитизации в немецком языке на примере смешения падежных форм. Материал показал, что можно говорить об ослаблении падежных функций в немецком языке, которое проявляется в росте аналитических способов передачи падежных значений (замена падежного управления предложным), в использовании неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, в неправильном выборе падежа и в неправильном выборе флексий. Сама же тенденция ослабления падежных функций, как это уже было отмечено, согласуется с более общей, универсальной для индоевропейских языков тенденцией к утрате падежных флексий. Это позволяет с достаточной степенью уверенности предположить, что процесс смешения падежных флексий является процессом аналитизации языка.

Библиография:

1. Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. – М., 1973.
2. Е. А. Брызгунова Э. Сепир и А. Мейе о развитии аналитизма в индоевропейских языках и современные концепции русистов // Сравнительно-историческое и общее языкознание. – М., 2004. С. 71-79.
3. Гловинская М.Я. Просто оговорки или тенденция к аналитизму? // Язык: изменчивость и постоянство. (Сборник статей в честь семидесятилетия проф. Л.Л. Касаткина). – М., 1997.
4. Жирмунский В.М. От флективного языка к аналитическому // Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. – М.- Л., 1935.

5. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. – М., 1960.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л., 1938.
8. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (социолого-лингвистическое исследование – Русский язык и советское общество) / под ред. М.В. Панова. – М., 1968.
9. Филичева Н.И. История немецкого языка. – М., 2003.
10. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. Stuttgart; Berlin; Köln; Kohlhammer, 1998.
11. Illgner Gerhard Die deutsche Sprachverwirrung. Lächerlich und ärgerlich: Das neue Kauderwelsch. IFB Verlag Paderborn, 2001.
12. Moskalskaja O.I. Deutsche Sprachgeschichte. – М., 2003.
13. Sick Bastian Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Kiepenheuer&Witsch, Köln, 2004.
14. Sick Bastian Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Folge 2. Kiepenheuer&Witsch, Köln, 2004.

Алексеева С. Возможности идиолекта человека

Изучение идиолекта является одним из аспектов более общей проблемы языкознания – проблемы соотношения индивидуального и общего в языке и речи. В практическом плане этот вопрос связан с такими актуальными проблемами, как развитие возможностей человека, поиск личного стиля.

Слово **«идиолект»** происходит от греческого *idios* – «свой, своеобразный, особый» и (диа)лект. В Лингвистическом энциклопедическом словаре В.А. Виноградов дает следующее определение идиолекта: «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка»⁵⁹. В данной работе используется эта концепция, учитываются также особенности строения речевого аппарата и избирательность. В.А. Виноградов также отмечает, что существует узкое и широкое понимание термина: идиолект в узком смысле – только специфические особенности данного носителя языка, в широком смысле – это вообще реализация данного языка в устах индивида, т.е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка. В данной статье используется узкое понимание этого термина, так как основное внимание уделяется устной речи.

Наряду с термином «идиолект» для описания индивидуального в языке используются термины «языковая личность» и «речевой портрет».

Понятие **«языковая личность»** вошло в лингвистику в 80-е гг., первоначально появившись в работах по лингводидактике, и сразу стало широко распространенным. Решающее влияние на формирование и развитие этого понятия оказали работы Ю.Н. Караулова, который интерпретировал языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глу-

---

⁵⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.

биной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью»⁶⁰.

Работы Ю.Н. Караулова широко обсуждались и оказали большое влияние на развитие соответствующих разделов языкознания. Многие исследователи по-новому интерпретировали его идеи, создавая свои варианты структуры языковой личности (см., например, работы Л.П. Клобуковой, В.В. Красных и др.). Сразу же следует обратить внимание на то, что толкование понятию «языковая личность» дается очень расширительное, но в анализе оно чаще всего не реализуется. В дальнейшем мы сопоставим понятия «языковая личность» и «идиолект».

«Речевой портрет» – также очень широкое понятие. Разные исследователи создают портреты отдельных носителей языка, определенных возрастных и социальных групп, а также абстрактного носителя языка в определенную эпоху (см., например, работы Н.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, Е.А. Земской, Л.П. Крысина и др.). Некоторые исследователи выбирают для портретирования одну из речевых характеристик, например, М.В. Панов в книге «История русского литературного произношения XIII–XX вв.» создает орфоэпические портреты носителей языка в разное время, в работах В.Я. Труфановой особое внимание уделяется индивидуальному в интонации. На определении самого термина «речевой портрет» практически никто из исследователей не останавливается, но при этом все понимают его практически одинаково, как отражение неповторимых речевых особенностей.

В данной работе используются все три понятия, но в качестве основного выбран термин «идиолект» (в узком его понимании). Термин «языковая личность» имеет слишком расширительное толкование, в нем не разграничивается психологическое и лингвистическое; использование этого термина подразумевает обращение к таким понятиям как «языковая картина мира», «восприятие», что не входит в задачи данной работы. В данной работе используется понятие «личность» как особенности реакции на действительность, характер, темперамент, который проявляется в речи. Термин

---

⁶⁰ Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3.

«речевой портрет» очень близок к термину «идиолект», но, как мне представляется, он имеет сему «срез», то есть, как и всякий портрет, является отражением индивидуальных особенностей без учета их изменения во времени. Идиолект же – это динамическая структура; это проявление одной из возможностей развития человека. Данный термин не нагружен (как «языковая личность») и не ограничен временными рамками (как «речевой портрет»). Итак, термин «идиолект» выбран в качестве ведущего как наиболее нейтральный и широкий по содержанию.

В данной работе представлен опыт описания **возможностей идиолекта человека**. В связи с этим нужно рассмотреть вопрос о физиологических и лингвистических аспектах идиолекта.

Физиологические особенности речи обусловлены индивидуальными различиями в строении речевого аппарата, создающими индивидуальный тембр голоса.

Лингвистические особенности речи – это владение языковой системой. Таким образом, мы выходим на проблему соотношения идиолекта с общей системой.

Язык дает огромные возможности выбора и сочетания средств, и разные люди используют эти возможности по-разному. Владение синтаксическими оборотами, лексикой, грамматикой, использование интонационной синонимии, способность варьирования темпа речи, владение составом и разновидностями эмоциональных реализаций ИК, сочетаемость средств – все это по-разному проявляется в речи отдельных носителей языка. Одним из важнейших средств формирования идиолекта является избирательность средств.

Здесь встает вопрос о языковых минимумах. Разные системы языка по-разному способны к минимизации: фонологическая – неспособна, лексическая – способна. Языковым минимумом владеет каждый человек, но чем дальше он выходит за пределы этого минимума, тем шире его возможности. Употребление 7 или 5 типов ИК, опора на интонацию или лексико-синтаксические средства – все это характеризует диапазон возможностей идиолекта.

Итак, под **возможностями идиолекта человека** понимается владение сочетаемостью и избирательностью средств. В этом еще раз проявляется одно из свойств системы языка – бесконечное варьирование индивидуального в пределах общего.

Вопрос о возможностях идиолекта человека актуален для работы в школе, при интерпретации звучащих художественных произведений, в процессе анализа речевых средств, используемых актером. Так, например, этот вопрос важно учитывать при рассмотрении разных интерпретаций образов русской классической литературы в современных театральных постановках и экранизациях (образы Чацкого, Молчалина, Чичикова, Обломова, Штольца, князя Мышкина и др.).

В данной статье возможности идиолекта человека показаны на материале речи актеров Н. Караченцова и М. Боярского. Они представляют тип говорящих с богатейшими возможностями идиолекта, что проявляется в первую очередь при исполнении разных ролей. Разные роли требуют выбора разных средств в зависимости от черт характера, которые необходимо раскрыть, изображаемой эпохи, жанра произведения. Эти факторы определяют набор интонаций, особенности их реализации, варьирование степени выраженности артикуляционно-акустических компонентов. Разнообразие средств разносторонне характеризует идиолект.

В то же самое время актер, читающий текст роли, находится в рамках заданных лексики и синтаксиса. Разнообразие проявляется в интерпретации и исполнении ролей. В работе используется также речь в других коммуникативных условиях: интервью, являющиеся образцами внесценической, «своей» речи актеров. Это уже совсем другой жанр, где очень велика степень спонтанности, лексика, синтаксис и интонация принадлежат одному автору.

Н. Караченцов и М. Боярский никогда не теряют своей индивидуальности, их речь легко узнаваема, какую бы роль они ни исполняли. Именно такого типа говорящие дают представление о возможностях идиолекта человека.

А теперь рассмотрим речь Н. Караченцова и М. Боярского в разных речевых условиях и выделим наиболее контрастные различия.⁶¹

Для анализа возможностей идиолекта **Н. Караченцова** выбраны фрагменты из фильмов «Собака на сене» (режиссер – Я. Фрид, 1977), «Человек с бульвара Капуцинов» (режиссер – А. Сурикова, 1987), «Королева Марго» (режиссер – А. Муратов, 1996).

В фильме **«Собака на сене»** Н. Караченцов играет недалекого дворянина, графа Риккардо, безответно влюбленного в прекрасную графиню Диану де Бельфлор. Обратимся к известному монологу графа, представляющему собой его обращение к возлюбленной.

Вы так краси³вы, / что, взглянув на Ва⁴⁻⁶с, /
Я убежден, что Вы⁴⁻⁶ / благополу²чны. /
У же³нщины – / как | о⁶пыт учит нас – /
Здоровье с красото⁴⁻⁶ю / не²разлу²чны.
Вы све²жестью / та²к радуете гла²з, /
Что² лишь неве²жда, / лишь глупе²ц докучный, /
Который до рассудка не доро³с, /
Ва³м / о здоро²вье / задал бы вопро¹с. /
Ита⁴⁻⁶к, / что Вы благополучны, зна³я /
По Вашим во⁵схити⁵тельным чертам, /
Хочу узна³ть, / сеньо²ра / дорога³я, /
Наско²лько я благополучен сам. /

Мы видим, что Н. Караченцов выбирает интонационные средства, великолепно передающие стиль эпохи и замысел автора. Эмоциональное состояние его героя меняется на протяжении монолога. Сначала это восторг, вызванный красотой графини. Это задано в тексте с помощью усилительной конструкции с частицей «так», подчеркивающей высокую степень признака. Н. Караченцов поддерживает эту заданность, прибегая к использованию средне-верхнего регистра, сочетающегося с продвижением глас-

---

⁶¹ Условные обозначения для интонационной транскрипции:

Дружи⁶:ще – замедление темпа речи;

Он скорее убьет себя³! – убыстрение темпа речи;

Этого не может бы²ть. – увеличение фонетической самостоятельности слога/слова;

К:ак:и²е – увеличение длительности гласного/согласного.

ных вперед и усилением мускульной напряженности: *Вы так краси³вы, / что, взглянув на Ва⁴⁻⁶с, / Я убежден, что Вы⁴⁻⁶ / благополу²чны. /*

Охвативший героя восторг подчеркивается интонационной наполненностью каждого слова. Однако использование ИК-5 в этом случае все же оказалось бы «перебором», поэтому актер выбирает двувершинную ИК-2 (*та²к радуете гла²з, / Что² лишь неве²жда, /*), которая отличается от ИК-5 отсутствием растяжения гласных и мелодической «крыши».

И все же один раз Н. Караченцов прибегает к ИК-5 в пределах одного слова, чтобы передать заданную в тексте высшую степень восторга (слово «восхитительный»), переполняющего его героя: *Ита⁴⁻⁶к, / что Вы благополучны, зна³я / По Вашим во⁵схити⁵тельным чертам...*

Затем восторг сменяется желанием графа Риккардо узнать о чувствах возлюбленной по отношению к нему. Следуя за лексикой и синтаксисом предложения, Н. Караченцов усиливает это желание своего героя с помощью просительной интонации: *Хочу узна³ть, / сеньо²ра / дорога³я...*

Состояние героя в конце монолога можно передать как тревожное ожидание: он не знает, что ответит ему графиня, но надеется на взаимность. Это передается резким падением тона в постцентральной части ИК-2: *Наско²лько я благополучен сам.*

Анализ видеоряда показывает полное соответствие жеста, мимики и интонации: сначала герой обращается к даме, вытянув вперед руку, затем прижимает ее к сердцу, его глаза горят, выражая восторг и преклонение перед ее красотой. При словах «насколько я благополучен сам» его лицо вытягивается, рука опускается, и он выжидательно смотрит на графиню.

Итак, мы видим, что и текст, и звуковой ряд передают стиль эпохи: игра словами, витиеватость, преклонение перед дамой и восторженное к ней обращение. В то же время это комический образ, что также подчеркивается интонационно: высокий тон на каждом слове, послоговое произношение. Чрезмерность переходит в комичность.

Теперь перейдем к фильму А. Суриковой **«Человек с бульвара Капуцинов»** (1987). Здесь уже совсем другая эпо-

ха, другие герои и, следовательно, другая стилистика. Действие происходит в одном из ковбойских городков Дикого Запада с его традиционными стрельбой, сквернословием и драками. В этом городке появляется тихий «миссионер от кино» мистер Фёст. Неведомое прежде ковбоям искусство полностью меняет их жизнь.

Н. Караченцов играет одного из ковбоев – Билли Кинга. Его герой недалек и груб, но стремится к прекрасному. Используемые актером речевые средства направлены на то, чтобы подчеркнуть противоречивость образа героя.

При создании речевого портрета Билли Кинга использовалась разговорная (обращения «парень», «дружище») и оценочная («гадость») лексика, однако основным средством является интонация. В отличие от речевого портрета графа Риккардо, где использовался средне-верхний регистр, здесь Н. Караченцов прибегает к средне-нижнему и нижнему регистру, что подчеркивает, с одной стороны, грубость, агрессию Билли, а с другой стороны – подавленность, тоску, неудовлетворенность своей жизнью.

Билли: Сэ⁴р, / это был мой бифште⁴кс!

Фёст: Прости¹те... / Где³?

Билли: Сэ³р! / Га⁴рри, / за мной сто до²маров!

Здесь агрессия Билли подчеркивается с помощью ИК-4, а также усилением напряженности согласных.

Его дальнейшие реплики направлены на то, чтобы подчеркнуть, что кажущийся грубым ковбой на самом деле не удовлетворен окружающим, обладает мечтательной душой и томится тоской по высокому.

Билли: Дружи⁴:ще, / твои: дела: безнаде¹:жны. / Сер³дце мисс Литл / неприступно, как форт Но¹кс. /

Билли: Никогда не пе³й / эту га¹дость. / Привы³кнешь, / и жизнь твоя не будет сто³ить / ломаного це¹нта.

Билли: Во³т так мы отдыха⁵ем, / Джо³нни. / А душе хочется чего-то друго¹го... Све²тлого, / большо²го...

Н. Караченцов усиливает заданное лексикой и синтаксисом ощущение тоски, безысходности, подавленности («дела безнадежны», «сердце неприступно», «гадость», «жизнь твоя не будет стоить ломаного цента») с помощью интонационных средств: медленный темп речи, частое членение, растягивание гласных, использование ИК-6, и ИК-5,

ослабленная мышечная напряженность, фокус артикуляции сдвинут назад.

Теперь обратимся к сериалу **«Королева Марго»** (1996, режиссер – А. Муратов), снятому по мотивам одноименного романа А. Дюма. Начало действия в фильме приходится на канун Варфоломеевской ночи (24.08.1572) – массового убийства гугенотов в Париже, организованного Екатериной Медичи и Гизами.

Н. Караченцов играет знатного дворянина де Муи, гугенота, оказавшегося в числе потерпевших во время Варфоломеевской ночи. Де Муи удалось спастись, но он не может вернуться в свой дом, его друзья убиты. Кроме того, его жена теряет ребенка и во всем винит своего мужа.

Таким образом, эта роль раскрывает новые возможности Н. Караченцова: умение передать трагизм положения своего героя.

Для анализа выбран диалог де Муи с королевским астрологом (С. Юрский). Эмоциональное состояние де Муи в начале диалога можно определить как апатию, вызванную пережитым горем.

Астролог: А вы споко¹йны./ Не опас³аетесь./ что я вас доста²влю/ прямо к головорезам Ги³за?

Де Муи: Это было бы для меня лучшим вы¹ходом.

Астролог: Но-но¹./ Вы мо²лоды./ бога²ты./ уда²чливы./ Вам ли желать сме³рти?/ К тому же⁴⁻⁶/ люди Гиза – большие мастера по части пы¹ток.

Де Муи: Я не Бог вещь как мо⁴⁻⁶лод./ не слишком бога⁴⁻⁶т/ и уж совсем не уда¹члив./ Кака²я удача.../ Все наши люди уби¹ты./ Я остался оди²н./ оди²н./ как пе¹рст.

Апатия героя подчеркивается средствами интонации: нижний регистр, сочетающийся с продвижением гласных назад и ослаблением мускульной напряженности.

Де Муи ожидает новый удар: он узнает о том, что Генрих Наваррский, политический глава гугенотов, принял католичество.

Астролог: Они уби³ты./ но мы жи²вы/ – разве это не уда³ча?/ Вы теперь еди³нственный/ оставшийся в живых гуге-но¹т./ Еди²нственный во всем Париже.

Де Муи: Как единственный? / А Генрих Наваррский? / Он жив, я надеюсь?

Астролог: Он жив, / но только он больше не гугено⁴. / Сегодня вечером Генрих Наваррский принял католи¹чество.

Де Муи: Что³? / Этого не может бы¹ть. / Генрих принял **католи³чество?** / **Этого не может бы²ть.** / Он скорее убьет себя³!

Этот фрагмент демонстрирует нарастание экспрессивности в лексике и синтаксисе: ряд вопросов, «Этого не может быть», «Он скорее убьет себя!» и др. Эмоциональное состояние де Муи можно определить как удивление с преобладанием оттенка неожиданности. Это задано в тексте, и интонация актера следует за лексикой и синтаксисом: Как единственный? – «как» и ИК-2; Что³? Генрих принял **католи³чество?** – переспрос, ИК-3.

Активное эмоциональное состояние подчеркивается переходом к средне-верхнему регистру и изменением степени выраженности артикуляционно-акустических компонентов, усилением мускульной напряженности, придыхательностью, увеличением фонетической самостоятельности слога в пределах слова.

Фраза «Он скорее убьет себя³!» – это уже не просто удивление, это вспышка гнева, что передается сочетанием лексики и интонационных средств (в первую очередь, ИК-3 с резким повышением тона, убыстрение темпа, усиление мускульной напряженности, продвижение гласных вперед). Герой не произносит эти слова, а, скорее, выкрикивает.

Итак, эта роль выявила новые возможности Н. Караченцова: умение передать трагический пафос роли, что потребовало владения регистрами, умения варьировать степень выраженности артикуляционно-акустических компонентов.

Таким образом, Н. Караченцов демонстрирует гармоничное сочетание средств синтаксиса, лексики, интонации, артикуляции.

Теперь сделаем некоторые **обобщения** относительно идиолекта Н. Караченцова.

Роли, которые были выбраны для анализа возможностей идиолекта этого актера, являются контрастными. Все

они требуют разного: роль графа Риккардо – галантности, любезности, совершенного владения средствами высокого регистра при разговоре с дамой, роль ковбоя Билли – умения чередовать регистры и тембры для того, чтобы изобразить противоречивость этого персонажа, роль де Муи – изображения трагизма положения героя.

Всех героев Н. Караченцова отличает активное выражение эмоциональных состояний и резкая их смена. Разумеется, в этом проявляется широкий диапазон возможностей актера. Роли потребовали выражения таких эмоциональных состояний и реакций, как удивление, восхищение, гнев и др. Широкие возможности идиолекта актера проявляются в свободном владении регистрами – от нижнего (Билли, де Муи) до средне-верхнего и даже верхнего (граф Риккардо), легкости переключения с одного регистра на другой, варьировании степени выраженности артикуляционно-акустических компонентов, во владении интонационной синонимией.

Кроме того, Н. Караченцов демонстрирует прекрасное владение сочетаемостью вербальных и невербальных средств: голоса, жеста, мимики (на это обращалось внимание при анализе фрагмента из «Собаки на сене»).

Проанализированные фрагменты кинофильмов показали, что Н. Караченцов очень тонко чувствует слово, его структуру, искусно владеет речевыми средствами.

Рассмотрим возможности идиолекта **М. Боярского**.

Если Н. Караченцов дает контраст характеров и, следовательно, средств, то возможности идиолекта М. Боярского проявляются в другой форме. Актер демонстрирует не разнообразие контрастов, а разнообразие оттенков в пределах одного образа – иронично настроенного мужчины. Это отражается в структуре идиолекта. Для анализа возможностей идиолекта М. Боярского выбраны речевые портреты Сильвы («Старший сын», 1975, режиссер – В. Мельников), Черного Джека («Человек с бульвара Капуцинов», 1987, режиссер – А. Сурикова) и Келлера («Идиот», режиссер – В. Бортко, 2002).

Начнем анализ с фильма **«Старший сын»**. В нем М. Боярский играет Семена по прозвищу Сильва, человека веселого, любимца женщин, балагура. Темой большинства

его диалогов являются «дела сердечные»). Это влияет и на употребляемую лексику («бешеный интерес», «свидание» и т.п.). Речь Сильвы экспрессивна и на лексическом, и на синтаксическом уровне (Мсье Сарафа³нов, / докла²дываю: / жи¹знь / бье¹т / ключо¹м; А чего ты затоскова³л? / В чем де³ло? / Сы²н ты / или бедный ро³дственник?; У вас бе²шенный интeрес, / причем взаи¹мный. / На вас нельзя смотре³ть /– просто пла²кать хочется.). В соответствии с содержанием и лексикой текстов М. Боярский прибегает к особой «игривой» интонации. Она создается следующими средствами: средне-верхний регистр, быстрая смена типов ИК на коротких участках речи, очень короткие предцентры и постцентры, растяжение гласных. Например:

Она то³нет, / а я³ / ее спаса⁴ю, / а³? / Неплохо²е нача-
ло, / скажи³?

Мне здесь уже⁴⁻⁶: / нра²вится. / И тебе² здесь неплохо. /
Дела иду³т? / Я имею в виду³: /серде²чные.

Ритмическая структура ИК помогает передать и мягкую, вкрадчивую речь Сильвы: понижение регистра, плавные изменения тона в пределах слога и составных частях ИК: Мы придем сюда но³чью, / да³?

Теперь обратимся к фильму «Человек с бульвара Капуцинов» (1987), в котором М. Боярский играет «благородного разбойника» Черного Джека. Это во многом характерная для М. Боярского роль: мужественный и благородный герой, обаятельный, несмотря на неблагоприятные поступки, характерной чертой которого является ироничное отношение к реалиям, которые для других являются святыми (Библия, книги об искусстве). Эти понятия попадают в иронический контекст, усиленный интонационно и фонетически: усиление фонетической самостоятельности слова, послоговое произношение.

Джек: Де²сять против одного, / сэ⁴р, / что вы двумя ру-
ка³ми / держитесь за

Би²:блю!

Фёст: Ну, для меня это, скоре³е, / Свяще¹нное писа-
ние.

Джек: Гото³витесь / к лучшей жи³зни?

Фёст: И ва³м / того¹ же желаю.

Джек: Я не тороплю¹сь. / И ва²с не тороплю.

Джек: Признаться, грамматика не моя стихия,³/ но даже я могу разобрать⁴⁻⁶,/ что многие страницы здесь **пусты**².

Черный Джек – это человек, который осознает свою силу и безнаказанность. Его речь грубовата и иронична, иногда появляется и самоирония («Признаться, грамматика не моя стихия, но даже я могу разобрать...»), «Считать-то я умею» – после того, как его уличили в безграмотности). В речи Джека встречается и лексика, прямо говорящая о его роде занятий («Когда я отправил на тот свет свою первую дюжину...»). В соответствии со всем этим характерной чертой речевого портрета Джека М. Боярский делает особую «задиристую» интонацию. Она создается за счет частого членения на синтагмы, ярко выраженной контрастности центра ИК, резких повышений и понижений тона. Интонация Джека – повествовательная, он наслаждается всеобщим вниманием. Отсюда – ИК-4⁶, ИК-5, ИК-3.

Забавные вещи вы говорите,⁵/ сэ'р./ Послушать бы вас в другой раз!/ Когда я отправил на тот свет свою первую дюжину,³/ моя матушка сказа¹ла мне:/ «Дже¹к,¹/ если ты в чем-то и виноват,³/ то только в то²м,²/ что не встретил на своем пути⁴⁻⁶/ хор:о⁵шего челове⁵ка».

Черный Джек, как и более ранний герой М. Боярского Сильва, – персонаж, обладающий прекрасным чувством юмора. Но между ними лежит тонкая грань: Джека отличает ирония и благородство, а Сильву – «игривость». М. Боярский передает это различие, изменяя сочетаемость интонационных средств: плавные понижения и повышения тона в речи Сильвы заменяются в речи Джека на резкие движения тона в сочетании с различными явлениями в слоге центра.

Теперь обратимся к одной из последних работ М. Боярского – фильму В. Бортко **«Идиот»** (2002). Роль Келлера, которую М. Боярский играет в этом фильме, во многом нетипична для этого актера. Келлер – бывший боксер, опустившийся человек из компании Рогожина. Он не похож на сильных, благородных и независимых героев, роли которых обычно исполняет М. Боярский.

Для анализа выбран диалог Келлера с князем Мышкиным (Е. Миронов). Текст демонстрирует разнообразные

проявления эмоционально окрашенного в области лексики, синтаксиса и интонации. Ведущей эмоциональной реакцией Келлера является удивление, так как поведение и слова князя Мышкина противоречат тому, чего ожидал Келлер. Обращает на себя внимание большое разнообразие средств выражения удивления:

К: ак:и²е у меня изумру²ды, / кня³⁻²зь? /

Но вы меня о деньгах спросили та²к, / как бу⁴⁻⁶дто / не находите в этом ничего предосуди²тельного, / бу²дто так и бы²ть должно?

– двувершинная эмоциональная реализация ИК-2;

Нельзя³? – эмоциональная реализация ИК-3 с вершинной на гласном предцентра и центра;

От ва³с? / Чего жда²л? – парцелляция высказывания, характерная для выражения удивления;

Да поми²луйте, князь. – начальное «да» и ИК-2;

И не возмущены³⁻²:? – эмоциональная реализация ИК-3² с увеличением длительности центра;

Ну почему вас после этого называют идио⁶том, / не⁵ понима⁵ю. – ИК-6, ИК-5 с сильным первым центром.

Еще одной особенностью речи М. Боярского в этом диалоге является ярко выраженное движение тона в предцентре ИК. Это может быть высокое начало («/А под изумру²ды, – говорю, / – дади³те?»); Н/у разуме¹ется.) или усиление предупредных слогов («Ну и отли²чно!» – говорю.; Хо-хо-хо, княз³зь, / до какой же степени вы еще, так сказа³ть, / **пошвейца²рски** понимаете человека.).

Вообще, в анализируемом тексте очень много эмоциональных реализаций ИК. Кроме уже рассмотренных примеров можно отметить, например, ИК-1 с повышением тона в постцентре (Один отве¹/т), ИК-3 с восходящим тоном в предцентре (Д/айте мне только двадцать пять рубле³⁻²й, / и дово¹льно.) и ИК-5 с усилением первого центра (еди⁵нственно вам одному⁵).

Сделаем **обобщения** относительно возможностей идиолекта М. Боярского. Как и в случае с Н. Караченцовым, для анализа идиолекта М. Боярского были выбраны контрастные роли. Конечно, здесь контрастность менее заметна, т.к., как уже было сказано, в большинстве случаев этот актер

выступает в образе сильного, ловкого, обаятельного героя. Но, разумеется, благодаря широким возможностям своего диалекта М. Боярский смог сделать каждого из своих героев неповторимым, в каждом найти «изюминку». В образе Сильвы на первый план выступает веселость и «игривость», Черный Джек обладает такими характеристиками, как ироничность и задиристость, роль Келлера, наиболее «театральная» из всех представленных, потребовала искусного владения всем арсеналом выразительных средств русского языка.

Интерпретация образов этих героев предполагает использование жеста, мимики, сценографии и речевых средств. Остановимся на речевых средствах и выделим те из них, которые используются вне зависимости от роли.

- Различные явления в слоге предцентра:
  - В **чем** де³ло? (Сильва) – усиление фонетической самостоятельности предцентра;
  - З/*ато* хорошо слы³шу! (Черный Джек) – ИК-3 с вершиной на гласном предцентра и центра;
  - «А\ под изумру²ды, – говорю,/ – дади³те?» (Келлер) – ИК-2 с высоким началом.

- Выделение в синтагму последнего слова предложения:
  - Не могу же я обма³нывать/ же¹нщину. (Сильва)
  - В конце концо³в,/ моя це²ль была занять/ де¹нег. (Келлер)

- Усиление фонетической самостоятельности слова и слога, вплоть до скандирования:
  - Хо-хо-хо, кня³зь,/ до какой же степени вы еще, так сказа³ть,/ **по-швейца²рски** понимаете человека. (Келлер)

- Увеличение длительности согласного при выражении активного эмоционального состояния:
  - Н:*и*² за что² (Сильва)

- С:о²рок./ Э³нди./ с:о²рок./ С:чита²ть-то я умею.
(Джек)
- Н:е низ:ко это, по-вашему? (Келлер)

Широкие возможности М. Боярского проявляются в варьировании тембровой окраски речи (например, при создании речевого портрета Джека – продвижение гласных вперед, усиление мускульной напряженности; речевой портрет Келлера – продвижение гласных назад, опускание гортани, попеременное усиление и ослабление мускульной напряженности), искусном употреблении нейтральных и эмоциональных реализаций ИК (особенно ярко это демонстрирует отрывок из «Идиота»).

Таким образом, мы видим, что М. Боярского по сравнению с Н.Караченцовым отличает большая избирательность в отношении языковых средств, что, конечно, делает его более узнаваемым. Здесь необходимо сказать о том, что каждое из этих средств по отдельности может использоваться каждым носителем языка, но идиолект М. Боярского характеризует именно определенная их сочетаемость, богатство употребления и уместность.

Возможности идиолекта прослеживаются также на материале **интервью**, в других речевых условиях (радиостанция «Маяк», программа «Звездная гостиная», ведущая – О. Таран). Существенно отметить, что интервью берет одна и та же журналистка, которая задает один и тот же вопрос, а именно на тему «Профессия актера». В формулировке вопроса содержатся элементы торжественных, пафосных выражений (например, «волшебный свет рампы»), на которые реагируют оба актера. Они оба не принимают пафос, но выражают это по-разному: Н. Караченцов (НК) сдержан, предельно нейтрален, а М. Боярский (МБ) очень эмоционален. Это различие отражается в лексике, синтаксисе и интонации.

НК менее категоричен, и поэтому в его ответе более частотны вводные слова, допускающие возможность разного истолкования, и в то же время он выражает свое отношение.

Ну, про нашу профессию говорят, что это не профессия, это диа³гноз./ что это болезнь навсегда³./ нельзя

любить нашу работу, ее надо любить патологически, ненормально, нездоровым образом, причем так жизнь сложилась, что...я вроде чего-то успел достиг, достичь, достигнуть в этой жизни, в профессии своей, но я как-то тут попал в город Рыбинск, и у театра был юбилей, и я вдруг понял, что в этом театре работают люди, которые никогда в жизни не появятся ни на одном экране телевизора, никогда в жизни не появятся в кинематографе. Им вручали какие-то призы, там был региональный такой смотр-конкурс спектаклей, они радовались и плакали, что вот они получили эти призы, которые, в общем, наверное, не представляли материальной ценности, а больше что-то такое для сердца, для души. И я так понял, наверное, и моя жизнь, и вообще судьба актриса, она именно в этом и заключается, это главная награда в жизни.

Лексика, синтаксис, интонация передают размышление, возможности разного решения. Следует отметить такую черту внесценической речи Н. Караченцова, как средняя или даже слабая степень контрастности интонационных центров (у театра был юбилей – слабое понижение тона в ИК-1, близко к ИК-2; никогда в жизни не появятся в кинематографе – в ИК-3 почти нет повышения, близко к ИК-2; там был региональный такой смотр-конкурс спектаклей – нет понижения в ИК-1; а больше что-то такое – ИК-3 со слабой степенью выраженности).

Большая эмоциональность реакции МБ выражает активное неприятие пафоса, несогласие с ним. Это отражается в лексике, синтаксисе.

Вы знаете, я достаточно скептически отношусь к этому волшебному слову. Нет, я так не думаю и думаю, что и он заразился от меня этим. Мне все равно абсолютно, какого цвета софиты, кто в зале, мне самое главное – выполнить **максимально** добросовестно свою работу – будь там детский сад, или больные "афганцы", или там профессора консерватории, или забойщики из шахты. Мне важно быть честным перед собой и перед Богом. А если я буду для каждого по-особому петь, а уж тем более под фонограмму... Фонограмму не изменишь, а когда поешь вживую, то нужно максимум, как прыжок в

высоту³;./ нужно взять/ два двадцать во¹семь/ – и все¹./ А сего²дня я могу только метр три²дцать/ – ну тогда уходи из спо¹рта./ Нужно ка⁵ждый ра⁵з/ брать эту высоту³,/ н:е⁵з:ави⁵симо от того, кто в зале./ Это сло⁴-бжно,/ и я так ду⁴-бмаю,/ делать опера³цию/ – неважно, ро⁶дственнику/ или врагу,⁶/ – нужно профессиона¹льно./ В э⁴-том/ состои²т/ профессионали⁴-зм/ хиру¹рга./ И какая ра³зница,/ кто в амфитеатре смотрит на его руки и на его спосо¹бности.../ Ва⁴-бжно,/ чтобы челове²к/ вы¹жил./ Особенно на сце²не,/ когда делаешь операцию с ду³шами,/ нужно, чтобы лю⁴-бди/ вышли с чистой душо¹й./ А заработать деньги можно и⁴-б/ другим любым спо¹собом/ – отрави²в их/ на мгнове³ние,/ дав им поня²ть,/ что они сча⁴-бстливы./ Но пото³м/ обратная реакция будет страшна¹./ Это сложная операция на челове⁴-ческие ду⁴-ши,/ и нужно быть очень аккурат¹ным.

Характерной чертой речи М. Боярского является выделение по длительности и напряженности и гласных, и согласных, в первую очередь, сонорных и шипящих, что является чертой экспрессивной речи. И действительно, особенно много примеров можно найти в начале анализируемого фрагмента, когда актер несколько раздраженно реагирует на выражение «волшебный свет рампы». Подобное выделение согласных по длительности используется актером и при исполнении ролей при выражении активного эмоционального состояния. В связи с интонационной структурой речи М. Боярского необходимо отметить такие особенности, как частое членение и яркая контрастность интонационных центров.

Интересно отметить, что оба актера при рассказе о своей профессии используют близкие по смыслу метафоры:

Н. Караченцов: «Ну, про нашу профессию говорят, что это не профессия, это диагноз, что это болезнь навсегда, нельзя любить нашу работу, ее надо любить патологически, ненормально, нездоровым образом...»

М. Боярский: «Это сложная операция на человеческие души, и нужно быть очень аккуратным».

Обе метафоры имеют общую архисему «болезнь», но актеры подошли к ее развитию с разных сторон. Н. Караченцов подчеркивает непреодолимость этой «болезни», ак-

тер – это неизлечимо больной человек. М. Боярский видит здесь другой аспект – профессионализм: актер – это «хирург», врач, производящий сложнейшую операцию над душами зрителей. Таким образом, здесь также можно говорить о взаимодействии общего и индивидуального.

Проведенный анализ материала показал, что актеры Н. Караченцов и М. Боярский обладают широкими возможностями идиолекта, что проявляется как в сценической (кинофильмы), так и во внесценической (интервью) речи.

Широкий диапазон возможностей обоих этих актеров позволяет сопоставить их речь и выделить наиболее яркие индивидуальные особенности.

Основываясь на выводах, сделанных относительно идиолекта каждого из этих актеров, можно сказать, что у Н. Караченцова шире круг перевоплощений, его ампула контрастны, что обуславливает контрастность используемых средств. М. Боярский чаще всего выступает в рамках одного ампула – сильного и обаятельного мужчины, соответственно, его идиолект богат оттенками, а не контрастами. Это отражается в первую очередь в использовании регистров: диапазон регистров Н. Караченцова очень широк (от нижнего до средне-верхнего и даже верхнего), у М. Боярского он уже, актер работает в основном с нижним, ниже-средним, иногда средним регистром, не используя (в рамках исследованного материала) верхний.

М. Боярский более узнаваем и по характеру роли, и по речи, в которой можно выделить ряд ярких особенностей, повторяющихся от роли к роли: выделение последнего слова в предложении в синтагму, разнообразные явления в предцентре ИК, усиление фонетической самостоятельности слогов в пределах слова вплоть до использования послоговой речи, увеличение интенсивности и длительности согласных.

Эти же особенности можно наблюдать и в интервью актера. Таким образом, у М. Боярского нет яркой контрастности сценической и внесценической речи.

У Н. Караченцова, напротив, внесценическая речь сильно отличается от сценической, она более нейтральна. Наиболее яркая черта – это слабая контрастность центров ИК, наблюдаемая в интервью, при резкой контрастности в художественной речи.

В целом, степень эмоциональности у М. Боярского выше, чем у Н. Караченцова. При выражении, например, несогласия (интервью) Н. Караченцов более сдержан, а М. Боярский более эмоционален. Здесь можно говорить о разном проявлении личности.

Таким образом, речь М. Боярского в целом более эмоциональна и богата оттенками, а речь Н. Караченцова демонстрирует более разнообразное проявление эмоциональной контрастности.

В заключение хотелось бы еще раз сказать о многоаспектности и междисциплинарности проблемы идиолекта: ее затрагивают исследования в области криминалистики, логопедии, преподавания иностранного и родного языков и др. Одно из основных свойств идиолекта – это то, что он развивается. Это связано с увеличением лексического запаса слов, освоением лексической, грамматической, интонационной синонимии, развитием спонтанности речи. Для учителей особенно важно учитывать динамические возможности идиолекта и помогать учащимся развивать свою речь с учетом индивидуальных особенностей каждого.

Библиография

1. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М., 1977.
2. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. Брызгунова Е.А. Интонационная организация сценической речи // Русское сценическое произношение. – М., 1986.
4. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. – М., 1989.
5. Земская Е.А. Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы. – М., 1990.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

7. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.
8. Китайгородская Н.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М., 1995.
9. Красных В.В. Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования. Вып. 3. – М., 1997.
10. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. №1. – М., 2001.
11. Панов М.В. История русского литературного произношения XIII-XX вв. – М., 1990.
12. Промптова И.Ю. Интонационная выразительность актера // Культура сценической речи. – М., 1979.
13. Русское сценическое произношение. – М., 1986.
14. Судакова Л.И. К вопросу о функционировании интонационных регистров в русской устной речи // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. – М.: Изд-во Московского университета, 2004.
15. Сценическая речь: Учебник / Под ред. И.П. Козляниновой и И.Ю. Промптовой. – М., 2002.
16. Труфанова В. Я. Соотношение индивидуального и общего в интонации. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
17. Труфанова В.Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. – М.: Изд-во Московского университета, 2004.

Шуйская Ю.В., кандидат филологических наук. Средства формирования оценки в публичных выступлениях.

Одной из основных целей публичного выступления в любом жанре (политическая, судебная, торжественная речь) является формирование оценки (положительной или отрицательной, того или иного предмета или явления в глазах аудитории). Для этой цели используются различные средства, в том числе апелляция к эмоциям, воздействие авторитетом самого оратора и т. п.

В рамках данной статьи рассматриваются рациональные средства формирования оценки, то есть построение аргумента, цель которого – привести слушателей к выводу, что предмет речи заслуживает положительной или отрицательной оценки.

Для выявления аргумента и рассмотрения его структуры удобнее всего использовать схему силлогизма. В публичных речах один силлогизм часто накладывается на другой. В рамках данной статьи будут рассматриваться атомарные структуры, которые в объемных речах могут соединяться в достаточно длинные цепочки.

Анализ текстов речей различных ораторов в разных жанрах позволил выявить следующую схему. В общем виде можно выделить два основных алгоритма построения оценки:

1) X является положительным, так как у него положительный Y (X является отрицательным, так как у него отрицательный Y), где Y – один из параметров X.

2) X является положительным, так как это подтверждает Z (X является отрицательным, так как это подтверждает Z), где Z – авторитетный источник.

В создании аргументов по первой схеме удалось выявить три группы параметров. Во-первых, это параметры самой описываемой в речи ситуации (такие, как субъект, объект и т. д.). Во-вторых, это связи данной ситуации с другими (например, причинно-следственные). В-третьих, это отнесение данной ситуации или предмета к тому или иному

классу (классификация по признаку рода-вида, части-целого и пр.).

В нижеследующем описании аргументов и в пояснениях к приводимым примерам используются термины «хороший» и «плохой». Эти термины следует понимать как обобщения, на месте которых в данной конкретной речи может оказаться любое слово с соответствующими коннотациями (хороший – добрый, благородный, уважаемый и т. д.; плохой – опасный, подлый, лживый и т. д.).

Построение оценки исходя из параметров самой ситуации

Анализ текстов речей позволил свести количество используемых параметров к 7: субъект, объект, инструмент, средство, место, время, образ действия. Каждый из них способен образовать аргумент по приведенному выше алгоритму.

Это действие совершил хороший человек.

Хорошие люди совершают только хорошие действия.

Это действие хорошо.

Гольдсмит – присяжный поверенный, значит, все, что он говорит, – правда.

«В настоящем деле что ни шаг, то трудности. На скамье подсудимого сидит наш товарищ, присяжный поверенный, призвание которого защищать подсудимых, защищать истину и говорить на суде только правду.

После этого не положить ли уже оружие?! Если присяжный поверенный Гольдсмит говорит, что с ним поступили так-то, то не правда ли все, что он говорит, от первого до последнего слова, не делаю ли я большой ошибки противсловия, к которому принадлежу, что решаюсь доказывать возможность неправды в словах потерпевшего лица?»⁶².

Субъект этого действия незначителен.

Все, что делают незначительные люди, – незначительно.

Это действие незначительно.

---

⁶² Плевако Ф.Н. Речь в защиту Оскара Бострема // Избранные речи. – М., 1993. – С.139.

Мои слова незначительны, потому что незначителен я сам.

«Если бы речь произнес кто-нибудь из самых влиятельных и сановитых мужей, то, коснись он хоть словом положения дел в государстве, – а без этого в нынешнем разбирательстве не обойтись, – было бы услышано гораздо больше, чем сказано. Ну, а если бы все, что следует высказать, откровенно выскажу я, то я им не ровня, и моя речь не разнесется повсюду, не разоидется из уст в уста. Затем, ничто, сказанное другими, не может быть замечено при их знатности и влиятельности, а сказанное опрометчиво не может найти снисхождения при их летах и искушенности. Ну, а если моя откровенность немного превысит меру – это либо останется неизвестным, потому что я еще не вступил на поприще дел государственных, либо будет извинено, может стать, моею молодостью; хотя, впрочем, не только поводов к извинению, но даже расследований по обвинению не хотят уже знать у нас в государстве».

Цицерон, «Речь в защиту Секста Росция Американа» [17, 27 – 28].

Объект, то есть тот, кто так или иначе подвергся данному действию, как правило, образует обратный аргумент: чьи-то действия отрицательны, если от них страдает кто-то или что-то хорошее; положительны, если они позволяют помешать кому-то или чему-то отрицательному.

От этого действия пострадал хороший объект.

Все, от чего страдает хороший объект, плохо.

Это действие плохо.

Действия Верреса возмутительны, так как он ограбил богов.

(XXXII, 17) «А вы, судьи? Можете ли вы представить себе более возмутительный и более неслыханный поступок? Веррес будет держать в своем доме канделябр Юпитера, [украшенный золотом и драгоценными камнями]? Канделябр, который должен был освещать и украшать своим блеском храм Юпитера Всеблагого Величайшего, будет стоять у Верреса во время таких пиров, которые будут охвачены пламенем привычного для него разврата и позора? В доме этого гнуснейшего сводника вместе с другими украшениями, полученными по наследству от Хелидоны, будут нахо-

даться украшения Капитолия? Может ли, по вашему мнению, что-либо быть священным и неприкосновенным для этого человека, который даже теперь не сознает всей тяжести совершенного им преступления, который является в суд, где он не может даже обратиться с мольбой к Юпитеру Всеблагому Величайшему и попросить у него помощи, как поступают все люди; для человека, от которого даже бессмертные боги требуют возвращения своей собственности в этом суде, учрежденном для того, чтобы возвращения собственности требовали люди? И мы удивляемся, что Веррес оскорбил в Афинах Минерву, на Делосе – Аполлона, на Самосе – Юнону, в Перге – Диану и, кроме того, многих богов по всей Азии и Греции, раз он даже от ограбления Капитолия удержаться не мог? Тот храм, который украшают и намерены украшать на свои деньги частные лица, Гай Веррес не позволил украшать царям!»

Цицерон, речь против Гая Верреса («О предметах искусства») [18, 117].

От этого пострадал плохой человек.

Все, от чего страдает плохой человек, – хорошо.

Это действие хорошо.

Ильяшенко поступил хорошо, так как убил своего искателя.

«Старые люди крепко верили, что сатана смущает человека на великие грехи, и радовались, когда слушали рассказы о тех случаях, когда удары соблазненного обращались вспять на самого соблазнителя.

Не сатаной ли при Ильяшенке был Энкелес? И в данном случае, из всех возможных грехов Ильяшенко не случился ли из худших лучший? Не случилось ли, что падающий раздробил своим падением того, кто соблазнил его стать на колеблющуюся доску? Не в таком ли состоянии был Ильяшенко?»

Ф.Н. Плевако, речь по делу о дворянине В.В. Ильяшенко, обвиняемом в убийстве Энкелеса. 1883 г. [8, 397].

Грань между двумя следующими параметрами – инструментом и средством – проводится следующим образом: инструментом называется конкретный предмет, которым осуществляется действие, а средством – все вспомогательные предметы, материалы и пр., также участвующие в

осуществлении действия. Иными словами, без средства действие может осуществляться, без инструмента – нет.

Это действие совершается хорошим инструментом.

Все, что совершается хорошим инструментом, – хорошо.

Это действие хорошо.

Играть на скрипке Страдивари – хорошо, так как это хорошая скрипка.

«Два советских скрипача возвращаются с зарубежного международного конкурса. Один занял второе место, а другой – четырнадцатое. Первый сильно сокрушается:

– Занял бы я первое место – получил бы скрипку Страдивари!

Второй его успокаивает:

– Ну что ты так огорчаешься! У тебя ведь отличная скрипка!

– Да ты понимаешь, что такое скрипка Страдивари? Ну как бы тебе объяснить? Для меня скрипка Страдивари, ну это как для тебя – маузер Дзержинского» [10, 399].

Это действие сделано плохим инструментом.

Все, что совершается плохим инструментом, – плохо.

Это действие плохо.

Сектанты распространяли ложную веру, так как они пользовались фальшивыми листьями бузины с изображением Христа.

«В качестве своеобразного членского билета примитивные последовательницы покойного постоянно носили при себе лист бузины с «нерукотворным» изображением Иисуса, каким тот явился сапожнику Краузерту в одном из видений.

Федеральное управление уголовной полиции исследовало листья бузины и обнаружило, что изображение Иисуса из Назарета довольно грубо выполнено с помощью обыкновенной печатки».

Г. Продль, «Заклинатель бесов» [9, 383].

Это действие совершается хорошими средствами.

Все, что совершается хорошими средствами, – хорошо.

Это действие хорошо.

Врач – великий человек, так как он лечит своим сердцем.

«...Я представляю, наверно, самую вооруженную медицинскую дисциплину – рентгенологию и радиологию. У нас удивительные рентгеновские аппараты с телевизионными экранами и видеоманитофонами. Но за всем великолепным техническим оснащением современной медицины должно быть ГЛАВНОЕ, о котором великий врач Средневековья Парацельс сказал: «Сила врача – в его сердце». Сердце врача, сердце преподавателя, как бальзаковская шагреньевая кожа, все сморщивается, а испускаемое им излучение помогает вам в жизни и учебе».

Из речей академика Леонида Давидовича Линденбратена [7, 9].

Это действие совершается плохим средством.

Все, что совершается плохими средствами, – плохо.

Это действие плохо.

Знахарство отвратительно, так как использует отвратительные лекарства.

«Иногда, чтобы выгнать злого духа болезни, больного заставляли глотать самые отвратительные снадобья, приготовленные из жабьей печени и лягушачьей крови, толченых тараканов, пауков и коровьей мочи. Или натирали мазью, сделанной из трупного жира. Знахари уверяли, что таких мерзких лекарств «нечистая сила» не может выдержать». [2, 92.]

Место, время и образ действия также часто создают оценку данного действия в глазах аудитории.

Это действие совершается в хорошем месте.

Все, что совершается в хорошем месте, – хорошо.

Это действие хорошо.

В этом зале все равны, так как в нем звучит музыка.

«...Мне вдвойне грустно, ибо я имел честь выступать на посвящении вас в студенты, причем именно в этом зале <речь идет о большом зале Московской Консерватории>, перед которым равны все – и политики, и студенты, и врачи, и педагоги, так как в нем вечно звучит страстная совесть человечества. В этом зале особенно чувствуешь время; время как нравственную категорию; время как эстафету, которую мы передаем друг другу».

Из речей академика Леонида Давидовича Линденбратена [7, 18].

Это действие совершается в плохом месте.

В плохих местах совершаются только плохие действия.

Это действие плохо.

Вы плохо поступили с младшим сыном, так как оставили его в притоне.

«Но, на мой взгляд, то, как вы поступили со своим младшим сыном, ваша светлость, заслуживает еще большего осуждения. Оставьте его на три дня в этом притоне!»

А. Конан Дойль, «Случай в интернате» [6, 118].

Это действие совершается в хорошее время.

Все, что совершается в хорошее время, – хорошо.

Это действие хорошо.

Поступление студентов в этом году – сказочное, потому что этот год – год Андерсена.

«...Всемирный Совет Мира объявил этот год годом Андерсена. И вот в этот сказочный год, 29 августа, в сказочный овеянный дыханием музыки зал пришли красны девицы и добры молодцы, прошедшие через строй экзаменаторов – Змеев Горынычей. И 1-го сентября Сказка раскроет перед вами свои двери. А за ними?...»

Из речей академика Леонида Давидовича Линденбратена [7, 3].

Это действие совершается в плохое время.

В плохое время совершаются только плохие действия.

Это действие плохо.

Никий отменил отплытие, так как не хотел плыть во время затмения Луны.

«В V веке до нашей эры во время Пелопоннесской войны, когда в Древней Греции шла борьба за господство между Афинами и Спартой, произошло морское сражение у города Сиракуз. Во время сражения случилось затмение Луны. Оно повергло в ужас афинского предводителя Никия и всю его армию. В нерешительности ... Никий задержал отплытие флота». [2, 16].

Это действие совершается хорошим образом.

Все, что совершается хорошим образом, – хорошо.

Это действие хорошо.

Лекции Трубецкого прекрасны, так как он читал их с душевным движением.

«Кто читал изданные лекции кн. Трубецкого или его «Метафизику в Древней Греции», знает только внешнюю красоту его фразы, законченность и цельность его построения, удивительную проникновенность его характеристики. Но нужно было услышать его самого. Трубецкой был лектором увлекательным, музыкальным. Он был весь подвижный на кафедре, хотя жестикулировал мало, только изредка широко расставлял руки, как бы обнимая само безграничное, άπειρον. Но чувствовалось в нем такое внутреннее, душевное движение, как будто не одно знание и ум диктовало ему лекцию, но и еще какая-то страсть – к философии, к мысли, к Древней Греции. И было беспокойно слушать его лекции, нельзя было утомиться или оторваться от этой музыкальной и трепетной речи».

Речь студента Н.Н. Русова, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 54 – 55].

Это действие совершается плохим образом.

Все, что совершается плохим образом, – плохо.

Это действие плохо.

Допрос был ужасен, так как происходил при искусственно созданной сильной жаре.

«Дальнейшие допросы происходили уже не в кабинете, а в отвратительной комнатухе без окон, зато с тремя батареями центрального отопления, вентили которых на всем протяжении многочасовых допросов были отвернуты до отказа. Гузен и трое других сотрудников сысской полиции, допрашивавшие Чесмэна, сменялись каждый час. Жара в помещении колебалась от 40 до 60 градусов. Так как с помощью одних только батарей достигнуть такой температуры невозможно, в потолок комнаты вмонтировали четыре прожектора, направив их свет на то место, куда усаживали Чесмэна. Инспектор Гузен и его помощники устраивались в неосвещенной части комнаты и в любой момент могли освежиться напитком со льдом».

Гюнтер Продль, «Дело Чесмэна» [9, 191].

Помимо оценки действия по параметру, возможен обратный ход мысли: параметр оценивается по действию (т.

е. Y хорош, потому что он принимал участие в положительном действии X). В такой аргументации также используются все вышеперечисленные параметры. Благодаря ей люди получают награды за свои действия, участники исторического события пользуются всеобщим уважением, а в музеях выставляются вещи великих людей (например, перо, которым было написано великое произведение, и пр.).

Построение оценки на основании связи ситуации с другими ситуациями.

Параметры этой группы можно условно разделить на две подгруппы: имеющие отношение к прошлому и к будущему. В прошлом мы выделяем причину данного действия и его повод (причиной называется реальное положение дел, вызвавшее данную ситуацию, а поводом – побуждения субъекта, заставившие его действовать). В судебных речах большое значение имеет еще один параметр: то, что субъект предпринял непосредственно перед действием (это может быть никак не связано с самим обсуждаемым преступлением, но помогает строить аргументацию относительно личности преступника и его психологического состояния).

Причина данного действия хороша.

Хорошие причины бывают только у хороших действий.

Это действие хорошо.

Трубецкой – великий человек, так как долгим трудом усвоил блага истинной культуры.

«Непреклонным, многолетним трудом усвоил он, как немногие в тиши своего кабинета, из наблюдений над европейской жизнью и из общения с знаменитыми учеными России и Запада блага истинной культуры нашего времени и стал их поборником для века русского просвещения и свободы.

Этим определяется его значение, его влияние на все молодое и доброе, доверие к нему даже самых суровых скептиков, живое дело и широта замыслов его преподавательской деятельности в стенах университета, его понимание задач философии и пользы ее изучения».

Речь Б.А. Фохта, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 47].

Причина данного действия плоха.

Плохие причины бывают только у плохих действий.

Это действие плохо.

Этот аргумент обычно используется при осуждении мести как ответа злом на зло.

Мстить плохо, так как месть вызвана злом.

Это действие вызвано хорошим поводом.

Хорошие поводы вызывают только хорошие действия.

Это действие хорошо.

Брат обвиняемого поступает благородно, так как восстанавливает волю своего отца.

«Брат обвиняемого ищет только права, самовольно нарушенного произволом старшего брата. Он ищет восстановления завещания, которым покойный отец его засвидетельствовал перед светом первенство младшего брата в чувстве родительской любви и благословил его теми незначительными крохами своего достояния, которые дороги не как ценность, а как дар, как знак любви, как предмет семейной гордости одаренного. ...»

Искать разрешения поводов настоящего дела следует именно в самолюбии и семейных интересах, в том желании удержать за собою знаки отцовского благословения, которое свойственно всем людям, сохранившим во всей целостности семейные привязанности.

При этом взгляде на дело антипатичность его пропадает.

В лице обвинителя и обвиняемого вы видите лишь двух спорящих об отцовском благословении сыновей, придающих значение, дорожащих памятью и волей покойного».

Ф.Н. Плевако, речь по делу Первушиных, обвиняемых в уничтожении духовного завещания, 1871 г. [8, 165].

Это действие вызвано плохой причиной.

Плохие причины вызывают только плохие действия.

Это действие плохо.

Община, учрежденная Булах, – несправедное дело, так как ее возникновение вызвала гордыня.

«Духовная гордыня внушила ей мысль дать учрежденной ею общине, бесспорно благому делу, размеры, превосходящие ее средства. Она не остановилась, и подлогами хотела дополнить то, чего недоставало».

Ф.Н. Плевако, речь в защиту интересов А.В. Мазуриной [8, 135].

То, что произошло непосредственно перед данным действием, – хорошо.

Хорошие действия предшествуют хорошим действиям.

Данное действие хорошо.

Преступление заслуживает снисхождения, так как перед ним убийца исполняла песню на стихи Некрасова.

«Она пела как никогда.

Голос ее был, по выражению юноши Малышева, страшен. В нем звучали такие ноты, что он, мужчина молодой, крепкий, волновался и плакал.

На беду попросили ее спеть ее любимую песню из Некрасова: «Еду ли ночью по улице темной».

Кто не знает могучих сил этого певца страданий; кто не находил в его звучных аккордах отражения своего собственного горя, своих собственных невзгод...

И она запела...

И каждая строка поднимала перед ней ее прошлое со всем его безобразием и со всем гнетом, надломившим молодую жизнь. ...

Душа ее надрывалась. А песня не щадила, рисуя и гроб, и падение, и проклятие толпы.

И под финальные слова: «или пошла ты дорогой обычной, и роковая свершилась судьба», – преступление было совершено».

Ф.Н. Плевако, речь по делу П.П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского, 1880 г. [8, 339].

То, что произошло непосредственно перед данным действием, – плохо.

Плохие действия предшествуют плохим действиям.

Данное действие плохо.

Слова дочери Сливинского – ложь, так как перед ними она солгала.

«Далее здесь пред вами дочь Сливинского изменила показание, данное на предварительном следствии; но когда один из свидетелей (Миликевич) сказал, что ему известно, что она получила перед самым заседанием по почте 25 р., – она должна была признать это, но сказала, что деньги ей выслал отец, забыв, что деньги были отправлены из Брацлава в Немиров, а отец ее был под арестом в Каменецкой тюрьме».

Речь присяжного поверенного В.Н. Герарда по делу Сулятицкого 22 мая 1880 г. в Каменец-Подольском оскружном суде [13, 9 – 10].

В параметрах, связанных с будущим, мы наблюдаем симметричную картину. В судебных речах для оценки используются не только действия, предпринятые подсудимым непосредственно перед преступлением, но и сразу после.

То, что произошло сразу после данного действия, – хорошо.

Хорошие действия происходят только после хороших действий.

Это действие хорошо.

Кашин не заслуживает осуждения, так как сразу после убийства он раскаялся в нем.

«Господа присяжные заседатели. Кашин убил жену, и, убив ее, среди ночи кинулся к близким. Пришел прежде всего к тетке Чебровой, которую в почтении величал «бабушкой», на Белозерскую улицу. Ей он, плача, крикнул: «Прощай, бабушка!» – и прибавил: «Я, бабушка, жену зарезал; не стерпел больше!» Оттуда метнулся на Широкую улицу – к матери своей Анне Кашинной, напугал ее своим видом до обморока, так что она тут же лишилась чувств, и успел ей только крикнуть: «Я Валечку зарезал!» – и побежал дальше» [14, 160].

То, что произошло сразу после этого действия, – плохо.

Плохие действия происходят только после плохих действий.

Это действие плохо.

Подсудимый заслуживает осуждения, так как он после нападения подрался еще с кем-то.

– Почему у подсудимого уши оказались в крови?

– Да он там, в деревне, после этого (после нападения) задрался с кем-то.

– То есть как это задрался? Вы знаете, что это было на самом деле или нет?

– Да, говорили, что он человека какого-то пырнул ножом три раза [14, 174].

Также в будущем представлена дихотомия, аналогичная противопоставлению «причина – повод» в прошлом. В данном случае речь идет о противопоставлении цели и результата. Цель идет от самого субъекта, это его побуждения, его желания. Результат – то, что получилось на самом деле. Иными словами, результат виден всем, а цель существует только в сознании самого человека.

Цель данного действия хороша.

Хорошие цели бывают только у хороших действий.

Это действие хорошо.

Нужно начать войну, так как цель – победа.

«Я заявляю палате, как уже заявил министрам, вошедшим в состав правительства, что могу только предложить кровь, труд, слезы и пот. Нам предстоят самые горестные испытания. Пред нами долгие, долгие месяцы борьбы и страданий.

Вы спросите – в чем наша политика? Скажу вам – начать войну на суше, на море и в воздухе, войну со всей нашей мощью, со всей силой, дарованной Богом; начать войну против ужасной тирании, невиданной даже в самых темных, самых прискорбных списках человеческих преступлений. Такова наша политика.

Вы спросите – какова наша цель? Могу ответить одним словом: победа. Победа любой ценой, победа, невзирая на все ужасы, победа, каким бы долгим и тяжелым ни был путь к ней, ибо без победы мы погибнем. Представим это себе с предельной ясностью. Не станет существовать Британская империя, погибнет все, что она отстаивала, исчезнут и вековые импульсы, толкающие человечество вперед к его цели».

Уинстон Черчилль, речь 13 мая 1940 г. в Палате общин по случаю формирования коалиционного военного правительства [15, 397].

Цель данного действия плоха.

Плохие цели бывают только у плохих действий.

Это действие плохо.

Поведение Гольдсмита непочтенно, так как он собирается мстить.

«Здесь же происходит предварительно спокойный разговор о замене одного обязательства другим, и обнаруживаются до того добрые отношения, что Гольдсмит находит даже нужным успокоить господ Бострем, боясь, что они раздумают воспользоваться документами: я, говорит Гольдсмит, дал им документ и успокаивал их, что деньги отдам.

Для чего делалось это?

Для того, чтобы явиться к следователю и накрыть противников.

Года два назад наше общественное мнение сильно возмущено было подобными фактами: известные чины полиции, узнав, что такое-то лицо желает совершить преступление, вместо того чтобы остановить его на приготовлении или на покушении, выжидали, пока совершится преступление, чтобы накрыть преступника и получить похвалу, награду.

Почтенный наш товарищ не принадлежит к этому словию – он не нуждается в какой бы то ни было награде; но у него была другая цель: он желал отомстить людям, которые подрались с ним».

Ф.Н. Плевако, речь в защиту Оскара Бострема [8, 144 – 145.]

Результат данного действия хорош.

Хорошие результаты бывают только у хороших действий.

Это действие хорошо.

Университетская наука помогает разбираться в жизни, так как Трубецкой разрешал многие запутанные вопросы.

«И вот почему я скажу, что С.Н. Трубецкой был живым оправданием и блестящею апологией университетской науки и науки вообще. Когда нам будут говорить теперь, что университетская наука отвлекает от жизни, что философ-

ская мысль отучает от действия, мы с гордостью укажем на него, как на наше знамя, и скажем: вот человек науки, который в ней находил опору для действия, у которого слово становилось делом и мысль фактом. И, что особенно важно, связь эта была не случайная, а фактическая. Его деятельность, с особыми присущими ей свойствами, объясняется именно его научным и философским мирозерцанием: отсюда она проникалась тем особенным духом прозорливости, который не может быть дан практическим опытом, который дается только глубиной теоретической мысли. Каждый, кто знал кн. Сергея Николаевича, замечал, конечно, в его оценке событий и планах действий нечто особенное и ему в особенности присущее: он не поддавался временному впечатлению событий, не терялся среди оглушающего шума их, а всегда смотрел вперед, созерцал все с высоты своей веры и своего знания. И потому нередко случалось, что в запутанные вопросы, в безнадежно затягивающиеся дела он бросал яркий луч света, после которого все казалось иным и открывался выход из положения».

Речь профессора П.И. Новгородцева, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 46].

Результат данного действия плох.

Плохие результаты бывают только у плохих действий.

Это действие плохо.

Кредитное общество причинило зло, так как действия его руководителей развращали массы.

«Итак, миллионный убыток в прошедшем угрожает в будущем не только миллионными потерями, но, по заключению ревизии, и ликвидацией. Как ни печальны эти последствия, грозящие Москве еще невиданным крахом, но, можно сказать, что почти ничтожны сравнительно с общественным злом, причиненным законами Кредитного общества.

Они извратили выборное начало; они создали пародию самоуправления. Системою долголетнего хищения они развили опасную спекуляцию и самое низкопробное мажоранство. Зрелищем безнаказанного прибыльного обмана они развращали массы».

Речь присяжного поверенного кн. А.И. Урусова по делу Московского Кредитного общества. 20 сентября – 4 октября 1899 г. [4, 436].

Построение оценки на основании классификации.

Отнесение предмета, которому посвящена речь, к той или иной категории позволяет «поставить» его на положительную или отрицательную сторону в сознании слушателей. Если категория, к которой отнесено данное явление, имеет отрицательные коннотации, то и само явление наследует их в глазах слушателей. То же самое происходит при положительных коннотациях.

В рамках данной группы аргументов выделяются три основных параметра: родо-видовые отношения, отношения части-целого и оценка объекта через его имя.

Этот человек принадлежит к хорошей категории людей.

К хорошей категории принадлежат только хорошие люди.

Этот человек – хороший.

Трубецкой – великий человек, так как он из тех, в ком осуществлялось высшее примирение.

«Есть эпохи в жизни народов, когда все противоречия как-то особенно болезненно обостряются, когда образуется дисгармония между самыми глубокими потребностями человеческого духа, между религиозным исканием непреходящих, вечных ценностей и испытующей аналитической мыслью, между идеалом, обаятельным в своей привлекающей красоте, и действительностью, грубой и печальной. Такие противоречия имеют свой великий смысл в экономии человеческой жизни: они будят мысль и двигают волю, они залог человеческого прогресса. Но такую возвышенную миссию они могут осуществлять лишь в том случае, если не утрачена вера, что они допускают высшее примирение. Великое значение имеют люди, в которых осуществляется это примирение всюду, а в России особенно, в России, где все эти контрасты между реальным и идеальным переживаются с такою исключительною болезненностью. Великое значение для русского общества имел в этом смысле кн. С.Н. Трубецкой».

Речь приват-доцента С.А. Котляревского, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 38].

Этот человек принадлежит к плохой категории людей.

К плохой категории людей принадлежат только плохие люди.

Этот человек – плохой.

Старик Лукашевич – плохой человек, так как он из тех, кто видит свои страдания и не замечает чужих.

«Но должен сказать, что есть лица, которых до известной степени можно назвать страстотерпцами: они любят рассказывать о том, что много страдают, даже болеют, но никогда не страдают за тех, кому сами причиняют страдания; они даже не понимают этих страданий и не упоминают о них; свою впечатлительность они слишком высоко ценят.

Старик Лукашевич был именно таким человеком. Он помнил только то, что ему нехорошо; но что другим худо, хотя бы и по его вине, он это совершенно забывал. Он не стесняясь, здесь, на суде, рассказывал о своем горе, причем напирал на то, что все горе шло от второй жены. Следовательно, он не мог делиться с нею своими страданиями, он должен был искать на стороне покровителя, такого человека, с которым мог бы поделиться своим горем».

Ф.Н. Плевако, речь в защиту Н. Лукашевича [8, 53].

Этот человек принадлежит к хорошему множеству людей.

К хорошему множеству принадлежат только хорошие люди.

Этот человек – хороший.

Владимир – великий князь, так как он из рода великих князей.

«Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великое и чудное сотворившего – нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святославова, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прославились во многих странах».

Иларион, «Слово о Законе и Благодати» [5, 105].

Этот человек принадлежит к плохому множеству людей.

К плохому множеству принадлежат только плохие люди.

Этот человек плохой.

Романов и Матвеев – плохие люди, так как они известные воры.

«Перед присяжными двое подсудимых. Один из них два раза был осужден за кражи и раз за грабеж. Допрашивается сыщик; защитник спрашивает:

– Скажите, вы раньше знали Романова?

Свидетель делает короткую паузу и веско произносит:

– Да, знал. Он известный вор.

Какого другого ответа мог ожидать защитник? Допрос переходит к его товарищу. Несмотря на полученное предостережение, он повторяет тот же вопрос:

– Скажите, пожалуйста, а Матвеева вы знаете?

Агент отвечает:

– И его, и всех его братьев знаю. Известные воры; только, к сожалению, они до сих пор не попадались.

Матвеев ранее не судился; если бы не защитник, его прошлое было бы безупречно в глазах присяжных» [14, 175].

Этот человек носит хорошее имя.

Имя определяет сущность человека.

Этот человек – хороший.

Примером такого аргумента может служить рассуждение о Ломоносове в «Кратком руководстве к оратории российской» Амвросия: мудрость Ломоносова доказывается перестановкой букв в его фамилии – Соломонов.

Ломоносов – мудрец, так как в его фамилии зашифровано имя Соломона.

Этот предмет носит плохое имя.

Имя определяет сущность предмета.

Этот предмет – плохой.

Корабль был обречен, так как его назвали «Титаником».

«Трудно понять, почему владельцы и строители корабля нарекли его «Титаником». Ведь титаны были мифическими существами, возмнившими, что они достигли власти и знания больших, чем сам Зевс, и это их погубило. Зевс низвергнул сильных и дерзких титанов громовыми ударами; местом

их последнего упокоения стала мрачная бездна, тьма, лежащая ниже глубочайших глубин Тартара».

Т. Толстая, «Небо в алмазах» [16, 319].

Построение оценки на основании соотнесения с прецедентом.

Эти, условно говоря, внешние средства построения оценки (поиск оценки ведется не на основании параметров самой ситуации, а на основании соотнесения ее с другой ситуацией) являются наиболее используемыми в публичных речах. Их можно разделить на две различные стратегии: оценка на основании или сходства с известным явлением (которое уже оценено в глазах общества известным образом), или противоположности ему и оценка на основании ссылки на авторитетный источник.

Сходство с положительным или несходство с отрицательным явлением приводят к построению положительной оценки, обратные акценты (противоположность хорошему и сходство с плохим) – к отрицательной.

А подобно хорошему В.

Хорошим вещам подобны только хорошие вещи.

А хорошо.

Трубецкой – великий человек, так как он был для нас тем же, чем была Беатриче для Данте.

«Позвольте мне начать свое слово с объяснения личного характера. Я мало знал покойного С.Н., но тем не менее должен засвидетельствовать, что не мало ему духовно обязан. Его звезда ярко светила на моем духовном небосклоне, указуя путь, радуя, ободряя. В ту пору, когда я переживал ломку мировоззрения, проходя свой длинный путь от марксизма к христианству, кн. Трубецкой в числе других религиозных мыслителей являлся тою крепкою и мужественною опорой, которая так нужна человеку, пробирающемуся чрез чащу современного неверия, или чаще всего религиозного индифферентизма. Каждому времени, как Данте, нужна своя Беатриче, и в разные моменты жизни иная. В пору этой ломки мне и, конечно, многим, переживающим такой же процесс, эта Беатриче воплощалась в философии, вооруженной всею силой и остротой современной мысли, но и окрыленной огненными надеждами религии, и в науке, со-

храняющей всю свою строгость, но вместе с тем содействующей созиданию, а не духовному опустошению. В С.Н. в значительной степени совмещались эти черты, а полнота сил, в которой он находился, заставляла ожидать от него еще многого, хотя бы столь нужного и важного продолжения исследования о Логосе. Если этим надеждам и чаяниям не суждено было сбыться, то и в выполненном уже им мы имеем ценное наследство, которое должно принять и усвоить русское общество».

Речь приват-доцента С.Н. Булгакова, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 16].

А противоположно плохому В.

Все, что противоположно плохому, – хорошее.

А хорошо.

Суд присяжных хорош, так как он противоположен тайному наемному сыску.

«Суд присяжных, как суд гласный, не таится в секрете. Разоблачая всенародно общественную язву, он не верит в хитросплетения сыщика и наемного агента не потому только, что брезгливо относится к таким неопрятным приемам исследования, а в виду того, что тайный наемный сыск, как нечто ползающее в щели, боится света; а то, что боится света, боится и истины.

Суд присяжных не в состоянии увлечься подпольной интригой со стороны обвиняемого или обвинителя, так как сам не интригует и стоит выше всякой, как частной, так и административной интриги. Интрига не может даже возмущать спокойствия и беспристрастия суда присяжных потому, что мерзость ее выползает перед судом открытым сама собою наружу без всяких со стороны суда домогательств и ухищрений.

Суд присяжных не ведает прелестей письменного делопроизводства, канцелярских доношений, докладов, постановлений, протоколов и, как суд гласный и устный, ищет опоры в свободном слове и непосредственном опыте. Не довольствуясь письменными показаниями свидетелей, односторонне изложенными в канцелярских протоколах, суд присяжных проверяет их показания путем непосредственного впечатления, перед которым ложь, как бы она ни была искусна, устоять не в силах.

Поднимая подсудимого до равенства с обвинением, суд присяжных держится того общего начала, в силу которого подсудимый до осуждения предполагается невиновным, а самое обвинение должно быть доказано прокурором с такою ясностью, которая не оставляла бы места сомнению и снимала бы с присяжных ответственность перед общественной совестью за судебную ошибку, за принуждение невинного.

Вот различие между началами процесса перед судом присяжных и приемами, по счастью упраздненного ныне и в нашем крае, канцелярского сысского следствия».

Речь присяжного поверенного Жуковского по делу Сулятицкого [13, 40 – 41].

А подобно плохому В.

Плохим вещам подобны только плохие вещи.

А плохо.

С крестьянами обращаются ужасно, так как с матерью-землей поступают так же, как с матерями, которых заставляли кормить грудью щенков.

«Если вы будете рассуждать о том, как крестьяне смотрят на землю, то я вам скажу, что, как для детей необходима грудь матери, так для нас крестьян – земля. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков... (Аплодисменты.) Это самое делается и теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит – землю. (Аплодисменты.) Это делается на законном основании. Этот закон на нашем русском языке называется правом собственности на землю. Если вы хотите удовлетворить нашу крестьянскую нужду землей, то нужно прежде всего изъять землю из-под этого закона».

Назаренко (тр. гр., Харьковская губерния) [11, 175].

А противоположно хорошему В.

Все, что противоположно хорошему, – плохо.

А плохо.

Действия Верреса плохи, так как противоположны заветам предков.

(V, 9) «Обратите внимание на предусмотрительность наших предков, которые, не предполагая, что возможны та-

кие огромные злоупотребления, все же предвидели, что это могло произойти в частных случаях. Ни от кого из тех, кто выезжал в провинцию, облеченный властью или как легат, они не ожидали такого безумия, чтобы он стал покупать серебро (оно ему давалось от казны) или ковры (они ему предоставлялись на основании законов); покупку раба они считали возможной; рабами все мы пользуемся, и народ их нам не предоставляет; но предки наши разрешали покупать рабов только взамен умерших. И в том случае, если кто-нибудь из них умрет в Риме? Нет, только если кто-либо умрет там, на месте. Ибо они вовсе не хотели, чтобы ты богател в провинции, но только чтобы ты пополнил свою утрату, понесенную там. (10) По какой же причине они так строго запрещали нам покупки в провинции? По той причине, судьи, что они считали грабежом, а не покупкой, если продающему нельзя продать свое имущество по своему усмотрению. Они понимали: если лицо, облеченное империем и властью, захочет в провинциях купить, что ему вздумается у кого бы то ни было, и если это будет ему разрешено, то он возьмет себе любую вещь – продается ли она или нет – по той цене, по какой он захочет».

Цицерон, речь против Гая Верреса («О предметах искусства») [18, 91].

Ссылка на авторитетные источники – один из самых важных ходов мысли в построении оценки. Используемые источники можно условно разделить на четыре типа: авторитет, лицо, свидетельство и пример. В рамках данной концепции они различаются следующим образом: под авторитетом подразумевается ссылка на слова известного человека, под лицом – ссылка на действия известного человека (это хорошо, потому что такой-то человек поступал так). Свидетельством называется отсылка к авторитетному источнику, не имеющему конкретного автора (народная мудрость, свод законов, религиозные тексты). Примером – ссылка на известный прецедент с предложением сформировать оценку по аналогии.

Хороший человек советует А.

Хороший человек советует только хорошее.

А хорошо.

Лукашевича не надо осуждать, так как Шекспир не осуждает Гамлета.

«Мудрец веков, один из величайших английских писателей, разработав вопрос о том, как действуют страсти, как действуют разного рода душевные состояния на людей, вывел перед нами образ человека в лице Гамлета не с такими духовными силами, с какими является совершенно обыкновенный человек, Н.А. Лукашевич; но и Гамлет, когда выяснилось, что перед его глазами совершается безнаказанно величайшее из преступлений, что мать отправила на тот свет его благородного отца, сию же минуту обличает супружескую ложь и делается убийцей матери; возбуждение это продолжает действовать и далее: через несколько времени он становится убийцею своего отчима и убивает себя.

То же самое высокое чувство, только в более минорном тоне, испытывал Н.А. Лукашевич».

Ф.Н. Плевако, речь в защиту Н. Лукашевича [8, 56].

А противоположно совету хорошего человека.

Хороший человек советует только хорошее.

А плохо.

Эти люди поступают противозаконно, так как их действия противоречат словам Кавура.

«Для тех людей, в сознании которых нет ответственности перед народом, нужны развязанные руки, и с этим законом, разрешающим все, – только с ним они могут поддерживать порядок. Уместно будет, господа, припомнить вам завет одного из величайших государственных людей XIX столетия, освободителя Италии – Кавура. Он умирал среди страны, взволнованной и смятенной не менее, чем Россия в настоящую минуту. И умирая, он обратился к своему государю с просьбой, предсмертной просьбой старого и верного слуги: «Только не вводите усиленной охраны, осадного положения, только не вводите его. Помните, что это губительное средство, годное для управления только безумцам». (Оглушительные аплодисменты.) Это правило государственной мудрости забыто в настоящее время, напротив, нам объявляют, что беззаконие – охрана».

Родичев, Тверская губерния [11, 113 – 114].

Так поступал хороший человек.

Все, что делает хороший человек, – хорошо.

Так поступать хорошо.

Он был прав в особом внимании к греческой философии, так как такое же внимание ей оказывал Климент Александрийский.

«То особое внимание, которое он оказывал именно греческой философии, помимо личного вкуса, объясняется и тем значением, которое он придавал ей как в истории развития философской мысли вообще, так и в особенности в исторической подготовке христианства в позднейшем догматическом его развитии. Греческая философия была для него областью «царствования Отчего Слова до Его воцеловечения», выявления в человеческом уме Логоса как умозрительного начала.

Вслед за Климентом Александрийским он считал греческую философию детоводительницей к христианству.

Речь приват-доцента С.Н. Булгакова, посвященная С.Н. Трубецкому [12, 21].

Хороший человек поступал противоположным образом.

Все, что делает хороший человек, – хорошо.

Это действие плохо.

Примером такого аргумента может послужить случай, по воспоминаниям, произошедший с художником А.И. Ивановым, автором картины «Явление Христа народу»: просмотрев сборник карикатур начинающего художника, Иванов якобы сказал: «Христос никогда не смеялся».

Смеяться плохо, так как Христос никогда не смеялся.

Хороший источник указывает, что это действие хорошо.

Все, что советует хороший источник, – хорошо.

Это действие хорошо.

За детеныша можно взять выкуп, потому что так гласит закон джунглей.

– О Акела и ты, Свободный Народ, – промурлыкала она, – в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что, если начинается спор из-за нового детеныша, жизнь этого детеныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

– Так! Так! – закричали молодые волки, которые всегда голодны. – Слушайте Багиру! За детеныша можно взять выкуп. Таков закон.

Р. Киплинг, «Маугли» [3, 250].

Хороший источник указывает, что это действие плохо.

Все, что советует хороший источник, – хорошо.

Это действие плохо.

Обвинитель не может карать по своему произволу, так как Уложение не дает ему таких прав.

«Этот скачок обвинения не оправдывается судебным следствием, хотя понятно, зачем он сделан. Дело в том, что обвинитель не может по своему произволу карать деяния людей и подвергать их наказанию. Уложение, книга Уголовного Свода Российской Империи, – вот единственная указательница того, что запрещено. Что ею запрещено – то наказуемо; за то, что ею не запрещено, будь оно дурно, очень дурно, наказывать нельзя.»

Между тем обвинение, изложенное в акте, грешит тем недостатком, что оно преследует ненаказуемое, не-преступное деяние. В самом деле, ст. 1540 говорит вот что: «Кто по какой бы то ни было причине и с каким бы то ни было намерением ... самовольно и насильственно лишит кого-либо свободы, тот ... приговаривается за сие...»

Ф.Н. Плевако, речь по делу Новохацких [8, 99].

В одном случае это хорошо.

То, что верно для одного случая, верно и для другого.

Это хорошо и в данном случае.

Это не корысть, потому что на другом примере такие же действия нельзя признать корыстными.

«Например, жена живет несчастливо с мужем, и последний, хотя согласился жить врозь, но все-таки иногда приходит к ней, мучает ее, и, если с такого мужа будет взято обязательство в 15 – 20 тыс., с тем, что, как скоро он нарушит свое обещание не приходить к жене, то обязательство будет представлено ко взысканию, – в таком случае нет корыстной цели, потому что здесь обязательство служит средством только для другой более отдаленной цели.»

Точно так же и в настоящем деле, если согласиться с подсудимыми, что документ был взят для того, чтобы отка-

заться от преследования Гольдсмита по суду и перед общественным мнением путем оглашения известных фактов, то здесь нельзя видеть корысть, а – месть или приобретение документа по добровольному соглашению...»

Ф.Н. Плевако, речь в защиту Оскара Бострем [8, 146].

В одном случае это плохо.

То, что верно для одного случая, верно и для другого.

Это плохо и в данном случае.

Плохо быть уверенным в своем пути, так как Колумб попал не туда, куда собирался.

– В науке должна быть уверенность в избранном пути, – тем временем завершил свою длинную назидательную реплику Варичев.

– Очень торжественно говорите! – возразил Хейфец. – А ведь Колумб не Америку открывать собирался, а Индию. Был уверен в избранном пути. А попал в Америку! А вы говорите, уверенность!

В. Дудинцев, «Белые одежды» [3, 278].

Обобщить все вышеперечисленные параметры можно в следующей таблице:

Параметры ситуации	участники ситуации	субъект
		объект
		инструмент
		средство
	условия протекания	место
		время
образ действия		
Связь с другими ситуациями	прошлое	причина
		повод
		предыдущее
	будущее	последующее
		цель
		результат
Отнесение к классу	род-вид	
	часть-целое	
	имя	
Внешние средства оценки	соотнесение с прецедентом	сходство
		различие
	ссылка на источник	авторитет
		лицо

		свидетельство
		пример

Следует отметить, что в рамках данной статьи рассматривались наиболее употребительные ходы мысли. Как правило, каждый из приведенных выше параметров имеет свои особенности употребления, частные подвиды и т.п. Однако в общем проанализированный материал речей позволил свести все многообразие аргументов оценки к 2 алгоритмам, использующим 22 переменных параметра.

Источники

1. Амвросий (Серебрянников). Краткое искусство к оратории российской, сочиненное в лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. – М., 1778.
2. Андреева Е.В. Разоблаченные чудеса. – Л.: Государственное издательство детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1961.
3. Вагапова Д.Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах. – М.: «Цитадель», 1999.
4. Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 2001.
5. Граудина Л.К. Русская риторика. Хрестоматия. – М.: «Просвещение», «Учебная литература», 1996.
6. Дойль А.К. Собрание сочинений. Том 3. – М.: ОГИЗ, 1994.
7. Линденбратен Л.Д. Медицина – любовь моя. Напутствия первокурсникам и выпускникам 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова. – М.: «Видар», 1997.
8. Плевако Ф.Н. Избранные речи. – М.: «Юридическая литература», 1993.
9. Продль Г. Фемида бессильна. – М.: «Прогресс», 1974.
10. Раскин И.З. Энциклопедия Хулиганствующего Ортодокса. – М.: «Стоок», 1997.
11. Сборник речей депутатов Государственной Думы I и II созыва. Книга вторая. – Изд. В.А. Максимов. – СПб., 1908.

12. Сборник речей, посвященных памяти кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Издание Студенческого Научного Общества памяти кн. С.Н. Трубецкого. – М., 1909.
13. Сборник речей судебных ораторов. / Ред. Л.А. Базунов, В.И. Добровольский. – СПб., 1904.
14. Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.
15. Сопер Поль Л. Основы искусства речи. Книга о науке убеждения. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999.
16. Толстая Н.Н., Толстая Т.Н. Двое. – М.: «Подкова», 2002.
17. Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. М.: «АСТ Фолио», 2000.
18. Цицерон Марк Туллий. Эстетика. Трактаты. Речи. Письма. – М.: «Искусство», 1994.

Любимова А.А., кандидат филологических наук. **Лексические способы языкового манипулирования сознанием в западных средствах массовой информации.**

«Слова – самостоятельная общественная сила. Слова сами по себе воодушевляют и убивают. При помощи условной фразеологии у нас легко превращают людей глубоко идейных, с нравственным закалом характера чуть ли не в подлецов, а людей лишенных всяких идей и всякого нравственного закала высоко возносят», – писал Н.А. Бердяев в книге «Судьба России»⁶³.

Проблема языкового манипулирования становится все более актуальной по мере модернизации современных средств массовой информации. Способы вербального манипулирования являются общими для всех СМИ, основную их часть можно изучить на материале одного из средств массовой коммуникации, например, печатных изданий. (При исследовании печатных изданий не охватываются научным анализом лишь просодические изменения, модификация интонационного контура диктором при произнесении определенного текста в эфире. Вместе с тем, ритмические и фонетические особенности текста могут быть заданы уже на уровне письменного текста). Феномен языкового манипулирования сознанием изучается в первую очередь лингвистикой, позволяющей прогнозировать восприятие и реакцию реципиента, основываясь на лексико-семантических, грамматических, фонетических и риторических законах языка.

Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое информационно–психологическое воздействие на человека с помощью языковых средств, осуществляемое на трех уровнях (индивидуальном, групповом и массовом), нацеленное на побуждение человека к действиям, входящим в противоречие с его интересами, воззрениями, а также с языковой картиной мира и системой ценностей общества в целом.

---

⁶³ Бердяев Н.А. Судьба России. - М., 1998. - С. 457-458.

Прежде чем приступить к анализу текстов СМИ, необходимо определить методы выявления манипулирования. Наиболее важными нам представляются следующие:

Анализ специфики стиля. Определение специфики конкретного средства массовой коммуникации и стилистических особенностей его языка должно производиться до анализа текста на предмет выявления в нем манипулирования. Это необходимо для правильного разграничения «естественных», стилистических особенностей, диктуемых функциональным стилем, и особенностей прагматического характера. Так, например, для газетно-публицистического стиля характерны такие стилистические особенности, как краткие заголовки с эллиптическими конструкциями, широкое использование инфинитивов, отсутствие эмоционально-оценочных элементов языка в газетных сообщениях и напротив – субъективно-оценочная лексика в газетных статьях. В прагматическом отношении структура текста неоднородна по своим целям: одни элементы употребляются с художественно-поэтической целью, другие – с манипуляционной.

Оптимальным материалом для анализа проблемы языкового манипулирования являются выходящие большим тиражом официальные издания («желтая пресса»), в отличие от «качественной прессы» изначально предполагает субъективность и недостоверность информирования), выступления официальных лиц, информационные сводки и редакционные статьи, то есть рубрики, предполагающие наибольшую объективность, в отличие от таких разделов, как, например, «Мнение», «Письма читателей».

Метод референции. Манипулирование, по определению, строится на скрытом или открытом искажении фактов. Его невозможно выявить, пока не раскрыта фактическая основа смысловой деформации. В информационных статьях печатных изданий конкретные исторические события всегда возможно соотнести с официальными международными и государственными документами. Без учета исторического и юридического контекста освещения событий в СМИ анализ становится спекуляцией на тему: «Стакан наполовину пустой / наполовину полный». Для того чтобы верно оценить, что является манипулированием с точки зрения лин-

гвистики, а что им не является, неизбежен выход к универсальным философским категориям истины / лжи.

Под **референцией** мы понимаем «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)»⁶⁴.

Языковое манипулирование сознанием на понятийном уровне часто основывается на разрыве сигнификативно-денотативных отношений, нарушениях предметной соотнесенности знака. Первый коммуникант может менять скрытую дескрипцию (рассматриваемую семантической теорией референции), стоящую за определенным словом, в том числе и именем собственным.

Исследования в области референции помогают определить истинность или ложность составляющих высказывания. Одним из основных понятий логической теории референции, утвердившихся в лингвистике, является понятие презумпции (пресуппозиции). Ложные презумпции – лингвистические конструкции, описывающие события, которые не имели места в реальности, – затрудняют коммуникативный процесс или препятствуют успешной коммуникации.

Разрыв, или отдаление сигнификата от денотата может иметь различные реализации.

1). Денотату, словарно закрепленный сигнификат которого не отвечает прагматическим интересам 1-го коммуниканта, приписывается новый сигнификат, позволяющий смягчить потенциальную негативность референта. Возможна и обратная реализация данного явления: использование ассоциативно негативного сигнификата для обозначения денотата с закрепленным нейтральным или положительным сигнификатом. На данном принципе референции строятся эвфемистические и дисфемистические замены.

2). В прагматических целях может осуществляться номинация одушевленного существительного через неодушевленное (для создания определенного ассоциативного ряда).

3). Ассоциативный ряд слова может быть изменен посредством контекстного употребления таким образом,

---

⁶⁴ Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. – С. 411.

что нейтральное слово может приобрести положительные или отрицательные коннотации.

4). Сигнификат может быть отдален от денотата посредством растяжения означаемого, применяемого для именованного широкого класса денотатов, вплоть до размытия значения.

В комплексе эти явления обозначаются как экстралингвистически мотивированная позиционная замена.

Выявление лингвистических аномалий. Под лингвистическими аномалиями в данном случае мы понимаем преднамеренное использование в речи не мотивированных системой языка конструкций, нарушения сочетаемости слов (лексической и синтаксической), синтаксической структуры. Респектабельные западные СМИ (в частности, печатные) всегда являлись образцом правильной речи, они составили одну из платформ корпусных исследований языка. Поэтому нарушение правил свидетельствует скорее не о недостаточной грамотности автора/редактора, а о преднамеренном прагматическом нарушении правила.

Фиксация частотности употребления. В том случае, если определенный прием манипулирования единичен, используется одним журналистом, исследователь еще не имеет достаточных оснований для именованного его способом манипулирования. В таком случае речь может идти об авторском оформлении высказывания, стилистических особенностях. Оснований для научных же обобщений в данном случае не имеется. Если же один и тот же оборот речи, не мотивированный реальной лингвистической и экстралингвистической ситуацией, употребляется в ряде статей разных авторов, то речь может идти о сложившемся приеме языкового манипулирования. Манипуляционный прием может повторяться буквально или с определенными вариациями.

Рассмотрим манипуляционные приемы на материале двух военных кампаний: событий в Сербии в 1999 г. и террористического акта в США 11 сентября 2001 г. В качестве источников для анализа было использовано около 200 статей следующих газет и официальных сайтов: «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон пост», «Обзервер», «Гардиан», «Таймс», «США сегодня», «Монд», «Экспресс», «Юманите», «Паис», «ЭйБиСи», официальные информационные сайты Белого Дома, НАТО,

вооруженных сил США, материалы информационных агентств СиЭнЭн, БиБиСи.

В марте 1999 г. НАТО нанес ряд ракетно-бомбовых ударов по Югославии, мотивировав это стремлением остановить гуманитарную катастрофу в Европе, происходящую из-за так называемой агрессии сербских властей по отношению к албанцам, проживающим на территории Косово – исконной территории Сербии. Военная кампания нарушала важнейшие положения международных конвенций. Вооруженное нападение НАТО на Югославию (определенное Государственной Думой РФ как агрессия) противоречит положениям Североатлантического договора 1949 г. о создании НАТО, в частности, статьям 5 и 7 этого Договора⁶⁵. «С точки зрения действующего международного права военная акция НАТО против союзной Республики Югославии является нарушением основополагающих положений Устава ООН, документов ООН и ОБСЕ. Военные действия НАТО против Союзной Республики Югославии полностью подпадают под определение агрессии, утвержденное Генеральной Ассамблеей ООН, <...> противоречат положениям Североатлантического договора 1949 года о создании НАТО»⁶⁶.

Как известно, 11 сентября 2001 г. террористы, угнав 4 самолета американских авиалиний, разрушили здания Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке и нанесли удар по зданию Пентагона. Общее количество людей, погибших в результате этого теракта, составило более 3 000 человек. Эти события, бесспорно, стали национальной трагедией США. Однако, в отличие от ряда исследователей, давших всестороннюю и глубокую интерпретацию событий 11 сентября и выявивших их генезис, официальные средства массовой информации большинства западных стран объявили 11 сентября 2001 г. началом новой исторической эры – эры, в которой не существует больше стабильности и безопасности. Н. Хомский отмечает, что атаки 11 сентября были новой ступенью развития международных отношений не по причи-

---

⁶⁵ Рыжков Н.И., Тетекин В.Н. Указ. соч. С. 368–369.

⁶⁶ Заключение Комиссии по международно-правовой оценке событий вокруг Союзной Республики Югославии по итогам первой (Санкт-Петербургской) сессии. // Рыжков Н.И., Тетекин В.Н. Указ. соч. С. 368–369.

не их размаха и характера, но из-за объекта атак; впервые после с 1812 г. территория США подверглась угрожающей атаке.

Опираясь на вышеприведенные данные, можно заключить, что и американские военные акции против других стран, и теракты, совершенные в Нью-Йорке, в равной мере являются фактами военной агрессии по отношению к независимому государству с большим числом жертв среди мирного населения. Вместе с тем, одни акции были оценены мировыми средствами массовой информации как справедливые действия, направленные на предотвращение катастрофы, другие – беспрецедентное преступление мирового терроризма.

Сравнительно-сопоставительный анализ информационного освещения в западной прессе этих равновеликих военных акций позволит выявить весь спектр языковых средств воздействия на сознание, сформировавших диаметрально противоположные оценки и мнения на международном уровне.

Языковое манипулирование, осуществляемое на всех уровнях языка, представляет собой широкий спектр вербальных и невербальных приемов. Анализ некоторых из них поможет понять сущность языкового манипулирования.

Лексическая семантика занимает «центральное положение в кругу лингвистических дисциплин, так как человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации»⁶⁷. Следовательно, лексика является наиболее продуктивной составляющей и в процессе языкового манипулирования как основа процесса референции, формирующая концепты, на которых строится языковая картина мира. Лексика конструирует и последующие уровни языковой системы (уровень предложения и текста), где лексические единицы комбинируются в соответствии с законами лексической и синтаксической сочетаемости.

Разрыв сигнификативно-денотативной связи может осуществляться на всех уровнях лексического значения.

---

⁶⁷ Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. – М., 1995. – С. 3.

В рамках *сигнификативного* значения – «известного отображения предмета, явления или отношения в сознании, входящего в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка»⁶⁸ – языковое манипулирование реализуется посредством изменения одного из семантических компонентов значения⁶⁹. Аналогичным образом манипулирование осуществляется и на уровне денотативного, или референтного, значения – отношения «актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения к объектам действительности»⁷⁰.

На уровне *структурного* значения, характеризующего сочетаемость единицы с другими единицами (на уровне коллокации), значение слова может изменяться посредством изменения его стандартной сочетаемости⁷¹.

Однако самым важным в процессе воздействия языка на сознание является *эмотивное*, или эмоционально-оценочное, значение. Исследователи⁷² отмечают, что учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов. Поскольку задачей скрытого языкового воздействия является изменение отношения реципиента к определенному явлению, это воздействие основывается на привнесении в лексическую единицу новых смыслов, коннотаций, на изменении ассоциативного поля слова. Ассоциативные значения слова, коннотации, могут быть ингерентными (внутренними, инвариантными) и адгерентными (внешними, вариантными).

---

⁶⁸ Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1998. – С. 152.

⁶⁹ Подробнее о компонентной структуре лексических значений: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып.1- С. 264-389; Kroeber A. Classificatory systems of relationship // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. XXXIX, pp. 77-84. London; Lounsbury F. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage // Language, Vol. 32 #1, - 1956. - 158-194; Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: На материале русского языка. - М., 1973.

⁷⁰ Арутюнова Н.Д. Референция. М., 1998. – С. 411.

⁷¹ См. приведенный ниже пример с глаголом *hit*.

⁷² Апресян Ю.Д. Избранные труды, Т. 1. Лексическая семантика. – М., 1995. – С.8.

Асимметрия языкового знака и значения является одним из основных условий языкового воздействия.

Синонимы различаются лишь незначительными оттенками значений или коннотациями. Выбор между синонимическими единицами придает высказыванию оценочный характер. Это проявляется наиболее отчетливо в группе семантико-стилистических синонимов, дающих разную оценочную характеристику обозначаемому субъекту. Именно в связи с тем, что одно и то же явление может быть выражено близкими по смыслу словами, французский исследователь Р. Блакар считал слово инструментом власти.

Проблема выбора нужной языковой единицы, обусловленная наличием развернутого синонимического ряда, особенно актуальна для английского языка, лексикон которого состоит из двух значительных этимологических пластов: англо-саксонского и латино-романского. В ситуации синонимии слова часто являются стилистически маркированными: слово романского происхождения является более официальным, англо-саксонского – более разговорным.

Слово входит в широкое семантическое поле, то есть совокупность слов, объединенных общностью содержания, отражающее понятийное свойство обозначаемых явлений. В процессе номинации авторы манипуляционного дискурса часто выбирают из семантического поля слово, наиболее удаленное по смыслу от семантического ядра (где эквивалентность синонимов минимальна), а также многозначное слово, одно из значений которого можно с натяжкой отнести к обозначению номинируемого объекта. Часто лексические единицы являются тождественными лишь в части своих значений, а выбор слова производится из области «непересекающихся», неэквивалентных значений. Выбранное слово может иметь коннотацию, не применимую в данном контексте, или употребление слова может противоречить его словарному определению. Некоторые исследователи отмечают, что «даже если отправитель старается "выражаться объективно", видно, что осуществляемый им выбор выражений структурирует и обуславливает представление, получаемое реципиентом. Иными словами, выразиться "ней-

трально" оказывается невозможно»⁷³. Это положение представляется верным лишь отчасти, поскольку при существовании большого количества коннотационно-маркированных слов пласт нейтральной лексики в языке, несомненно, велик. Вместе с тем даже нейтральное слово в определенном контексте может играть оценочную роль.

Приведем пример:

Семантическое поле английского слова war (война) включает следующие существительные⁷⁴:

War – война (организованная битва между странами или армиями).

Warfare – столкновения, приемы ведения военных действий.

Fighting – бой, сражение, драка (битва с врагом, нацеленная на его поражение).

Civil war – гражданская война (война, в которой оппозиционные группы внутри одной страны сражаются за достижение политической власти).

Conflict – вооруженный конфликт (период военных действий между двумя и более странами).

Battle – битва (вооруженное столкновение двух армий в определенном месте).

Skirmish – стычка, схватка (короткое, незапланированное и малозначимое столкновение между двумя группами солдат с применением легкого оружия).

Action – бой (столкновение войск).

Engagement – бой, стычка (решительное столкновение между вооруженными сторонами).

Brush – краткое столкновение, стычка.

Clash – вооруженное столкновение.

Encounter – встреча, стычка (преимущественно между враждебными группами или людьми); неожиданное жестокое столкновение.

---

⁷³ Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. - С. 91

⁷⁴ Перевод слов приводится по словарю: Мюллер В. Англо-русский словарь. – М., 1969.

Толкование значений и синонимические ряды приводятся по словарям - Harlow: Longman Group UK Limited, 1997 и Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. - Merriam-Webster, Inc.; 10th Indx edition, 1998.

Scrimmage – драка (незначительное столкновение).
Assault – нападение (военная атака, включающая прямое столкновение с силами противника.).
Attack – атака.
Onslaught – бешеная атака.
Sortie – вылазка (неожиданное использование военной силы из укрытия против врага).
Combat – бой.

Очевидно, что при всей смысловой, денотативной близости приведенных слов во многих контекстах они не являются взаимозаменяемыми без ущерба для смысла. Так, в предложении «It took two more years of fighting before the enemy was defeated» (Для победы над врагом потребовалось еще два года тяжелых боев) замена слова *fighting* на другое (например, *skirmish*) придаст предложению совершенно иной смысл (Для победы над врагом потребовалось еще два года стычек). Употребление нейтрального слова *battle* вместо коннотационно-нагруженного *onslaught* также может осуществляться с прагматической целью.

Освещая мировые события, для описания действий западных стран западные СМИ, как правило, выбирают слова с нейтральными или положительными коннотациями, для номинации действий «противника» – более эмоционально-окрашенное слово, или слово, имеющее отрицательные коннотации.

Рассмотрим выражение, давшее название целой тематической рубрике газеты «Таймс»: «Balkans war: America's role» (англ.) («Война на Балканах: Роль Америки»). На первый взгляд, заголовок кажется эмоционально нейтральным и почти не содержащим информации. Примечательна в данном случае вторая часть предложения: «Роль Америки». Словари⁷⁵ регистрируют следующие основные значения слова «роль» в английском языке: 1. оказать влияние или эффективную помощь в осуществлении какого-либо действия; 2. принять участие в чем-либо вместе с другими людьми. Слово имеет позитивные коннотации: *коллективное действие, помощь, эффективность*. Следовательно, воен-

---

⁷⁵ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – P. 1237; Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford university Press, 1995. – P.1018.

ное действие, которое могло было быть названо агрессией, переводится в ряд слов с положительными коннотациями. Поскольку фраза «Balkans war: America's role» является названием целой рубрики, она переходит из одного номера газеты в другой, прочно закрепляя в сознании читателей эффективную роль Америки в «решении косовского конфликта».

Газета «Эль Паис» пишет, что силы НАТО приготовились к нанесению ответного военного удара: Ante la nueva fase que se abre en la crisis kosovar, la OTAN, preparada para **una respuesta militar** aunque aparentemente ésta no será inmediata, mantiene consultas y acusa a Belgrado de ser el «único responsable» del fracaso de las negociaciones (исп.) (Паис, 20.03.1999). *Перед новой фазой косовского кризиса НАТО, готовый к военному ответу, хотя он и не будет незамедлительным, поддерживает переговорный процесс и обвиняет Белград в том, что единственно он ответственен за провал переговоров.*

Нанесение ударов по суверенному государству автор статьи мотивирует, употребляя словосочетание «вооруженный ответ». Ответные действия возможны были бы в случае, если Сербия начала бомбардировку страны-члена НАТО (по определению толкового словаря: «una respuesta – acción con que uno corresponde a la de otro» – «Ответ-действие, которым один отвечает на действие другого»), но поскольку в косовский конфликт прямо не была вовлечена ни одна из стран НАТО, то и «ответного удара» альянс нанести не может. В приведенном предложении Сербия превращается в единственного агрессора («único responsable»), что акцентируется словосочетанием «ответный удар».

Terrorist attacks **can shake** the foundations of our biggest buildings, but they **cannot touch** the foundation of America. These acts **shatter steel**, but they cannot **dent the steel** of American resolve (англ.) *Террористические атаки могут пошатнуть фундамент наших самых больших зданий, но они не могут затронуть **фундамент** Америки. Эти действия пробивают сталь, но они **не смогут пошатнуть сталь** американской решимости.*

В данном фрагменте метафора создает образ государства – мощного дома с крепким фундаментом и

стальными стенами – крепости, которую нельзя ни сокрушить, не пошатнуть. Вместе с тем, метафорический образ прочной крепости с надежным фундаментом и стенами тесно связан с понятием оборонительной войны. Однако, как было отмечено выше, такая реализация метафоры будет референциально не полностью правильной, поскольку большинство военных действий США не является оборонительной войной.

Приведенные примеры относятся к синхронному срезу языка. С точки зрения языковой нормы эти случаи словоупотребления не являются нормативными: употребление либо не соответствует словарному определению, т.е нарушается денотативное значение слова, либо использованное значение представляет собой неэквивалентный синоним.

Отдельные случаи подобного ненормативного речеупотребления, повторяющиеся и тиражирующиеся на массовую аудиторию, состоящую из носителей данного языка, воздействуют на систему языка в целом, закрепляясь в ней.

Проследить этот процесс позволяет диахроническое сопоставление лексических средств. На протяжении XX в. во многих языках (наиболее отчетливо в английском) наметилась двойная тенденция: привнесение военной лексики в «мирные» сферы жизни и вытеснение военной лексики из собственно военной области.

Дж. Лакофф и М. Джонсон зафиксировали создание метафоры «спор – это война»: «Argument is war. Your claims are *indefensible*. 'Ваши утверждения не выдерживают критики (букв. незащитимы)'. He *attacked every weak points* in my argument. 'Он напал на каждое слабое место в моей аргументации'. His criticisms were *right on target*. 'Его критические замечания били точно в цель'. I *demolished* his argument. 'Я разбил его аргументацию'.. Хотя физической битвы нет, происходит словесная битва, и структура спора – атака, защита, контратака и т. д. – отражает это. Именно в этом смысле метафора СПОР — ЭТО ВОЙНА составляет то, чем мы живем в этой культуре; она определяет поступки, которые мы совершаем в споре»⁷⁶.

---

⁷⁶ Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. - С. 127–128.

Много подобных примеров можно найти в деловой речи⁷⁷:

---

⁷⁷ Tullis G., Trappe T. New Insights into Business. – Longman, 2001. – P.54

Милитаризированный термин деловой речи	Перевод	Нейтральный вариант деловой речи	Перевод
Campaign	Кампания	Sales strategy	Стратегия продаж
Casualties	Жертвы среди мирного населения	Losses	Потери
Territory	территория	Country	страна
Key strongholds	Опорные пункты	Main Markets	Основные рынки
To outgun	Подавить артиллерию противника	To be able to compete	Конкурентноспособный
Surrender	Окружить	Give up	Сдаваться
Surprise attack	Внезапная атака	Marketing plan	Маркетинговый план

Параллельно происходит обратный процесс – демилитаризация военной лексики.

Американский лингвист В. Лютс вспоминает о том, как в 1984 г. министерство внутренних дел США объявило, что слово «убийство» не будет больше употребляться в годовых отчетах и будет заменено на «антизаконное или законное лишение жизни». Такая замена, по мнению Лютса, была произведена с целью смягчения рассказа о невыгодных для США событиях. Этот пример иллюстрирует подчинение языковых процессов прямым директивам и санкциям государственной власти. Д. Болинджер писал о подобных языковых подменах: «Не случайно то, что в английском языке вместо "платы наличными" употребляется "первоначальный вклад", вместо "описи имущества" – "разрешение на продажу",

вместо "распишитесь здесь" – "напишите свое имя в том виде, в каком вы хотели бы видеть его на документе)"⁷⁸.

Для американской внешней политики важным становится представить военное вмешательство во внутренние дела другой страны как позитивное действие. Таким образом, во многих случаях речь идет о преднамеренном воздействии части общества на язык, а не о спонтанных языковых изменениях. Эту установку можно проиллюстрировать рядом устойчивых, закрепленных в словаре военных эвфемизмов: *account for* употребляется вместо *to kill* (отвечать за что-либо – вместо убить), *adventure* – вместо *a war* (приключение – вместо война), *aid* – вместо *military repression* (помощь – вместо военная репрессия), *blank* – вместо *to kill* (обыграть всухую – вместо убить), *brew* – вместо *to burn* (варить – вместо сжечь), *civilian impacting* – вместо *killing or wounding civilians in error* (гражданский удар – вместо убийство или ранение мирного населения).

Постепенно эвфемизмы могут практически вытеснить из употребления первоначальные слова. Так, например, слово «hit» в последнее время приобрело новое значение. В словаре⁷⁹ смысл этого слова объясняется как «контактировать», «толкнуть», «занять», причем значение «атаковать» относится только к природным явлениям (шторм). Характерно, что в семантическом поле «атаковать» словарь не приводит слово «hit». Словарь⁸⁰ подчеркивает, что слово «hit» означает «несильное повреждение, нанесенное каким-то предметом или рукой». Тем не менее, в современной периодике это слово стало привычным эквивалентом ракетно-бомбовой атаки, это значение было закреплено в последних изданиях словарей⁸¹.

---

⁷⁸ Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. - С. 40.

⁷⁹ Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Inc. Merriam-Webster, 2003. – P. 724.

⁸⁰ Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A S. Hornby . – Oxford: Oxford University press, 1995. – P.564.

⁸¹ См.: The New Oxford Dictionary of English. – P. 869; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – P. 679.

They had **hit** at least some of their targets⁸² (англ). Они нанесли удар, по крайней мере, по некоторым объектам.

NATO aircraft had **hit** targets in Montenegro⁸³(англ). Воздушные силы НАТО нанесли удар по мишеням в Черногории.

NATO air strikes continued today, with Serb targets **hit** in Kosovo⁸⁴ (англ). Результатом продолжающихся бомбардировок НАТО стало поражение сербских объектов в Косово.

Details emerged of a passenger train being **hit** by a NATO missile⁸⁵ (англ). Поступили новые подробности о поражении натовскими ракетами пассажирском поезде.

Таким образом, игра на лексико-семантических вариантах слова, использование развернутого синонимического ряда, особенно характерного для английского языка, является тонким инструментом воздействия на общественное сознание в целях дезинформации.

Приведенные выше примеры подводят нас к исследованию процессов скрытого воздействия на сознание, основанных на устойчивых изменениях семантического поля. Это поле может расширяться посредством синонимических рядов его компонентов, что в итоге вызывает отдаление и отделение сигнификата от денотата. Д. Болинджер отмечал, что «акт номинации, сопровождаемый в силу выбора языковых средств некоторыми одобрительными или неодобрительными обертонами – это излюбленный пропагандистский прием и образец высшей утонченности в искусстве лжи»⁸⁶. Так рождается эвфемизм (греч. – «хорошо» и «говорю») – эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося говорящему неприличным, грубым или нетактичным⁸⁷ (Арапова, 1998: 590).

---

⁸² The Times. 1999. 8 апреля.

<http://www.nwc.navy.mil/balkans/bc2a04p4.htm>

⁸³ The Guardian. 1999. 14 апреля. С.1.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая. - С. 35.

⁸⁷ Арапова Н.С. Эвфемизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. – С. 590.

Широкое использование эвфемизмов характерно для многих языков, особенно для английского. Словарь английских эвфемизмов охватывает почти все области жизни, для обозначения каждой из которых существует длинный список слов-заменителей. По замечанию Д. Болинджера, «Америка – первое общество, в котором фактически достигнуто табу на все неприятное»⁸⁸. В конце XX в. процесс эвфемизации, естественный для любого языка, приобрел новые очертания, и особенно ощутимо – в английском языке. Речь идет о феномене политкорректного языка (*Politically correct language*), согласно нормам которого упоминание цвета кожи, роста или пола человека может быть рассмотрено как дискриминация и может подвергаться уголовному преследованию. Соответственно, в языке появляются новые слова: вместо «слепой» – «визуально ущербный», вместо «низкого роста» – «вертикально ущербный», вместо «со вставной челюстью» – «имеющий альтернативную зубчатость», вместо «садомазохист» – «альтернативно удовлетворяемый». О людях негроидной расы часто говорят как о «меланинообеспеченных», а о принадлежащих к европеоидной расе как о «меланиноущербных».

Покажем реализацию этих эвфемизмов на примерах. В англоязычных СМИ было создано семантическое поле для обозначения бомбардировок. Само ядро «bombing» в газетных сводках встречается намного реже, чем разнообразные контекстуальные синонимы. Их коннотации далеки от семантического ядра, но в данном контексте имеют к нему определенное смысловое отношение. «Так, по замечанию исследователя С. Комманджера, бомбардировки становятся “защитной реакцией или воздушной поддержкой”, а ядерная бомба – “усиленным радиационным оружием”. Особо точные бомбардировки – “хирургические удары”, концентрационные лагеря – «центры умиротворения» или “лагеря беженцев”. Бомбы, легшие вдали от цели, – суть «перерасходованные боеприпасы», а если эти бомбы накрыли селения на вашей же территории, то это и есть всего лишь “огонь по своей территории (*friendly fire*)”. Разбомбленный дом автоматически становится “военным объектом”,

---

⁸⁸ Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая. - С. 40.

а ничего из себя не представляющая джонка, затонувшая в порту, – “морским транспортом”)⁸⁹.

Ниже приведены замены для слова «бомбардировка», которые использовались западными СМИ во время военной кампании НАТО в Югославии.

---

⁸⁹ Цит. по: Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая. - С. 35-36

<p>Bombing Бомбардировка (англ.)</p>	<p>America is trying to get the world to live on human terms Америка пытается заставить мир жить по-человечески.</p> <p>NATO needs to intervene to neutralise the Serb artillery near the border with Albania because it has been firing in the direction of Albanian territory in the past few days. НАТО должен вмешаться для нейтрализации сербской артиллерии у албанской границы, так как она (артиллерия) стреляла в албанском направлении в течение нескольких последних дней.</p> <p>Reinforcements. Укрепления. Halt Serbian repression. Прекращение сербских репрессий. A protection force Защитная сила .</p>
<p>Bombardeo Бомбардировка (исп.)</p>	<p>Atacar para defender. Атаковать для защиты.</p> <p>Demonstraron que la fuerza puede crear la paz. Показали, что сила может создавать мир.</p> <p>Fuertes y efectivos ataques aereos Сильные и эффективные воздушные атаки.</p>
<p>Bombardement Бомбардировка (фр.)</p>	<p>Intensifier la campagne aérienne. Усилить воздушную кампанию.</p> <p>Bâtir une paix et une stabilité durables dans la région. Строить долговременный мир и стабильность в регионе.</p> <p>Nous nous sommes fixés des objectifs clairs qui sont les seuls à pouvoir apporter une paix durable a la région. У нас ясные цели и только они могут привнести долговременный мир в регион.</p>

В приведенном сопоставлении прослеживается стремление освободить понятие от возможных ассоциаций. Синонимом слова «бомбардировка», имеющего негативную коннотацию, становятся словосочетания с позитивным смыслом – «мирная акция», «возвращение мира и стабильности», «защитная сила». Подобные замены конструируют в сознании реципиента соответствующее восприятие. В данном случае эвфемистическая замена создает эффект «удаленности от пугающих явлений» (Р. Блакар).

Аналогичное перенесение слова в положительный ассоциативный ряд происходит и со словом «интервенция» (насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела какой-либо страны с целью захвата территории, подавления революционного или национально-освободительного движения⁹⁰). Это слово заменяется эвфемистическими эквивалентами. Здесь необходимо отметить, что в французском языке данное слово изначально имеет семантику, отличную от семантики слова «интервенция» в русском языке. Словарно⁹¹ закреплено четыре значения слова («intervencion»): 1. участие третьей стороны в юридических процессах; 2. выступление, публичная речь; 3. хирургическое вмешательство; 4. роль, участие.

Таблица № 4.

Intervention (англ.)	A large military presence in Kosovo, operating under the NATO flag . Значительное присутствие в Косово военных сил , действующих под флагом НАТО. Ground force to implement any peace agreement. Наземная сила для навязывания любого мирного соглашения. A protection force . Защитная сила.
Intervention (франц.)	Accueillir nos forces sur leur territoire. Внедрять наши силы на их территории. Déploiement d'une présence internationale civile et de sécurité au Kosovo. Развертывание международных миротворческих

⁹⁰ Словарь русского языка. Т.1. – М., 1983. – С. 671–672.

⁹¹ Le Petit Robert. – Paris, 1978. – P. 1024.

Military Police Action / Peacekeeping (Военное действие/ Поддержание мира) – эвфемизмы для слова «invasion» (вторжение). Выбор слова определяется экстралингвистическим фактором – тем, какая именно страна и с какой целью вводит свои войска. Введение СССР войск на территорию Чехословакии в 1968 г. было названо «вторжением» («invasion»/ «intervention»), а введение войск США на территорию Боснии и Вьетнама было оценено как «военное действие» («military action») или «миротворческая акция/ поддержание мира» («Peacekeeping»).

Данный случай представляет собой характерный пример экстралингвистической детерминированности позиционной замены. В повествовании американских СМИ о действиях США, как правило, употребляются эвфемизмы, о действиях других стран – дисфемизмы.

America showed after attacks on its East African embassies in 1998 that it regards **revenge as a legitimate weapon** in its geopolitical arsenal⁹² (англ.). Америка показала, что после атак на американские посольства в восточно-африканских странах в 1998 г. она рассматривает **реванш как законное оружие** из своего геополитического арсенала.

В приведенном примере используется уже описанный выше прием перенесения денотации слова из ряда непосредственных действий в разряд ментальных. Экстралингвистические соответствия слову «реванш» в данном случае следующие: бомбардировки, жертвы, гибель мирных жителей, женщин и детей и т.д. Употребление слова «реванш» снимает все подобные ассоциации.

В СМИ США реванш является «законным оружием» только в отношении американских военных кампаний. Использование этого оружия другими странами, особенно не входящими в НАТО, не является «легитимным». Следовательно, в данном случае наблюдается очевидный процесс экстралингвистически детерминированной позиционной замены.

---

⁹² The Times. 2001. 12 сентября. P.12

В рамках этой тенденции газета «Нью-Йорк Таймс» освещает попытки России урегулировать чеченский конфликт:

Mr. Putin blew his customary cool Monday over the one issue that seems to **have taken residence under his skin**: Chechnya⁹³ (англ.). *Господин Путин разрушил свой обычно спокойный понедельник вопросом, который, очевидно, засел у него под кожей: Чечня.*

Mr. Putin raised eyebrows again in mid-2001 when a London journalist's question about the Russian army's human rights record in Chechnya **produced a visibly angry lecture**⁹⁴ (англ.). *В середине 2001 г. господин Путин поднял брови, когда на вопрос лондонского журналиста о нарушениях прав человека в Чечне он прочитал нескрываемо гневную лекцию.*

Putin **Unleashes His Fury Against** Chechen Guerrillas⁹⁵ (англ.). *Путин **вымещает свой гнев** на чеченских повстанцах.*

Итак, если США, в интерпретации американских СМИ, законно отстаивают справедливость, то Россия «кипит от злости», «вымещает злобу», и проблема войны «сидит у президента под кожей», причем употребление определенной лексической единицы (эвфемизма или дисфемизма) определяется экстралингвистическими факторами.

Аналогичные замены создаются для слов "интервенция" (защитная сила, миротворческие силы), "террористы" (борцы за свободу) и др.

Слова с положительной или нейтральной коннотацией выбираются для номинации действий США, действия же противника описываются с помощью **дисфемизмов**.

Употребление дисфемизмов в СМИ часто сопровождается приемом многократного повтора. При нагнетании определений с положительной или отрицательной коннотацией воздействие на реципиента усиливается, и созданный образ прочнее запечатлевается в сознании. Когда американские СМИ сообщали об атаках 11 сентября 2001 г., нагнеталась экспрессивная лексика с отрицательными коннотациями, для обозначения тех, кто атаковал страну. Подоб-

---

⁹³ The New York Times. 2002. 12 ноября. P. 16.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ The New York Times. 2002. 12 ноября. P. 10.

ная лексика не использовалась в статьях о бомбардировках Сербии.

Ladies and gentlemen... today, we have watched the tragedy of an **outrageous act of barbaric terrorism** carried out by fanatics against both civilians and military people, acts that have killed and maimed many innocent and decent citizens of our country⁹⁶ (англ.). Леди и джентльмены, сегодня мы видели трагедию **чудовищного акта варварского терроризма**, совершенного фанатиками против мирных жителей и военных, акты, в которых были убиты или изувечены многие невинные простые граждане нашей страны.

Thousands of lives were suddenly ended by **evil, despicable acts of terror**⁹⁷ (англ.). Тысячи жизней были внезапно оборваны **злодейскими, презренными террористическими актами**.

You **monster**. You **beast**. You **unspeakable bastard**⁹⁸ (англ.).

Ты (террорист) – **монстр**. Ты – **чудовище**. Ты – **дикий выродок**.

Для сравнения: The bombing of the Serbs and Iraqis was undertaken in **the cause of peace**. It was without self-interest on Nato's part⁹⁹ (англ.). Бомбардировки сербов и иракцев были предприняты **во имя мира**. НАТО в этих бомбардировках не был корыстно заинтересован.

Приведенные экстарлингвистически мотивированные номинации создают две развернутые метафоры, два семантических поля: «Америка» и «Враги».

Америка – общество мира, дружбы, контакта, общество, защищающее свободу, демократические ценности, поддерживающее мир во всем мире, восстающее

---

⁹⁶ American Forces Press Service. 2001. 11 сентября.

http://www.defenselink.mil/transcripts/2001/t09112001_t0911sd.html

⁹⁷ CNN. 2001. 11 сентября.

<http://archives.cnn.com/2001/US/09/11/bush.speech.text/>

⁹⁸ Miami Herald. 2004. 6 апреля.

http://64.233.183.104/search?q=cache:QofZ9ez_RCUJ:www.miami.com/mld/miamiherald/living/columnists/leonard_pitts/8364039.htm+%22You+monster.+You+beast.+You+unspeakable+bastard%22&hl=en

⁹⁹ The Times. 2001. 12 сентября.

<http://www.thetimes.co.uk/article/0,,248-2001314680,00.html>

против терроризма, национализма, фашизма. До тех пор, пока Америка сильна, в мире не наступит век тьмы, однако тьма уже стремится атаковать маяк свободы и добра. Если Америка начинает бомбить другую страну, то только в мирных целях.

Враги – противники всего доброго и справедливого, нарушители демократических принципов, жестокие и сумасшедшие лжецы, стремящиеся уничтожить весь мир. Об этом образе, создаваемом в СМИ, писал еще известный лингвист Дж. Лакофф: «Сценарий таков: участвуют злодей, жертва и герой. Злодей совершает преступление, которое нарушает мировую справедливость. Герой собирает помощников или действует в одиночку. Герой идет на жертвы... враг олицетворяет зло, это чудовище. Герою ничего не остается делать, как только победить врага и спасти жертву»¹⁰⁰. В построении данного образа и создаваемых в СМИ коннотационных рядов нарушается референция, поскольку одинаковые действия в одинаковых условиях (бомбардировки суверенного государства, не совершившего агрессии против другого суверенного государства) именуется диаметрально противоположным образом. Иными словами, здесь речь идет о риторическом топе внешних обстоятельств.

Приведенные языковые образы повторяются с высокой частотностью, укрепляя необходимый манипулятору ассоциативный ряд и формируя новые коннотации в сознании читателей.

Под прагматически нагруженными лексическими группами мы понимаем образы и понятия, конструируемые в средствах массовой информации с помощью лексико-грамматических средств и повторяющиеся в большом количестве печатных изданий с целью достижения определенной реакции реципиента.

Категория страха и паники

Американские средства массовой информации объявили 11 сентября 2001 г. началом новой исторической эры – эры, в которой не существует больше стабильности и

---

¹⁰⁰ Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. - http://lists.village.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html.

безопасности. Как было сказано выше, американские ракетно-бомбовые удары по другим странам мировой катастрофой не назывались.

В текстах массовой информации рассматриваемого периода (2001 г.) слова, относящиеся к прагматически нагруженной категории страха и паники, можно было найти во многих статьях, освещающих анализируемые события. Основные лексические средства, используемые для создания этой группы, – местоимения с семантикой «каждый, любой», существительные и прилагательные со значением «общий», «международный», «угроза», модальные глаголы с семантикой «возможность». Таким образом, создается вербальная картина незащищенности каждого человека перед лицом страшной мировой катастрофы. Ниже, в разделе «семантика» будет показано, что употребление столь эмоционально нагруженных слов не обусловлено референцией – реальной мировой ситуацией.

A terrorist **can** attack at **any** time at any place using **any** technique¹⁰¹ (англ.). *Террорист может атаковать в **любое** время, в **любом** месте, используя **любое** оружие.*

A terrorist **can** do **any** kind of an attack **any** place at **any** time¹⁰² (англ.). *Террорист может совершить **любую** атаку в **любом** месте, в **любое** время.*

As one official put it: «A **hit for one is a hit for all**»¹⁰³ (англ.). *По словам одного высокопоставленного лица, «удар по одному – это удар по всем».*

Golpe a **nuestra civilización**¹⁰⁴ (исп.). *Удар по **нашей цивилизации**.*

Повторим, что приведенные конструкции, формирующие прагматически нагруженную лексическую группу страха-паники, использовались при описании теракта в

---

¹⁰¹ American Forces Press Service. 2001. 12 июля.

http://www.defenselink.mil/transcripts/2001/t07142001_t0712sd.html

¹⁰² The Washington Post. 2001. 16 сентября.

<http://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/abc091601.html>

¹⁰³ CNN. 2001. 12 сентября.

http://www.streport.com/files/WTC_09_11_01/wtc_horror.htm

¹⁰⁴ El Pais. 2001. 15 сентября. С. 1

США, в то время как военные действия Америки назывались «мирной акцией»). Следовательно, подобные призывы к объединению и укреплению силы духа имеют иную природу, чем лозунги типа: «Наше дело правое – победа будет за нами». Фразы и тексты, оперирующие проанализированными выше семантическими группами (страх – мировая катастрофа – героизм), выполняют манипулятивную функцию.

Данная вербальная манипуляция оказалась особенно успешной. Прагматически нагруженная лексическая группа страха и паники была перенесена в вербальную систему массовой информации других стран. Например, 5 ноября 2001 г. испанский журнал «Эль Тьемпо» вышел со следующими словами на обложке: «España no es objetivo prioritario del terrorismo islámico» (*Испания – не основная мишень исламского терроризма*).

При выборе словесного эквивалента западными СМИ широко используется красноречивый прием, строящийся на манипулировании категорией одушевленности: **овеществление**. Прием овеществления – один из самых ярких способов воздействия на общественное сознание – строится, как и ряд других приемов, на экстралингвистически мотивированной позиционной замене. К неодушевленным предметам приравниваются те люди и события, которые должны быть представлены в отрицательном свете. Так например, при освещении конфликта в Косово в 1999 г. о жертвах говорилось не иначе как о неодушевленной мишени.

The aircraft did get through to their **targets** last night¹⁰⁵ (англ.). *Авиация добралась до мишеней* вчера ночью.

United States and NATO aircraft entered the fourth day of strikes on **Serbian targets**¹⁰⁶ (англ.). *США и НАТО начали свой четвертый день ударов по сербским мишеням.*

NATO hits passenger **train**¹⁰⁷ (англ.). *НАТО наносит удар по пассажирскому поезду.*

---

¹⁰⁵ The Times. 2001. 8 октября.

<http://www.timesonline.co.uk/article/0,,41-122903,00.html>

¹⁰⁶ The New York Times. 1999. 28 марта. С. 3.

¹⁰⁷ The Times. 1999. 13 апреля. С.1.

NATO warplanes intensified their assault on Serbian **targets**¹⁰⁸ (англ.). Воздушные силы НАТО сегодня усилили свои удары по сербским **мишеням**.

NATO was successful in a way unprecedented in previous campaigns in keeping to a **minimum collateral damage or civilian casualties**. In contrast to Milosevic's forces' operations in Kosovo, we were not out to attack the people of Serbia. Sadly, there were **tragic incidents**¹⁰⁹ (англ.). НАТО с беспрецедентным успехом справился с задачей свести к **минимуму разрушения гражданских объектов и число жертв среди гражданского населения**. В отличие от действий войск Милошевича в Косово мы не воюем с населением Сербии. К сожалению, трагические **инциденты** у нас все же были.

Il y aura davantage de sorties, et davantage d'avions contre davantage de **cibles**¹¹⁰ (франц.). Будет больше вылетов и больше самолетов против большего количества **мишеней**.

L'Otan élargit ses **cibles** et vise désormais les infrastructures civiles en plus des objectifs militaires¹¹¹ (франц.). НАТО расширяет круг своих **мишеней** и отныне держит под прицелом гражданские объекты наряду с военными.

Когда речь шла о противоположной стороне косовского конфликта (об албанцах), человеческий масштаб трагедии передавался в полном объеме, с использованием экспрессивной лексики, с подробным описанием страданий мирных жителей; к приему овецствления авторы статей не прибегали. Следующие ниже примеры это подтверждают.

---

¹⁰⁸ The Times. 1999. 8 апреля. С.5.

¹⁰⁹ The London Times. 1999. 7 октября.

<http://www.freerepublic.com/forum/a37fc10ed7510.htm>

¹¹⁰ OTAN Communiqué de presse. 1999. 28 апреля.

<http://www.nato.int/docu/pr/1999/p99-073f.htm>

¹¹¹ L'Express. 1999. 28 июня.

<http://www.lexpress.fr/info/monde/dossier/kosovo/dossier.asp>

Serb troops have continued **attacks on unarmed men, women and children**¹¹² (англ.). Сербские военные продолжали нападать на **невооруженных мужчин, женщин и детей**.

Down a narrow dirt road, the perimeter fence is patrolled by armed guards who stop anyone leaving, even refusing to let **sick children** go to hospital¹¹³ (англ.). Забор в конце узкой грязной дороги патрулируется вооруженными военными (сербскими – А.Л.), которые не дадут никому выйти, не отпустят даже **больных детей** в больницу.

«The lives of **pregnant women and newborns** are at particular risk among refugees fleeing Kosovo. There have been a significant number of **women giving birth on the road** in harsh conditions, resulting in the **deaths of newborn infants**, said Dr. Manuel Carballo. Most of the refugees are **women and children**, and many of the women are **pregnant** or are **breastfeeding**»¹¹⁴ (англ.). «Особому риску среди косовских беженцев подвержены **беременные и новорожденные**. Было много случаев, когда **женщины рожали на дороге** в тяжелых условиях, что приводило к **смерти новорожденных**, – сказал доктор Мануэл Кабалло. – Большинство беженцев – **женщины и дети**, многие женщины **беременны или кормят грудью**».

30 **women** were stripped and taken to be **raped**. «The militia made them get out of their buses or cars, tore off their clothes in front of everyone, and then dragged them into the fields to rape them. We could hear their **screams**»¹¹⁵ (англ.). 30 **женщин** раздели и увели, чтобы **изнасиловать**. «Милиционеры заставили их (албанок) выйти из автобусов и машин, сорвали с них одежду на глазах у всех и поволокли их в поля, чтобы изнасиловать. Мы слышали их **крики**».

Итак, если речь идет о косовских албанцах, то воссоздаются страшные картины человеческих жертв с интенсивным использованием одушевленных существительных: погибающие младенцы, роды беженок на дороге, насилие.

---

¹¹² The BBC news. 1999. 27 марта.

<http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/305625.stm>

¹¹³ The Times. 1999. 13 апреля. С. 6.

¹¹⁴ Scienceblog. 1999. 9 апреля.

<http://www.scienceblog.com/community/older/archives/L/1999/A/un990479.html>

¹¹⁵ The Daily Telegraph. 1999. 12 апреля. С.3.

К приему овеществления авторы не прибегают. При этом активно используются иллюстрации – вербальные и графические. К вербальным иллюстрациям относятся статьи, повествующие о событиях со слов «очевидцев», часто эти рассказы носят ложный или субъективно-деформированный характер¹¹⁶.

Если жертвы со стороны албанского населения оплакиваются в классическом стиле западного гуманизма, то когда рассказывается о сербах – о том же мирном населении, жертвах бомбардировок, – то применяются слова «мишень», «цель», заставляющие забыть, что речь идет о живых людях. Даже если СМИ информируют о ракетно-бомбовых ударах, нанесенных по мирным сербским жителям, то говорится, что бомба попала в поезд, а не в людей.

Этот способ манипулирования сознанием был использован и при описании террористических актов 2001 г.

В обращении к американцам президент Буш в лучших традициях ораторского искусства говорил о невинных

---

¹¹⁶ Возможность проникновения в текст статьи разного рода лже-свидетельств доказывается уже хотя бы тем фактом, что во время Гаагского трибунала по делу о бывшей Югославии «очевидцы» давали ложные показания: «28 июля 2001г. на заседании суда в качестве свидетеля выступал один из командиров «Освободительной армии Косово», военизированной албанской организации. Он рассказал, что своими глазами видел, как в 1999 г. сербы совершили массовую казнь 127 албанских мирных жителей в деревне Избица, причем рассказывал о происходящем очень подробно, включая детали того, как сербские военнослужащие вымогали у албанцев по 1 тысяче немецких марок за освобождение. Милошевич обратил внимание суда на то, что свидетель, сославшись на проблемы со зрением, присутствует в зале суда в темных очках, и сопоставил некоторые нестыкующиеся детали: слова о расстоянии в 600 метров, с которого тот наблюдал сцену казни, рассказанные суду подробности и плохое зрение свидетеля. Тому не оставалось ничего другого, как сознаться, что большая часть его показаний строилась на рассказах других албанцев. Милошевич напомнил суду, что подобный же свидетель некоторое время назад продемонстрировал суду фото своей рубашки, пробитой сербскими пулями в трех местах, но от предложения Милошевича продемонстрировать соответствующие шрамы на теле отказался, признав, что ран нет. (Данные информационного агентства «Росбалт» 28.08.2002.)

жертвах теракта 11 сентября, о том, что на их месте мог оказаться любой: «After all,» Bush continued, «We're talking about somebody's **mom**, or somebody's **dad**, somebody's **employee**, somebody's **friend**, or somebody's **neighbor**»¹¹⁷ (англ.). «В конце концов, – продолжил Буш, – мы говорим о чьей-то **матери** или чьем-то **отце**, чьем-то **служащем**, чьем-то **друге** или чьем-то **соседе**». Благодаря использованию в обращении Буша лексических единиц, принадлежащих к семантическому полю «семья», трагедия 11 сентября должна восприниматься американцами не только на общенациональном, но на глубоко личном уровне.

Таким образом, экстралингвистически обусловленное использование или неиспользование в тексте массовой информации приема овеществления по отношению к жертвам военной агрессии (террора) определяется субъективно-оценочными интенциями автора, носящими тенденциозный политический характер. Когда речь идет не о терактах против США, а об американской военной агрессии, активно используется прием овеществления: Myers did describe one **instance** from Saturday in which a military helicopter was targeted, but a **small house** was hit. He called the incident an «**unfortunate case**»¹¹⁸ (англ.). Майерс описал один случай, произошедший в субботу, когда мишенью был военный вертолет, но удар был нанесен по маленькому домику. Он назвал этот инцидент «**несчастливым случаем**».

Здесь речь идет о военной ошибке, допущенной США при бомбардировке Афганистана, референциально верный денотат (разрушение дома с мирными жителями) скрывается. Речь идет о разрушении неодушевленного «маленького дома» (неодушевленное существительное), а не о гибели («чьего-то отца, матери, сестры или друга»).

В основе приема овеществления лежит психологический феномен отсутствующей самоидентификации. По точному замечанию британских исследователей СМИ Дж. Элриджа, Дж. Китзингер и К. Уильямса, люди обычно запоминают те отрывки статей, которые они могут соотнести с

---

¹¹⁷ The White House Press Release. 2001. 17 сентября.

<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2001/09/20010917-3.html>

¹¹⁸ American Forces Information Service. 2001. 15 октября.

http://www.defenselink.mil/news/Oct2001/n10152001_200110152.html

собой, при чтении которых они часто представляют, как бы они чувствовали себя на месте героев статьи. Большинство страхов являются универсальными и общечеловеческими, например, страх матери за ребенка. Исследователи считают, что когда в массовой информации воссоздается один из подобных страхов, сопереживание которому имеет для читателя высокую личную мотивацию, он неизбежно разделяет точку зрения того, с кем он идентифицирует себя¹¹⁹. Поэтому реципиент процитированных выше статей не сможет представить себе, как чувствовали себя мирные жители, находившиеся в разрушенных «мишенях», но будет сопереживать албанским семьям, отождествляя себя с ними.

В целях манипулирования сознанием может быть использовано такое художественное средство, как **синеκδοxa**. Суть этого приема, близкого по своей функциональной и прагматической природе приему овеществления, заключается в представлении целого через его часть или в названии части именем целого. Одна из наиболее частых реализаций этого приема в СМИ – отождествление политического лидера страны с ее народом. Таким образом формируется модель, в рамках которой критика лидера государства может служить моральным оправданием военной кампании против этого государства.

«We've struck at **his** TV stations and transmitters because they're as much a part of his military machine prolonging and promoting this conflict as his army and security forces.» U.S. General Wesley Clark explained¹²⁰ (англ.). «Мы атаковали **ero** телестудии, так как они являются частью военной машины, продолжающей и усугубляющей военный конфликт, так же как его армия и средства безопасности», – объяснил генерал В. Кларк.

Слово «его» относится к С. Милошевичу. Однако при бомбардировках 23 апреля убит был не Милошевич, а 20 мирных жителей.

«**We're not at war with anybody**, and certainly **not with the people of Yugoslavia**,» NATO spokesperson Jamie Shea

---

¹¹⁹ Elridge J., Kitzinger J., Williams K. The Mass Media Power in Modern Britain. – Oxford University press, 1997. – P.175

¹²⁰ Цит. по: Extra. 1999. Июль–август.

<http://www.fair.org/extra/9907/kosovo-crimes.html>

insisted at a NATO briefing¹²¹ (англ.). **«Мы не воюем ни с кем, и уж конечно не с народом Югославии»**, – подчеркнул представитель НАТО Джеми Ши на брифинге НАТО.

Milosevic must withdraw his forces from Kosovo, he must cease the policy of ethnic cleansing, and he must allow an international force in to allow people to return to their homes and villages¹²² (англ.). Милошевич должен **вывести свои войска** из Косово, прекратить политику этнических чисток, допустить в страну международную инспекцию, которая обеспечит возвращение людей в свои дома и деревни.

El líder serbio **Slobodan Milosevic** decidió dar una respuesta tras la muerte de dos policías serbios. El 3 de este mes **masacró a 72 civiles**¹²³ (исп.). Сербский лидер **Слободан Милошевич** решил ответить по-военному на смерть сербских военных. Третьего числа этого месяца он **убил 72 мирных жителей**.

A clear signal of intent that **air strikes against Slobodan Milosevic** are to intensify¹²⁴ (англ.). Это ясный знак того, что **воздушные удары против Слободана Милошевича** нужно усилить.

Как видно из приведенных примеров, сербское население полностью отождествляется со своим президентом, война в Косово называется войной против Милошевича. Однако страдает в этой войне мирное население. В СМИ постоянно говорится о диктатуре президента, о **его** войсках, а не о сербских войсках, об убийстве **им** мирных жителей. Частое использование местоимений и глаголов третьего лица единственного числа подчеркивает, что военная кампания НАТО направлена против одного человека¹²⁵.

---

¹²¹ Ibid.

¹²² The CNN. 1999. 5 апреля.

<http://edition.cnn.com/US/9904/05/us.kosovo.05>

¹²³ El Pais. 1999. 20 марта. С.8.

¹²⁴ The Guardian. 1999. 11 апреля.

<http://www.guardian.co.uk/Kosovo/Story/0,,206788,00.html>

¹²⁵ С. Г. Кара-Мурза, комментируя эмбарго, введенное в отношении Ирака, пишет о неправомерности и несправедливости такого порядка вещей, при котором целый народ расплачивается за действия своего лидера, и анализирует вербальное оформление этого правового искажения: «Согласно самой простой логике, наказывать иракского крестьянина, убивая его ребенка голодом, озна-

Другая реализация синекдохи основывается на манипулировании собирательными существительными. Сила, противостоящая Милошевичу, называется не Североатлантическим альянсом, а интернациональным союзом.

NATO governments are beginning to change their view about the composition of the «**international force**» to be deployed in Kosovo in the event of a diplomatic resolution to the war¹²⁶ (англ.). Руководство НАТО начинает менять свои взгляды на вопрос о составе «**международных сил**», которые должны располагаться в Косово на случай возможности дипломатического урегулирования военного конфликта.

В западных СМИ часто употребляются такие словосочетания как «международное сообщество», «многостороннее решение». По справедливому замечанию газеты «Обзервер»¹²⁷, слово «multilateral» («многосторонний») в СМИ обозначает блок США + Великобритания, а словосочетание «international community» («международное сообщество») обозначает «Запад». В результате манипулирования собирательными существительными военная кампания была превращена в общемировую миссию справедливости.

Таким образом, категория одушевленности может быть использована для формирования у реципиента определенного восприятия события.

Интерпретация скрытых смыслов.

Манипулирование со значением слова, с внутренней его структурой, в первую очередь, несовпадение сигнификата и денотата, привнесение во внутреннюю форму слова новых значений. Очевидно, что для определения денотата особое значение будет иметь обращение к реальным фактам. Этот подход поможет выявить интенциональные скрытые

чает брать этого крестьянина заложником и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу... рассматривались как военное преступление, и те, кто отдавал приказы о таких действиях, пошли на виселицу. Но сегодня по отношению к иракскому крестьянину это называется «механизмом международного права», эмбарго». См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – С. 247.

¹²⁶ The Times. 1999. 13 апреля. С.6.

¹²⁷ Observer. 1999. 11 апреля. С.4.

смыслы, которые заложены в ряде слов. Скрытый смысл – «всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте показателей»¹²⁸.

Во второй половине XX в. главными критериями оценки средствами массовой информации западных стран политического режима в той или иной стране стали понятия прогресса, плюрализма, свободы и толерантности. Частотность этих слов в политическом дискурсе и дискурсе СМИ достигает, очевидно, максимальных статистических показателей. В последние годы (особенно активно с 11 сентября 2001г.) этот ряд пополнило слово «терроризм». Данные слова в подавляющем большинстве контекстов употребляются не в прямом номинативном смысле: с течением времени они приобрели устойчивые скрытые смыслы, выявить которые можно при обращении к экстралингвистическим факторам.

Необходимо также иметь в виду, что эти слова принадлежат не просто к разряду абстрактных существительных, обозначающих отвлеченные понятия ментального мира. Употребление именно этих слов может стать решающим фактором в решении политических проблем и международных конфликтов, данные слова нередко приводятся в заключениях и резолюциях международных комиссий в качестве основных аргументов. Постараемся обозначить скрытые смыслы, заложенные в вышеперечисленных словах.

В качестве контекста для слов «прогресс», «плюрализм», «свобода», «толерантность» приведем отрывок из речи президента США Дж. Буша, переданной большинством западных средств массовой информации.

This is the world's fight. This is civilization's fight. This is the fight of all who believe in **progress** and **pluralism, tolerance** and **freedom**¹²⁹ (англ.). *Это битва всего мира. Это битва всей цивилизации. Это битва всех тех, кто верит в **прогресс** и **плюрализм, толерантность** и **свободу**.*

---

¹²⁸ Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 4.

¹²⁹ CNN, 2001. 21 сентября.

<http://archives.cnn.com/2001/US/09/20/gen.bush.transcript/>

Слова «прогресс», «плюрализм», «толерантность» и «свобода» перешли в категорию, которую мы определим как **абстрактные денотативно свободные слова**. Под денотативно свободными словами мы понимаем лексические единицы, внутренняя форма которых значительно отделилась от прямого номинативного значения, а доминирующим значением стало эмоционально оценочное. Особой характеристикой данных слов является широкая растяжимость сигнификата. В литературе подобные слова определялись как «слова-амебы» (С.Г. Кара-Мурза), «идеологемы» (Р. Водак), «идолы толпы» (Л. Витгенштейн).

Французский исследователь Г.Лебон отмечал, что «часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т.д. <...> В них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию»¹³⁰.

С помощью подобных слов может быть именован самый широкий ряд экстралингвистических феноменов. Так, например, одинаковый процесс выборов может быть назван проявлением демократии (Ирак, 2004) или ее отсутствием (Сербия, Россия, 2003).

Прогресс. Слово прогресс в современном западном сознании означает не индустриальное развитие каждой отдельной страны, а развитие стран «первого эшелона» за счет других стран. Для западного общества «прогресс» может иметь только такое значение, и это объясняется стереотипом, прочно закрепленным в сознании «империльных государств». Вот что об этом пишет известный социолог М. Паренти: «Разоренные земли Азии, Африки и Латинской Америки известны нам как "страны третьего мира", в отличие от "стран первого мира" – индустриальной Европы и Северной Америки и стран "второго мира" – бывших коммунистических стран. Нищета стран третьего мира, называемая "недостаточной развитостью", воспринимается большинством западных обозревателей как исторически сложившаяся

---

¹³⁰ Лебон. Г. Психология толп // Психология толп, М., 1998. – С. 378.

аксиома»¹³¹. Очевидно, что Запад не мечтает об активном прогрессе и развитии этих стран, поэтому абстрактно-отвлеченное слово «прогресс», употребленное Дж. Бушем, превращает предложение из «Это борьба всех тех, кто верит в прогресс» в «Это борьба всех тех, кто верит в прогресс и превосходство США» (фактический денотат).

Плюрализм, о котором говорит Буш, – слово, имеющее несомненные положительные коннотации в сознании его аудитории. Однако в большинстве обращений президента США к гражданам и в большинстве текстов СМИ подчеркивается как необходимость именно отсутствие плюрализма в США: категорично заявляется невозможность иметь мнение, не совпадающее с мнением большинства: *There are **no bystanders**, there is **no neutrality**, when it comes to war*¹³² (англ.). *В войне нет сторонних наблюдателей, нет места нейтралитету.*

Every nation in every region now **has** a decision to make: **Either you are with us or you are with the terrorists**¹³³ (англ.). Каждая страна **должна** сделать свой выбор: **либо вы с нами, либо вы с террористами.**

Иллюзорность плюрализма передается в этом предложении модальными глаголами долженствования и ультимативными конструкциями «или...или».

Свобода. Из приведенных выше слов Н. Хомского следует, что одной из свобод, которые Америка считает своим неотъемлемым правом, является свобода бомбить и вводить войска на территории других государств (конфликты с Ираком, Вьетнамом и Сербией). За другими государствами такая свобода не признается. То же можно сказать и о международном терроризме: США в борьбе с терроризмом могут бомбить независимое государство Афганистан, в то время как один из чеченских террористов А. Коллинз, открыто признающий свою причастность к терактам в России, остается в США на свободе (ноябрь 2002 г.), а организатор крупных терактов, в том числе и теракта в Беслане

---

¹³¹ Parenti M. Against Empire – City Light Books , 1995. - www.michaelparenti.org .

¹³² The Washington Post. 2001. 12 сентября. С.А09.

¹³³ Ibid.

(сентябрь 2004) Ш. Басаев наравне с высокопоставленными политиками дает длинное интервью американскому телеканалу. Таким образом, в данном контексте слово употребляется со скрытым семантическим ограничителем – свобода США.

Толерантность. Толерантность предполагает уважение к национальным традициям и обычаям других народов, но западные СМИ, руководствующиеся концепцией евроцентризма, нередко негативно оценивают культуру многих стран как не соответствующую **европейской**.

Las dos grandes capitales americanas ... quintaencian los poderes del orden civilisado de este planeta¹³⁴ (исп.). Две крупнейшие американские столицы – средоточие сил цивилизованного строя нашей планеты.

La superioridad de los progresos intelectuales de las sociedades mas desarrolladas¹³⁵ (исп.). Превосходство интеллектуального прогресса наиболее развитых стран.

Понятие «третьего мира», принятое в западном обществе для обозначения стран незападного пути развития, также не свидетельствует о толерантности и уважении к народам этих стран: богатство «развитых» стран находится в прямой зависимости от бедности стран «малоразвитых». К примеру, М. Паренти пишет, что те страны, которые называются «слабо развитыми», на самом деле просто чрезмерно истощены: основная часть их огромных природных богатств была «поглощена» Западом¹³⁶.

Терроризм.

Слово терроризм особенно часто стало употребляться в СМИ после событий 11 сентября 2001 г. Несмотря на то, что некоторые информационные агентства официально исключили слово «терроризм» из своего лексикона (Reuters, BBC), это слово можно встретить фактически в любом выпуске новостей.

Treating this terrorism as an international crime would give much needed legitimacy to the proportionate use of US

---

¹³⁴ ABC. 2001. 12 сентября. С.3

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Parenti M. Dirty truths – City Lights Books, 1996. -

www.michaelparenti.org

force to bring the prime suspect to justice¹³⁷ (англ.). Признание терроризма международным преступлением даст США законное основание призвать главного подозреваемого к ответу.

Terrorism against our nation will not stand¹³⁸ (англ.). Терроризм, направленный против нашей страны, не сможет устоять.

The only way to defeat terrorism as a threat to our way of life is **to stop it, eliminate it and destroy it** where it grows¹³⁹ (англ.). Единственный путь победить терроризм как угрозу нашему образу жизни – **остановить его, устранить его и уничтожить его** там, где он берет свое начало.

Global terrorism is a **common enemy and threat against our countries**¹⁴⁰ (англ.). Мировой терроризм – **общий враг наших стран и общая угроза**.

We share the belief that terrorism is a **cancer** on the **human condition**, and we intend to oppose it wherever it is¹⁴¹ (англ.). Мы разделяем мнение, что терроризм – **рак на теле человечества**, и мы будем противостоять ему где бы то ни было.

La Administración insiste en que la batalla es **contra el terrorismo** y **no contra la gente de Afganistán**¹⁴² (исп.). Администрация настаивает на том, что битва ведется против терроризма, не против народа Афганистана.

В печати появляются экспрессивные неологизмы.

---

¹³⁷ The Times. 2001. 18 сентября.

<http://www.thetimes.co.uk/article/0,,525-2001323224,00.html>

¹³⁸ Time. 2001. 12 сентября.

<http://www.time.com/time/nation/article/0,8599,174502,00.html>

¹³⁹ CNN. 2001. 21 сентября.

<http://archives.cnn.com/2001/US/09/20/gen.bush.transcript>

¹⁴⁰ American Forces Press Service. 2001. 18 октября.

http://www.defenselink.mil/news/Oct2001/n10182001_200110182.html

¹⁴¹ American Forces Press Service. 2001. 7 октября.

http://www.defenselink.mil/releases/2001/b10072001_bt491-01.html

¹⁴² El Pais. 2001. 8 октября. С.3.

Es también el primer acto de **hiperterrorismo** de la era de la información global¹⁴³ (исп.). Это также первый акт **гипертерроризма** эпохи глобальной информации.

В данном случае несоответствие сигнификата и денотата показать не сложно. Статистические исследования свидетельствуют о том, что динамика международного терроризма не соответствует динамике освещения международного терроризма. Например, в 2001 г., когда количество статей о терроризме в СМИ в 63 раза превысило показатели предыдущих 20 лет, однако число жертв терактов составило 4655 человек против 6454 в 1995 г. или 6694 в 1998 г.¹⁴⁴.

Важно также отметить, что в СМИ слова «терроризм» и «террорист» приобретают новую сочетаемость, или коллокацию: они широко применяются только в контекстах, где речь идет об угрозах в адрес США. Вместе с тем авторы статей о захвате заложников в Москве в октябре 2002 г. предпочитали употреблять слово «чеченцы», хотя информация о национальности захватчиков на тот момент не была проверенной, что неоднократно повторяли российские политики. Так, например, в пяти статьях газеты «Нью-Йорк Таймс»¹⁴⁵ слово «террористы» авторы употребили лишь один раз, а слово «чеченцы» – 12. Так же широко употреблялись слова «rebels» и «guerillas» – («повстанцы»), имеющие совершенно иные, чем слово «террористы», нередко положительные коннотации.

Поскольку частотность употребления слова «терроризм» в СМИ не соответствует реальной международной обстановке, несомненно, что западные политики и журналисты под «терроризмом» понимают преимущественно террористические акты, направленные против интересов западноевропейских стран и США. В случае терактов другой территориальной и национальной направленности высоко

---

¹⁴³ El País. 2001. 12 сентября.

http://www.elpais.es/especiales/2001/atentados_eeuu/opinion/editorial.html

¹⁴⁴ См. подробнее: Коммерсантъ Власть. 2002. №41 С. 35; Международная база данных Lexis-Nexis <http://www.lexisnexis.com>

¹⁴⁵ The New York Times. 2003. 4, 5 октября.

ассоциативное слово «терроризм» заменяется другими словами.

Таким образом, очевидно, что путем разрыва сигнификата и денотата создаются манипуляционные слова, которые автоматически используются для именованя определенного ряда явлений, причем сигнификат не соответствует денотату.

В заключение можно сделать следующие выводы: выявление языкового манипулирования в средствах массовой информации требует детального и методичного лингвистического анализа текста. Языковое манипулирование строится, в первую очередь, на отдалении именованя (сигнификата) от стоящего за ним понятия (денотата), воздействию на ассоциативное поле реципиента.

Отдаление сигнификата от денотата может иметь различные реализации, которые в комплексе именуются экстралингвистически мотивированной позиционной заменой. При использовании лексико-семантической вариативности (синонимии) в процессе номинации авторы манипуляционного дискурса часто выбирают из семантического поля слово, наиболее удаленное по смыслу от семантического ядра, а также многозначное слово, одно из значений которого можно «притянуть» к обозначению номинируемого объекта. Эвфемизмы и дисфемизмы основаны на устойчивых изменениях семантического поля слова. Изменение ассоциативного поля слова характеризуется объединением вокруг слова-стимула группы слов-ассоциатов. Ассоциативный ряд может быть модифицирован частотой употребления слова в определенном контексте. Чтобы заменить в массовом сознании одну ассоциацию на другую, необходимо изменить частотность их употребления в СМИ. Прагматически нагруженные лексические группы представляют собой образы и понятия, конструируемые в средствах массовой информации с помощью лексико-грамматических средств и повторяющиеся в большом количестве печатных изданий с целью достижения определенной реакции реципиента. Овеществление – это прием языкового воздействия на сознание, выстроенный на экстралингвистически мотивированной позиционной замене, приравнивающий к неодушевленным предметам людей и со-

бытия, которые должны быть представлены в отрицательном свете. *Интенционально скрытые смыслы* заложенные в ряде слов. Во второй половине XX в. слова «прогресс», «плюрализм», «толерантность» и «свобода» перешли в категорию **абстрактных денотативно свободных слов**. Для этих слов характерна широкая растяжимость сигнификата: т.н. «слова-амебы», «идеологемы», «идолы толпы».

Лексические приемы и формы воздействия направлены и используются современными СМИ на семиотическом (синонимия, эвфемизмы, дисфемизмы, изменение ассоциативного поля, упрощение, овеществление и др.) и метасемиотическом (метафоры, штампы, мифы, введение эксперта) уровнях – в целях осуществления воздействия на общественное сознание.

Библиография

1. **Гальперин И.** Очерки по стилистике английского языка. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. **Грачев Г., Мельник И.** Приемы и техника манипуляционного воздействия в массовых информационных процессах // Проблемы информационно-психологической безопасности. – РАН. Институт психологии. М., 1996.
3. **Кара-Мурза С.** Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
4. **Любимова А.А.** Интерпретация текста и языковое манипулирование в текстах современных западных средств массовой информации. // Вопросы интерпретации текста. Лингвистика и история литературы. – М.: МАКС Пресс, 2004. – с. 66-78.
5. **Любимова А.А.** Интерпретация языкового манипулирования в контексте проблем адекватного перевода // Проблемы перевода. М., 2005, с.31–40.
6. **Любимова А.А.** Языковое манипулирование в СМИ как способ разрушения традиционной системы ценностей и языковой картины мира. // современные вопросы общественно-речевой практики. М.: Макс-Пресс, 2005 г. – с. 25–46.

7. **Масленникова А.А.** Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 1999. – 260 с.
8. **Миронов А.** Раздувай и властвуй. Практическое руководство по технологиям «мягкой» пропаганды. – Москва: Добросвет, 2001. – 216 с.
9. **Остин Дж. Л.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Москва: Прогресс, 1986. – С. 22 – 131.
10. **Падучева Е.В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
11. **Рыжков Н.И., Тетекин В.Н.** Югославская Голгофа. – Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. – 445 с.
12. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. – Санкт – Петербург: Алетейя, 2000. – 316 с.
13. Смысловое восприятие речевых сообщений (в условиях массовой коммуникации). – Москва: Наука, 1976. – 262 с.
14. **Фенько А.** Человек безумный // Коммерсантъ Власть. – 2002. №41. – С. 62-65
15. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва: Издательство МГУ, 2001. – 144с.
16. Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: Благовещенский гуманитарный фонд им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
17. **Bolinger Dw.** Language – The Loaded Weapon: the Use and Abuse of the Language today. – London, 1984. – 214 p.
18. **Braithwaite M.** Servant or Master? A Casebook of Mass Media. – The book Society of Canada Limited. – 134 p.
19. **Chomsky N.** Necessary Illusions. Thought control in democratic societies. – Montreal – Toronto – New York – London: CBS Enterprises, 1989. – 422 p.

20. **Chomsky N.** 9 – 11. – New York: Seven Stories Press, 2001. – 125 p.
21. **Cirino R.** Don't blame the people. How the news media use bias, distortion and censorship to manipulate public opinion. – Los Angeles: Diversity Press, 1971. – 341 p.
22. **Elridge J., Kitzinger J., Williams K.** The Mass Media Power in Modern Britain. – Oxford University press, 1997. – 200 p.
23. **Holder R. W.** A Dictionary of Euphemisms. – Oxford, 1995. – 470 p.
24. **Jacquard R.** La guerre du mensonge. Histoire secrète de la désinformation. – Paris: Plon, 1986. – 308 p.
25. Longman Language Activator. – Harlow: Longman Group UK Limited, 1997. – 1595 p.
26. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A S. Hornby . – Oxford: Oxford University press, 1995. – 1428 p
27. **Viallon Ph.** L'analyse du discours de la television. – Paris: Presses Universitaires de France, 1996.- 128 p.

**Панина Е. К проблеме исследования именного словообразования в диахронии
(на материале санскрита и хинди)**

В распоряжении тех, кто занимается анализом различных областей лингвистической науки, часто оказывается достаточное количество работ, касающихся исследования того или иного среза определенной области языковой системы. Эти исследования полно и аргументированно затрагивают вопросы синхронного состояния языка. Однако как нельзя представить язык, существующий либо только синхронически, либо только диахронически, так же нельзя считать полным исследование, затрагивающее лишь одну сторону развития и функционирования языка.

В области словообразования санскрит как древнейший из засвидетельствованных индоевропейских и как язык, отличающийся богатством словообразовательных средств, позволяет подробно рассмотреть такие именные деривационные способы, как префиксацию, суффиксацию, основосложение. Хинди как потомок и наследник древнеиндийского языка дает возможность проследить пути развития именных деривационных способов и словообразовательных формантов. Префиксация, покидающая область глагольного словообразования, как это было в санскрите, и относящаяся в хинди лишь к имени, суффиксация, теряющая продуктивность большей части суффиксов, которые мы находим в древнеиндийском, но приобретающая новые возможности за счет притока заимствований, словосложение, довольно широко используемое для образования новосанскритских лексем, само явление санскритизации в его культурном и лингвистическом аспектах, – всё это является обоснованием к выбранному диахроническому подходу в исследовании словообразования.

Теоретическая база исследований неосанскритизмов опирается на работы отечественных и зарубежных лингвистов в области словообразования.

Словообразование «изучает производные и сложные слова в динамическом («как делаются слова») и в статическом («как они сделаны») аспектах (Л. В. Щерба), как в диа-

хроническом, так и в синхронном отношении)»¹⁴⁶. Словообразование «может предсказывать появление новых слов и условия такого появления, а также выявлять правила, по которым говорящий создает новые и производные слова в синхронии, на данном этапе развития языка»¹⁴⁷.

Одно из основных понятий словообразования – аффикс и его значения. Нам представляется, что хотя контекстное значение аффикса, его значение в системе бывает трудновыделимым, мы можем согласиться с точкой зрения И. С. Улукханова по этому вопросу. Он считает, что аффикс подобен другим значимым единицам языка, а потому имеет значение вне контекста, в системе. Лингвистические данные по древнеиндийскому и современному индийскому словообразованию показывают нам, что при определении семантики большинства производных мы вполне можем отталкиваться как от значения производящей основы, так и от значения присоединяемого аффикса (суффикса, префикса), учитывая и опираясь на совершенно определенную и лишь немного варьирующуюся семантику словообразующего форманта. Именно значение аффиксов может быть характерной чертой определенных лексико-семантических групп. Поэтому для нас является важным понятие о том, что «аффиксы (как и другие значимые единицы языка) имеют значение вне контекста – в системе, хотя формулирование значений многих аффиксов вызывает трудности»¹⁴⁸. Определенное в контексте значение форманта является его системным значением. «Значение аффикса устанавливается тем же путем, что и значение слова – от контекстных значений к значению в системе»¹⁴⁹. Важнейшая черта аффиксов – их структурная связанность – отражается и в функционировании этих единиц. Поэтому словообразовательный анализ подразумевает исследование словообразовательного значения и сочетаемостных свойств словообразовательных формантов.

---

¹⁴⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1998. - С. 467.

¹⁴⁷ Там же, с. 467–469.

¹⁴⁸ Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. - М., 2001. - С. 89.

¹⁴⁹ Там же.

Исследование словообразования включает в себя не только описание синхронного среза языка, но и раскрытие закономерностей его диахронического развития. Как верно связывает Б. В. Горнунг единство синхронии и диахронии со спецификой языковой структуры: «Каждый факт языка существует и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей – связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предыдущим и последующим состоянием самого этого факта»¹⁵⁰.

Как отмечает Ю. С. Степанов в своей книге «Методы и принципы современной лингвистики»¹⁵¹, исторический принцип освещения материала можно выявить в тех работах, где для исследования взят материал в широком плане – современное состояние и историческое развитие. Такие работы отличаются тем, что в силу охвата материала должны опираться на значительное количество других исследований. Современный этап развития лингвистики опирается на положение о единстве синхронии и диахронии. Синхронное описание какого-либо среза языка затрагивает и предшествующие состояния языка. Т. е. синхронное состояние – это системное преобразование прошлого состояния. Синхрония и диахрония – два разных аспекта и подхода к анализу языка. Они неотделимы друг от друга (противоположной точки зрения придерживался Ф. де Соссюр, отвергавший единство синхронии и диахронии). Изучение исторического развития языка всегда требует сравнения по меньшей мере двух синхронных срезов, поэтому синхрония предшествует диахронии. Ю. С. Степанов отмечает: «Синхронное описание проводится вне всяких исторических соображений. И вместе с тем, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем самым синхронное описание, выявляющее систему

---

¹⁵⁰ Горнунг Б. В. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры. // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. - М., 1960. - С. 5–21.

¹⁵¹ Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. - М., 2003. - С. 16.

языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. Этот принцип утверждает единство синхронического описания и исторической реконструкции, единство современного и исторического»¹⁵².

Обращаясь к теме исследования словообразования в диахронии, мы предполагали, что необходимое условие принципа историзма – идея поступательного движения языка, который, будучи явлением социальным, призван обслуживать развивающееся мышление. Это является и одним из положений исторической типологии – признание исторического характера лексических и грамматических категорий.

Индийские языки, особенно древнеиндийский, дают богатый материал для исследования именного словообразования в диахронии. Историю вопроса можно проследить до периода начала формирования сравнительно-исторического языкознания – времени после ознакомления европейцев с трудами древнеиндийских ученых. Язык ритуальных трактатов, Вед с течением времени становился не очень понятен даже представителям жреческого сословия, и было необходимо осмыслить каждое слово как самоценную сущность. Результатом этого явилось создание специальной дисциплины – нирукты (*nir-ucyate*), когда обращалось внимание на языковые признаки, относящиеся слово к той или иной группе, т. е. проводился семантико-этимологический анализ.

Примерно в V–IV в. в. до н. э. создается «Восьмикнижие» Панини. Под сильным влиянием Панини и древнеиндийских грамматистов находились те, кто стоял у истоков компаративистики как науки. В частности, проблема выделения корня, появившаяся в европейском языкознании именно после ознакомления с грамматическими трудами древних индийцев, вышла на передний план. Развилось представление о корне «как неразложимом звуковом комплексе, обладающем единым, хотя и весьма широким лексическим значением»¹⁵³, который отличается от части слова, ос-

---

¹⁵² Там же, с. 119-120.

¹⁵³ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. - М., 2004. - С. 6.

тающейся «неизменной во всех процессах формообразования данного слова»¹⁵⁴.

Хинди – современный индийский язык, охватывающий ряд диалектов и групп диалектов, распространенных в Северной Индии в штатах Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Раджастхан и Химачал Прадеш. Примерно на этой территории был выработан в Древней Индии санскрит. Затем стал распространяться другой язык, называвшийся пракритом. Как отмечает К. Гуру в своей грамматике, этот язык «возник в результате неправильного произношения арийского языка женщинами, детьми и шудрами»¹⁵⁵. Через т. н. вторичный пракрит, под которым подразумевается язык среднеиндийского периода пали (вторичный пракрит развился на базе первичного пракрита, являвшегося переходной ступенью от собственно санскрита к более упрощенной форме фонетики и грамматики, представителем коей стал пракрит), развились еще три пракритских ветви: шаурасени, магадхи и махараштри. Кроме того, в результате смешения шаурасени и магадхи получился еще один язык, который носит название арддхамагадхи (полумагадхи). Развивающийся разговорный пракрит стал именоваться сторонниками письменного пракрита «апабхрانشа» («испорченный» язык). Следующим этапом развития индийских языков стал хинди. Таким образом, начало развития собственно хинди мы можем отнести примерно к 1000 г. н. э., выделив в истории языка три периода: ади-хинди (первоначальный хинди) (1200–1600 гг.), мадхья-хинди (средневековый хинди) (1200–1600 гг.) и современный хинди (1600–1800 гг.). Это деление основано большей частью на классификации и характеристике литературы, которая развивалась в том или ином направлении. Соответственно развитию литературы и ее жанров развивался и хинди, современный этап которого отсчитывается от времени появления на нем прозаических литературных произведений.

Можно выделить три существующих разновидности хинди: санскритизированный хинди, пользующийся деванагари и отличающийся обилием санскритской лексики; персианизированный хинди (урду), основанный на персидско-

---

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Гуру К. Грамматика хинди. В 2-х ч. Ч.1. - М., 2004. - С. 32.

арабском алфавите и персидской и арабской лексике соответственно; «базари хинди» – разговорный язык с упрощенной грамматикой¹⁵⁶.

Лексика хинди вмещает в себя слова, происходящие из различных групп языков, что влияет на частоту и особенности их употребления в современном индийском языке. В ней можно выделить следующие группы слов:

1. *Татсама* (= «равный ему») – санскритские слова, употребляющиеся в хинди в такой же форме, как и в санскрите. Значение их может быть измененным, форма заимствуется непосредственно из санскрита.

2. Слова, которые пришли в хинди не прямо из санскрита, а через пракриты (пали, апабхрانشа), называются *тадбхава* («произошедший из него»). Это слова собственно хинди. (Индийская грамматика выделяет группу *арддхататсама* («полутатсама»), подразумевая под ней санскритские слова, которые в процессе произношения людьми, говорившими на пракритах, немного видоизменили свою форму. Исходя из этого определения, считаем, что можно отнести *арддхататсама* к группе слов *тадбхава*.) Например:

санскрит	пракрит	хинди
agni	aggi	aag (огонь)
vats	vacch	bacca (ребенок)

3. *Дешадж* (или *дешья*). Это местные диалектные слова. (См. *Ādhunik hindī vyaḅhāraṅ aur rasnā*, p.148. **Это ст., книга? В библиографии этого нет**) Они не возводятся к санскритским корням. Например: *siṅgiā* (птица), *jūtā* (обувь), *khicṅī* (кхичри (рисовая каша)) и др.

4. Заимствованные из других языков слова *видеши*. Сюда относятся арабские, персидские, турецкие, английские, португальские, русские слова. При этом и заимствования можно разделить на «татсама» (произношение которых в хинди соответствует изначально заимствованному) и «тадбхава» (измененные). Например, английские *dānkṅar* и

---

¹⁵⁶ Подробнее об этом см.: Чаттерджи С. К. Введение в индоарийское языкознание: Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка. (Ахмедабад). - М., 1977.

dākṭar (врач, доктор), enjin и injan (двигатель), māil и mīl (милля), kaipṭan и kapṭan (капитан), āphīsar и aphaṣar (офицер).

Почти все глаголы и местоимения в хинди принадлежат к группе тадбхава, большинство существительных – к группам татсама и тадбхава. Между словами групп татсама и тадбхава наблюдаются различия не только по форме, но и по значению. Татсама большей частью представлены словами с общими значениями, а тадбхава – словами с определенными, конкретными значениями. Иногда татсама имеют оттенок возвышенного стиля, а тадбхава выступают с оттенком простоты, обыденности.

dekhnā (смотрение) – применительно к простым людям
darṣan (созерцание) – к высокопоставленным лицам или божествам

С. К. Чаттерджи писал: «Санскрит в течение последних 250 лет был природной кормилицей всех индийских языков всякий раз, как они нуждались в новых словах»¹⁵⁷. Древние классические языки являются для современных литературных языков не только памятником культуры и истории, но главным образом источником обогащения новых языков лексикой и словообразовательными средствами. Подобное явление мы наблюдаем в культурном и языковом развитии Индии, где на протяжении длительного времени сосуществовали санскрит и пракриты, а затем и новоиндийские языки, что привело к обогащению и пополнению словаря последних за счет санскрита.

Санскритизация – явление не чисто лингвистическое, а общекультурное. Это обращение ко всеми уважаемой, неоспоримой, имеющей, по мысли индийцев, божественное происхождение традиции. Однако такое отношение к санскритской лексике в новоиндийских языках характерно для периода до XIX века. После этого времени санскрит становится не только хранителем традиций, но и выразителем жизни и культуры современной эпохи. Если раньше санскрит был источником пополнения словарного состава языка путем заимствования слов, создания семантических неологизмов, то сейчас обогащение современных языков

---

¹⁵⁷ Цит. по изданию: Бескровный В. М. О роли санскрита в развитии новоиндоарийских литературных языков. // Санскрит и древнеиндийская культура: Сб. ст. - М., 1979. - С. 46.

через древнеиндийский происходит на уровне словообразовательных средств. Словообразование, по мысли Е. С. Кубряковой, нельзя представлять как некую застывшую систему языка, закрепившую за собой определенный набор средств и имеющую установившиеся корреляции. Именно эта система обладает огромными потенциальными возможностями своего развития, что происходит и в современных индийских языках.

Процесс санскритизации в хинди характеризуется как возобновлением старых, так и появлением новых словообразовательных средств. Они основываются на традиционной базе санскрита, но функционируют в современных литературных языках. Словообразовательные элементы начинают использоваться при образовании новых слов и моделей деривации. Такой процесс, происходящий в современных индийских языках, и можно назвать санскритизацией. В лингвистическом аспекте, по определению А. С. Бархударова¹⁵⁸, «санскритизация – это процесс интерференции двух языковых систем: санскритской (язык санскрит) и «несанскритской» (в том числе – инородной, неиндоарийской)».

Представление основных словообразовательных средств, которые используются современным литературным хинди, мы будем сопровождать соотносительным анализом собственно санскритских словообразовательных средств, что даст нам возможность проследить пути развития словообразования в диахронии.

В связи с тем, что в современном хинди до сих пор не до конца оформлена терминологическая сфера словаря, этот язык характеризуется особенной интенсивностью словообразовательных процессов.

Пополнение и развитие словарного состава хинди идет по трем основным путям: словообразование, заимствование и изменение значений слов. Все они неразрывно связаны друг с другом.

В процессе появления в языке новых слов можно разграничить две тенденции: «1) создание новых слов на базе старых путем использования различных грамматических и

---

¹⁵⁸ Бархударов А. С. Санскритизация индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция. - М., 1979. – С. ???

лексических средств и 2) чисто семантические изменения, приводящие к новому содержанию, а в результате этого – к новым словам без каких-либо преобразований формального порядка. Случаи появления новых слов, когда возникновение нового значения в формальном отношении не выражается, стоят вне пределов словообразования»¹⁵⁹.

Словообразовательная система, которая сложилась к современному периоду развития хинди, отличается от древнеиндийской не только тем, что одни аффиксы заменились на другие или просто исчезли, что префиксация осталась только у существительных и совершенно отсутствует у глаголов, что развилась система послелогов и активизировались тенденции к аналитизму в языке, но тем, что произошли изменения в отношениях между членами системы: «удельный вес» одних словообразовательных средств повысился, а других, наоборот, понизился. Но отметим: на смену тому, что исчезает, приходит что-то, его заменяющее. То же происходит и в хинди: на место утраченных аффиксов, деривационных средств приходят другие, опирающиеся на древние словообразовательные типы, но новые по своему содержанию. Даже, как отмечает А. С. Бархударов, некомпенсированные преобразования структуры индоарийского словообразования, произошедшие в глагольной префиксации, приобретают свои «аналоги» в системе языка. В данном случае таким «аналогом» являются т. н. интенсивные глаголы, послелого, слова-суффиксы.

Образование новых слов в хинди обычно происходит по словообразовательным моделям, которые характерны для всей индоарийской словообразовательной системы с учетом особенностей, присущих современному словообразованию хинди. К этим особенностям следует отнести агглютинацию (присоединение словообразовательных формантов без характерных для санскрита сандхи на границе основ), гибридность (сочетание генетически разнородных элементов), калькирование. В современном хинди выделяются следующие основные способы словообразования: аффиксация (префиксация, суффиксация); словосло-

---

¹⁵⁹ Там же.

жение; конверсия; редупликация; переосмысление значений уже имеющихся слов.

В свете исследования новосанскритской лексики мы обратимся к префиксации и суффиксации.

Исследователи говорят о том, что основная роль префиксов в санскрите заключалась в уточнении или изменении лексического значения глагольного корня: в передаче характера или направленности языкового действия. Единственной же роль приставок в литературном хинди (и других новоиндийских языках) заключается в изменении или уточнении значения имени. В основном санскритские префиксы употребляются с санскритскими же словами.

Картину последовательного развития и превращения префиксов на примере индийских языков можно представить следующим образом.

В санскрите система предлогов, употребляемых с именами, гораздо менее развита, чем в других индоевропейских языках, но использование этих же слов с глаголами вполне сопоставимо с родственными санскриту языками. В грамматических трудах древних индийцев провербы называются словами упасарга (*upasarga*) и относятся к одной из частей речи. У Панини говорится, что упасарга – это глагольное определение¹⁶⁰. Упасарга – это не наречие и не знаменательное слово. Упасарга уточняет значение глагола, вносит дополнительный смысл в семантику слова.

Т. Барроу, который рассматривает приставки как принадлежность глаголов, отмечает, что глагольные префиксы – это те же самые слова, которые употребляются как простые предлоги. Он также напоминает, что «в санскрите система предлогов (или послелогов), употребляемая с именами, гораздо менее развита, чем в родственных ему языках. С другой стороны, употребление того же класса слов в роли глагольных приставок в санскрите развито в той же мере, как и в других индоевропейских языках»¹⁶¹. Барроу же, бравший для исследования материал ведического и классического санскрита, видит разницу между ними в том

---

¹⁶⁰ Кочергина В. А. Словообразование санскритского глагола и принципы его изучения. // Вестник Московского Университета. Сер. XIII. Востоковедение. – М., 1979. – С. 222

¹⁶¹ Барроу Т. Санскрит. – М., 1976. – С. 267–268.

числе и в положении приставок-предлогов, присоединяемых к глагольным корням. Если в классическом санскрите место приставки – перед глагольной формой, то в ведическом положение ее свободно, «она может быть отделена от глагола несколькими словами или иногда идти после него»¹⁶². Приведенная таблица представляет набор выделенных префиксов санскрита (ст. 1), их эквиваленты в других индоевропейских языках (ст. 2) и значения, характерные для них (ст. 3)¹⁶³.

atī «через, вне, вверх, очень»	др-герм. ant, unti, ав. aiti, др-перс. atiy, греч. ετι, лат. et	сверх, в высшей степени, очень; значение чрезмерности чего-л.
adhī «над, на»	ав. aidi, др-перс. adiy	значение чрезмерности, старшинства, главенства и т. Д.
anu «за, вдоль, по направлению к, в течение, рядом с, в зависимости от, с»	ав. anu, др-перс. anuv, греч. ανά, гот. ana	обозначает направленность, совместность или избыточность действия; также может иметь разделительное значение
ara «прочь, от, назад» (противопоставлено ура, anu, sam, pra) «вниз» (противопоставлено ud)	ав., др-перс. ара, греч. άπο, лат. ab, хет. ара	обозначает направленность действия прочь, в сторону, назад, вниз; также имеет негативный оттенок, значение противоположности чему-л.
ari «к, на» (может употребляться как от-	ав. airi, др-перс. ariy, греч. επι	обозначает достижение чего-л., положение вблизи

¹⁶² Там же, с. 40.

¹⁶³ В данную таблицу не включены именные префиксы санскрита su-, dus-, sa-, ku-, a-privativum, т. к. они относятся к общеиндоевропейским именным префиксам; в данной же списке представлены слова, которые можно отнести к классу urasarga.

дельное самостоятельное наречие в значении «еще, кроме того, более того»)		или над чем-л.
abhi «к, по направлению к, в, на» (может выступать как отдельное самостоятельное наречие и как приставка к именам, не производным от глагола)	ав. aiwi, др-перс. abiy, ст-слав. ОБЪ, лат. ob	обозначает направленность действия прочь, в сторону, назад, вниз; также имеет негативный оттенок, значение противоположности чему-л.
ava «вниз, прочь, от» (может употребляться как приставка к глаголам и отглагольным именам)	ав., др-перс. ava, др-прусс. au, ст-слав. ОУ, лат. au	обозначает направленность действия прочь, в сторону, вниз
ā «к, до, у, по направлению к» (может использоваться как предлог (+ Acc), а также как наречие)	ав., др-перс. ā	имеет значение направленности или начала действия
ud, ut «вверх, вперед, из, над, на, вне, за пределами, отдельно от» (как приставка к глаголам и именам) (может использоваться как самостоятельное наречие)	ав. us, др-перс. ud, ирл. ud, od, гот. ūt «из»	значение направленности вверх, наружу
ura «к, по направлению к, возле, рядом с, со стороны чего-л., с,	ав. ура, др-перс. urā, греч. υπὸ, гот. uf	близость, примыкание или приближение; также мощь

вместе с) (может употребляться как предлог или префикс у глаголов и имен)		
nī «ПОД, ВНИЗ»	ав. nī, др-перс. nīy	значение направленности вниз или разделительное значение
nis/nir «ИЗ, ВПЕРЕД»	ав. niš, др-перс. nij	значение направленности действия
paḡā «ВПЕРЕД, ПРОЧЬ ОТ» (может употребляться как предлог)	др-перс. paḡā	значение «чужой, другой, удаленный, предшествующий (по времени), следующий, грядущий»
paḡi «ВОКРУГ, ОКОЛО»	ав. paḡi, др-перс. paḡiy, греч. πῆρι	кругом, вокруг; выражает полноту или высшую степень качества
pa «ВПЕРЕД, ПЕРЕД, ВПЕРЕДИ, ОТ» (при употреблении с прилагательными – в значении «очень, много»)	ав., др-перс. pa, ст-слав. ПРО, лит. pa, греч. πρὸ, лат. pro	выражает направленность вперед, в сторону
prati «ПРОТИВ, НАЗАД, В ОТВЕТ, РЯДОМ С, ОПЯТЬ, СНОВА, НА, ВНИЗ НА» (может употребляться как предлог в постпозиции в значении «по направлению к»)	греч. πρὸτι, проті, ст-слав. ПРОТІ	значение «против, к, при»
vi «ВРОЗЬ, ОТДЕЛЬНО, НА	ав., др-перс. vi	значение распределения, разделе-

части, порознь, прочь» (используется как префикс у глаголов и существительных и других отглагольных производных)		ния; либо усиленное значение
sam «вместе, с, вместе с»	ав., др-перс. ham, ст-слав. СОУ, лит. sq, греч. σὺν, лат. con	выражает направленность, ограничение; совместность, соединение

Отметим, что для санскрита характерна также полипрефиксальность, т. е. две или более приставки, находящиеся перед корнем, могут идти вместе. Кроме того, слова *urasarga* в санскрите могут выступать и как префиксы, и как предлоги в пре- и постпозиции в сочетании с каким-либо падежом. Например, *ā* +Acc, *parā* + Abl/Gen, Acc + *prati*. Значения *urasarga*, несмотря на то, что могут быть в общем определены, выясняются точно только в контексте и в конкретном употреблении.

Разница в префиксальном словообразовании глаголов и неглаголов¹⁶⁴ в санскрите рассматривалась исследователями, в том числе И. И. Богатыревой¹⁶⁵. Мы выделим несколько основных различий.

В префиксальном словообразовании глаголов принимают участие только превербы, в то время как у неглаголов это и префиксы, относящиеся к индоевропейским. В системе глагольных префиксов отсутствуют четкие противопоставления (четкое различие префиксов-синонимов и префиксов-антонимов), значение производного можно вывести из значений префикса и глагольного корня в 50–60 %

¹⁶⁴ Отметим, что противопоставление «глагол–неглагол» впервые ввел Панини (*dhātu – prātipadika*, Pāṇini, 2.45–46). Частицы - *niṣāta*, к которым относились *urasarga*, по Панини, становились «*urasarga*» тогда, когда употреблялись с глаголом.

¹⁶⁵ Богатырева И. И. Словообразовательная префиксация в санскрите. // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. - М., 1997. - С. 54–60.

случаев, постепенное уменьшение продуктивности глагольной префиксации приводит к исчезновению этого способа словообразования глаголов в современных индийских языках (хинди).

Префиксальные неглаголы в зависимости от своего происхождения – отглагольного или отыменного – обнаруживают или не обнаруживают наличие регулярных словообразовательных моделей, а также обладают специфической семантикой при соединении преверба и именной основы. Собственно именные префиксы характеризуются постоянным кругом значений, что дает возможность «предсказать» значение производного.

В хинди древняя богатая система префиксов разрушилась, причем произошло это уже в среднеиндийский период развития языка. Санскритские приставки сохраняются у имен существительных в хинди, но они воспринимаются как самостоятельные словообразовательные форманты в таких словах. Однако в развивающейся области терминологии современного литературного хинди санскритские префиксы используются как деривационное средство при образовании новых слов на базе санскритских корней, основ, префиксов, суффиксов:

uracipān «дополнительные выборы» (присоединяется к не-санскритскому слову)

urapradhānmantri «вице-премьер-министр»

rgārup «проект, схема»

vikiraṇ «радиация»

Отметим, что словообразовательная семантика префиксов по сравнению с древнеиндийским периодом значительно меняется. Большая их часть теряет дифференцированные значения и становится почти непродуктивной (как *adhi-*, *abhi-*, *pari-*), другие же, наоборот, будучи использованными в санскритских новообразованиях, сохраняют свою продуктивность, хотя и с определенными значениями, отличными от тех, которые имелись в санскрите. Имеются в виду, например, такие префиксы, как *antar* «между», *nis* (*nir*) «без», *prati*, *vi* с идентичными санскритскими значениями. Из продуктивных префиксов, употребляющихся практически в той же мере, что и в санскрите, выделим приставку *a-*, которая выражает отсутствие, неналичие. Список продуктивных

санскритских префиксов, функционирующих в хинди, таков:

a-, an-	не-, без-; имена с противоположным значением	adantya – вредный для зубов anatikram – нарушение andekha – невидимый
antar-	между-, внутри-	antahṣetriy – межрайонный antahkāṇ – промежуточный
up-	при-, суб-, вице,	urpau – приведение urpiyat – поставление urmantri – постановление
ni-/nis-/nir/	не-, без-; значение отсутствия	nibhṛt – непоколебимый nimunha – неразговорчивый
prati-	против(о)-, контр-, еже-	pratyamiṭr – недруг, враг pratihinsāvād – реваншизм
vi-	без-, не-; значение, противоположное обозначенному именем-основой	visarjan – оставление vismṛti – забывчивость
sa-, sah-	с; вместе; значение совместности	sakām – желающий sajāṭiyā – родство по происхождению

Во второй таблице представлен набор остальных санскритских приставок, сохранившихся в системе имени языка хинди (и других новоиндийских языков):

ati-	сверх-; значение чрезмерности чего-л; через, сверх-, пере-	atiṣayārthak – интенсивность ativarṣaṇ – ливень
------	--	--

adhi-	значение чрезмерности, главенства, старшинства	adhisankhyā – лишний, избыточный adhivṛddhi – чрезмерный рост
anu-	значение соответствия, следования, совместности; вслед за	anukāmī – поступающий в соответствии с собственным желанием anukalan – приспособление, адаптация
ara-	значение отсутствия того, что названо именем-основой; прочь, плохой	araprasāṅg – низкопробная пропаганда arabhāṣaṅg – ругань
abhi-	наверх, по направлению к; направление действия к объекту; значение официальности	abhilamb – перпендикулярный abhiyogya – подсудный
ava-	значение противоположности тому, что названо именем-основой; указание на отведение, снижение, направление вниз	avtaraṅg-bhūmi – посадочная площадка avajaya – поражение
ā-	значение приближения, направления действия к объекту; при-	ākramaṅg – атака, наступление ākṛṣṭ – привлеченный, притянутый
ud-	направление вверх, наружу, прочь	utkram – подъем udgrāh – поднимание
pari-	кругом, вокруг; выражает интенсивность	parivartaṅgīl – изменчивый pariṣrut – внятный, хорошо слышимый
pra-	значение усиления качества, развития,	pragrah – захват prasāraṅg – пропа-

	движения вперед	ГАНДИСТ
sam-	совместность, интен- сивность; с-, со-	sansthā – учрежде- ние samvās – совмест- ное проживание
su-	хороший	supraṅās – большое старание suveṣ – хорошо одетый
dus-/dur-/duh-	плохой	durgatī – трудное положение durācār – дурное поведение

Отметим, что, будучи непродуктивными, префиксы начинают относиться уже не к словообразовательному, а к лексическому уровню языка.

Помимо санскритских, в хинди довольно широко используются приставки арабского и персидского происхождения. Но это всего два префикса – be- и gair-, которые имеют значение отрицания, отсутствия и могут употребляться как в арабских и персидских словах, так и в иноязычных, например, в соединении с заимствованиями из английского языка или словами собственно хинди:

gairjavābdāī «безответственность»

gairkamūniṣṭ «человек, не состоящий в коммунистической партии»

bejān «безжизненный»

bedhang «беспорядочный, бессистемный»

beniyat «незаконный».

Само по себе аффиксальное словообразование является наиболее распространенным средством создания производных в различных языках. Но из всех аффиксов самый «популярный» – это суффикс. Для имени морфологические способы образования в индоевропейских языках – это суффиксация и словосложение, «сочетание самостоятельных основ»¹⁶⁶. Словосложение может сочетаться с

¹⁶⁶ Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. - М., 2001. - С. 352.

суффиксацией. Суффикс стоит в постпозиции к корню, тесно с ним сливаясь и образуя единое целое. Первоначально суффиксы одинаково обслуживали и существительные, и прилагательные, т. к. те не были дифференцированы. В санскрите именная основа может совпадать с корнем, но обычно образуется от корня путем присоединения суффикса. Унаследованные от общеиндоевропейского, они многочисленны и не представляют собой, как, например, превербы, ранее самостоятельных слов. Но во всех языках постепенно развивается специализация в употреблении суффиксов и значения производных с теми или иными суффиксами. По мысли Т. Барроу, «самым важным различием в именном словообразовании раннего индоевропейского было не различие суффиксов (простых или сложных), а различие в акцентуации, в соответствии с которой слово, образованное при помощи одного и того же суффикса, могло функционировать то как имя действия, то как имя деятеля/прилагательное»¹⁶⁷. Если слово было среднего рода и имело ударение на корне, то оно являлось именем действия; если с ударением на суффиксе – именем деятеля или прилагательным, изначально принадлежавшим к среднему роду. Данная теория именного словообразования Т. Барроу вызвала бурную критику, т. к. оказалась слишком гипотетичной и недостаточно основанной на фактах собственно санскрита, а не, например, хеттского. Но тем не менее, в том индоевропейском языковом типе, который представлен древнеиндийским, древнегреческим и подобными языками, суффиксы могут быть разделены на более архаичные и менее архаичные. В индийской грамматической традиции для классификации суффиксов санскрита пользуются терминами *kṛt* и *taddhita*. Первичные – образованные от корня при помощи суффикса, вторичные – от производных основ.

В санскрите самый простой тип тематической основы – это основа, образованная непосредственно от корня с помощью суффикса –а. В именах действия корень обычно выступает в виде *guṇa*. Это соответствует и данным других родственных языков. Но есть и тип с гласным *ṛddhi* в корне и с ударением на суффиксе (*bhāra* «бремя»), *vāsa* «пребыва-

---

¹⁶⁷ Там же.

ние») или корне (vāra «выбор», māna «мысль, мнение»). Если имя отглагольное и префиксальное, то ударение также может стоять на суффиксе –а (samgrāma «сход, встреча» от sangram; pratiṣṭava «эхо; слово, обещание» от pratiṣṭu и т. д.) . Вообще у отглагольных существительных с суффиксом –а основа обычно не видоизменяется, т. е. представляет собой чистый глагольный корень в средней степени огласовки. Почти все эти существительные многозначны и характеризуются тем, что называют либо действия, либо результаты действий; значения производного часто полностью соотносятся со значениями производящего, причем в той же последовательности, что у глагола; у существительных путем расширения семантического поля слова, его конкретизирования или, наоборот, абстрагирования, развиваются другие, отличные от производящего глагола, значения. Например: kīja «гудение, жужжание, бормотание» от kīj «издавать звуки, кричать»;
dhvamsa «распад; гибель, смерть; исчезновение» от dhvams «распадаться; погибать, умирать»;
kṣera (гласная корня в виде guṛa) «бросок, бросание, швыряние; перенесение, перемещение» от kṣip «бросать, кидать; поднимать, разрушать».

Многозначные существительные, в первых своих значениях идентичные семантике производящего глагола, в последующих значениях развивают конкретизацию, как бы последовательно ее наращивая, в связи с чем начинают не только называть действия или результаты действий, но означать субстанции, сущности и качества. Эти качества имеют своей основой те абстрактные имена действий, которые соотносятся со значением глагола. По поводу индоиранского суффикса –а Л. Г. Герценберг замечает: –а – «суффикс с возрастающей продуктивностью; архаические отглагольные имена сохраняют свойственное корневым именам противопоставление значений: *nomen agentis* в композите (после именного первого компонента) противопоставлено *nomen actionis* в самостоятельном употреблении»¹⁶⁸.

Будучи одним из самых продуктивных в именном словообразовании, суффикс –а образует производные как с

---

¹⁶⁸ Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. - Л., 1972. – С. 222

изменением, так и без изменения корневой гласной не-префиксальных и префиксальных глаголов, исходных имен. Корневая гласная может выступать в виде *guṇa* (*pratidarṣa* «взгляд»; *abhiḡama* «достижение, находка»; *bheda* «раскалывание, разрыв, ломка») и в виде *vṛddhi* (*paritāpa* «жар, тепло» (от *paritapa*); *aracāga* «отсутствие, недостаток» (от *aracag*); *niṣvāsa* «дыхание, вдох» (от *niṣvas*)). Могут встретиться и такие примеры, когда образованное с помощью суффикса –а имя, обозначающее как действие, так и деятеля, имеет три разных корневых гласных: в нулевой ступени, ступени *guṇa* и ступени *vṛddhi*: *gr̥bha* «схватывание, захват»; *grābha* – то же; *graha* «захватчик; захват, грабеж; крокодил».

Часть именных образований с суффиксом –а по классификации Докулила можно отнести к транспозиционному типу словообразовательного значения¹⁶⁹. Однако таким соотношением характеризуются лишь немногие существительные данного способа образования. Отглагольное существительное, например, может обладать несколькими значениями, одно из которых будет относиться к транспозиционному типу, а другое – к мутационному:

pariḡama «знакомство с кем-л.; овладение чем-л.» от *pariḡam* «ходить вокруг, стать причастным к чему-л.»; *avaloka* «наблюдение; поле зрения, кругозор» от *avalok* «смотреть; рассматривать; замечать».

---

¹⁶⁹ Имеется в виду деление словообразовательных значений как модификационное, мутационное и транспозиционное. Суть транспозиционного типа состоит в том, что производное переводится в иную часть речи по сравнению с производящим, значение же остается неизменным, т. е. меняется лишь частеречная принадлежность производного по сравнению с производящим (как рус. петь – пение). *Модификационный* – это наличие какого-либо видоизменения (модификации) значения производящего слова, т. е. значение производного содержит в себе какой-либо дополнительный признак по сравнению со значением производящего. *Мутационный* тип словообразовательного значения не обозначает модификацию, но включает в себя нечто иное, означает субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом. (Подробнее об этом см.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. - М., 2001. - 256

Суффикс образования имен $-ā$ сразу дает нам указание на то, что производное имя существительное или прилагательное относится к женскому роду (но есть и имена мужского рода, как у образований с суффиксом $-ī$). Этот суффикс характеризует образование имен действия у существительных, а также производство от существительных прилагательных. Отметим, что для образования форм женского рода прилагательных в санскрите чаще используется суффикс $-a$, в то время как при аналогичной задаче у существительных – суффикс $-ī$. Производя имена женского рода у прилагательных, этот суффикс более не оказывается нагруженным семантически. У существительных же, помимо образования женского рода (от соответствующих существительных мужского рода с суффиксом $-a$), суффикс $-ā$ выступает и самостоятельно, как, например, в таких словах: *bhidā* «разрыв»; *trārā* «стыд, смущение»; *anukampā* «сострадание»; *urekṣā* «несоблюдение, пренебрежение». Существительные могут обладать и абстрактным, и конкретным значениями. Добавим, что Т. Барроу выделял суффикс $-ā$ в таких образованиях, как *jarāṇā* «старость», *karāṇā* «гусеница», считая его составной частью позднее образовавшегося сложного суффикса. Мы будем рассматривать такие примеры в составе образований с суффиксом $-aṇā$ ($-anā$), а не $-aṇ$ ($-an$) + $ā$, так же как отдельно от производных на $-a$ рассматриваются имена с суффиксом $-ā$ вне зависимости от того, являются ли они «самостоятельными» или производными образованиями женского рода. Отметим, что отглагольные существительные с суффиксом $-ā$ чаще всего обладают значениями чувства, состояния, которые имеют место в определенный период времени, а не длительного процесса, аналогичного значению глагола как действия, реализующегося в краткий или длительный период времени.

Наличие у имен с суффиксом $-ā$ конкретных и абстрактных значений свидетельствует о пути эволюции и широком употреблении данных именных производных. Так как можно говорить о том, что способность к абстрагированию от конкретных значений являет собой более высокую степень развития человеческой личности, то и возможность и умение переносить абстрактные явления и действия в окружающий человека мир и повседневный быт, не отрывая их в то же

время от понятийной базы, несущей основную смысловую нагрузку, есть признак дальнейшего усовершенствования и развития взгляда человека на окружающий его мир со стороны, способность увидеть в конкретном, временном метафизическое, вневременное.

Следующий суффикс – *-ana* и его вариант с церебральным *ṇ* (*-aṇa*) наиболее продуктивен в именах действия. Не станем возводить, как делает Т. Барроу, основываясь на данных хеттского языка, первоначальную функцию этого суффикса к образованию прилагательных. Но помимо имен существительных действия, *-ana* действительно обнаруживается в прилагательных, например: *sādhana* «приводящий к цели, ведущий» наряду со значением «доведение до конца, выполнение» и *sādha* «исполнение, выполнение» (от глагола *sādh* «достигать; осуществлять намерение»); *pratāraṇa* «горящий» наряду с *pratāraṇa* «нагревание, раскаливание» и *pratāra* «жар» (от глагола *pratara* «гореть, сгорать») и другие.

В санскрите бесприставочные отглагольные имена со словообразующим суффиксом *-(a)na* – среднего рода. Глагольный корень, от которого образуется существительное, часто не изменяется и обычно представлен средней ступенью огласовки. В санскрите, как мы уже говорили, этот словообразовательный суффикс очень продуктивен. Значения, которые получают производные, – это абстрактные имена действия, а также имена действия, обозначающие какое-то свойство либо успешное совершение. То же у префиксальных существительных. Присоединение этого аффикса к глагольному корню может сопровождаться различными изменениями в самом корне или на стыке корня и суффикса производного слова. Производные могут обладать, помимо абстрактного, конкретным значением, быть названиями материальных сущностей или обозначать направленное в определенную сторону движение. Типы словообразовательных значений – транспозиционный, мутационный. Многие существительные с *-ana* имеют синонимичные по семантике образования мужского и женского родов с другими суффиксами.

Что касается суффикса *-anā*, то Т. Барроу считает, что это суффикс *-ā*, который присоединяется к основам на

–n, в частности распространяет основы женского рода на –n (как kaṇṇanā «девушка», yoṣanā «женщина»). При этом он же (Барроу) называет –n суффиксом. И в индийской грамматической традиции этот аффикс представлен как –an + a. Мы же будем считать –anā единым суффиксом, а не историческим соединением –n/-ṅ + –ā. Если производные с конечным «a» кратким принадлежат к среднему роду, то –ā относит существительные к женскому роду. Например:

сущ. ж. р.	значение	производящий глагол	сущ. ср. р.	значение
gaṇanā	счет, перечисление чего-л.	gaṇ считать, подсчитывать; складывать, суммировать	gaṇana	счет, перечисление
garhaṇā	упрек, порицание	garh обвинять, порицать; упрекать	garhana	упрек, порицание
granthanā	связывание, переплетение	granth быть связанным; быть составленным, сочиненным	granthana	связь, соединение

Но могут быть случаи соответствия не со средним, а с мужским родом, как, например, jaraṇā «старость» – jar «стареть, дряхлеть; слабеть» – jara «старость, изношенность».

Таким образом, данный суффикс можно рассматривать в производных двух вариантов:

- 1) как отыменное образование с суффиксом –an;
- 2) как отглагольное или отыменное образование с суффиксом –anā/-aṇā.

Примеры:

maṇanā «внимание, уважение»; māṇanā – то же; от māna «мнение, взгляд; почет, уважение» и maṇ «думать, считать, полагать».

vaṇṇā «описание, изложение; рисование»; vaṇṇa – то же; vaṇ «покрывало, оболочка; цвет».

Лишь отдельные компоненты значения глагола могут быть связаны с существительным; по-видимому, изначальная семантическая связь производящего и производного частично утрачена, она уступила место тем значениям, которые развились позднее. А процесс такой замены мы можем проследить на примере имен с другими суффиксами, где только первые, самые употребительные значения могут соответствовать глагольным или именным (в зависимости от качества производящего – глагола или имени), в то время как остальные находятся во все более и более отдаленных отношениях как со значениями глагола, так и с основными значениями имени.

Один из распространенных первоначально отыменных суффиксов – суффикс –(а)ка. Характеризует как существительные, так и прилагательные. У существительных он образует имена деятеля мужского рода (prārthaka «проситель; поклонник» от prarth «требовать, просить; жаждать»; sanrakṣaka «опекун, хранитель» от sanrakṣ «оберегать, охранять; спасать, избавлять»). Корневой гласный выступает в разных видах – guṇa, vṛddhi. При образовании женского рода –(а)ка может меняться на –ikā, как в приводимом А. А. Зализняком¹⁷⁰ примере rāsikā «повариха» от rāsaka «повар». –(а)ка характеризует не только существительные – имена деятеля, но и прилагательные, которые получают значения «соотносящийся с тем, что обозначено именем».

У производных с суффиксом –as выделяются следующие значения: 1) протекание глагольного действия; 2) результат действия; 3) орудие, средство; 4) проявление свойства; 5) части тела; 6) имена деятеля¹⁷¹. Отметим, что существительные с этим суффиксом образуются от непрефик-

---

¹⁷⁰ Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита. // Приложение к Санскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной. - М., 1996. - С. 918.

¹⁷¹ Об этом см. также: Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. - Л., 1972.

сальных глаголов. Они интересны и как слова, значения которых отошли от значений производящих и развили свои собственные, отличные от глагольных и находящиеся на разных уровнях абстрагирования по отношению к объективной действительности. Такие существительные могут обозначать протекание глагольного действия либо его результат, а также проявление свойства. Относятся к среднему роду: *patas* «поклон, поклонение; почтение, благоговение» (от *pat* «кланяться, приветствовать»); *ṭamas* «мрак, темнота, тьма; заблуждение, ошибка» (от *ṭam* «задышаться, останавливаться, столбенеть; утомляться; томиться, тосковать») и другие.

Наличием суффикса *-as* характеризуются и прилагательные, основу которых мы можем вычленивать по сопоставлению с однокоренными производными с другими словообразующими суффиксами. Сравните: *vimahas* «великолепный; очень веселый» и *vimahant* «очень большой».

Этот древний и употребительный в санскрите суффикс мог присоединяться к основе с помощью других суффиксов – *-ṅ*, *-ṇ*, в результате чего производные образования приобретали вид *-nas/-ṅas*, а также образовывал сложные суффиксы *-tas*, *-vas*, *-sas*.

Суффикс *-ī* характеризует производные имена, у глагольных существительных – имена действия с абстрактным либо конкретным значением, принадлежащие к мужскому или женскому родам. Например:

citī «понимание; ум, ду, душа, мысль» (от *cit* «постигать, понимать; знать»),

ghaṣī «питание, пища» (от *ghas* «есть, питаться»),

chardī «тошнота, рвота» (от *chard* «извергать (пищу, лаву)»).

У имен действия, прилагательных, основы которых заканчиваются на *-ṅ* или *-ṇ*, суффикс *-ī* – продуктивный словообразовательный формант. Имена действия – с интенсивным значением, нередко с удвоением (Герценберг); обозначение отношения к чему-л. (*sārathī* «возница»); имена действия с конкретным значением:

sthiti «состояние, пребывание, положение»,

puṣṭī «преуспевание, процветание»,

kīṭī «возносящий хвалу; поэт, певец».

К суффиксам имен деятеля относится и *-ti* (вариант – с церебральным *ṭ*), характеризующий образования женского рода. От первичных глаголов – это производные имена действия:

darṣṭi «зрение» (от *darṣ* «видеть, смотреть»),
gurṭi «защита, охрана» (от *gur* «защищать, хранить, беречь»),
dīṛṭi «излучение, блеск, сияние» (от *dīṛ* «сиять, сверкать»),
suṭi «падение, отклонение; неудача» (от *су* «падать с, уходить; лишаться»). Префиксальные глаголы также дают образования с суффиксом *-ti* (*-ṭi*), обозначающие действия либо результаты действия по глаголу. Могут быть и однозначными, и многозначными. Корни представляют разные ступени огласовки – слабую, среднюю, сильную.

Суффикс *-ti* может служить для образования отыменных производных или употребляться с производящим-причастием:

haviṣṭi «приготовление жертвоприношения» (от *haviṣkar* «подготавливающий жертвоприношение»),
samunnati «подъем, высота» (*samunnata* «поднятый, высокий»),
gāti «благо, милость, дар» (от *rat* (*pp* от *rā*) «данный; подаренный, пожалованный»),
prāsiti «сеть, пути» (от *prasita* (*pp* от *prasi*) «связанный, привязанный»).

Образования с суффиксами *(-i)ta* и *(-i)tā*. Имена действия на *-ta* – среднего рода. Они часто называют те действия, которые исходят от живого существа (обладающего разумом и свободной волей). Могут обозначать какое-то абстрактное свойство, явление; также имена деятеля (соответственно, только мужского рода). Образование существительных со значением абстрактного качества от прилагательных (и существительных). Образования на *(-i)tā* часто имеют свои параллели в производных от того же глагольного корня с другими суффиксами:

kūjita «гудение, жужжание» (от *kūj* «издавать звуки, кричать»),
śintita «мысль, намерение; забота, хлопоты» (от *śint* «думать, размышлять; заботиться о»).

Как образованный от основ на *-t* + тематический гласный (наряду с суффиксами *-ta*, *-ti*, *-tu*), суффикс *-tā*

преимущественно обнаруживается в существительных, образованных от абстрактных прилагательных и глаголов. Отглагольные производные обозначают явления или имена действия женского рода. Часто отглагольные существительные на -ṭa имеют параллели от того же глагольного корня с другими суффиксами и иным значением:

tuāgīta «щедрость» // tuājan «оставление» // tuāg «оставление, покидание; изгнание» // tuajas «отпрыск» (от tuaj «оставлять, покидать; отказываться»).

Суффикс -ṭu, использующийся для образования инфинитивов в ведийском и санскрите, встречается и у существительных со значением абстрактных имен действия, имен деятеля и имен места. -ṭva – именной суффикс среднего рода – используется для образования абстрактных существительных и относит значение производного к транспозиционному словообразовательному типу. Индоиранский суффикс -ṭra, встречающийся реже, чем остальные, может характеризовать прилагательные и существительные; производные в таких случаях имеют абстрактное значение, значение орудия, называют предмет, живое существо, могут быть отглагольными именами действия. При образовании терминов родства и имен деятеля в санскрите употребителен суффикс -ṭar (-itar). Присоединяясь к корню в ступени guṇa, он придает не только значение деятеля, аналогичное выражаемому русским суффиксом -тель, но и значение, близкое к причастному (русские суффиксы -ущ, -ющ, -ящ). Суффикс -(a)ra используется в санскрите для образования существительных, отглагольных и отсубстантивных, часто с абстрактным значением, и прилагательных:

Samara «прибыль»; dhartara «поддержка»; gambhara «глубина»; manthara «медлительный, вялый; глупый»; girga «загрязнение, осквернение».

При образовании имен деятеля в санскрите употребителен также суффикс -ṭan, дающий производные всех трех родов. Корень производящего – в ступени guṇa. Обозначая иногда качество или имея более конкретные значения, суффикс -ṭan, являющийся продуктивным во многих индоевропейских языках, изначально был суффиксом отглагольных имен с абстрактными значениями (т. е. имен действия), постепенно приобретавшим способность выражать

значения более конкретные (может быть и суффиксом имен деятеля). Отнесение к словообразовательному типу на –man таких единиц, как dharman, brahman, как предлагает в своей работе Т. Барроу, нам кажется не совсем оправданным, так как эти образования скорее характеризуются наличием другого словообразовательного суффикса – –an, хотя в принципе все подобные суффиксы (-man, –an, –van, –vant, –mant) можно отнести к группе образований с суффиксом на –n. Итак, –an – суффикс имен деятеля и имен действия, отглагольных существительных с абстрактным значением, прилагательных, –van, –vant и –mant характеризуют адъективные образования: vyadhvan «находящийся на пути, бродящий»; nihśīman «неограниченный; безграничный, безмерный»; dṛdhadhanvan «владеющий тугим луком»; jasvan «жалкий, убогий»; yuvan «скалистая местность, степь».

Суффиксы –mant и –vant являются синонимичными и часто оба наличествуют у одного и того же прилагательного. Сюда же можно отнести суффиксы прилагательного –in и –van. Производящие – существительные; суффикс –vant также может присоединяться к основе причастия на –ta. Для образования прилагательных от существительных в санскрите использовались и такие суффиксы, как –ya, –īya и –yā. Производные с ними использовались как синонимичные суффиксам отглагольных существительных –ana, –a со значением имени действия, протекания глагольного действия. Отметим, что в случаях образования производных с –ya, –īya, а также –ika (например, vaivāhika) корень может иметь вид vṛddhi. Адъективные суффиксы –ika (упомянутый ранее), –aka, –ka также образуют прилагательные от существительных (+ имена деятеля).

Часто образования с суффиксом –aka синонимичны суффиксальным производным с –a, как например: jagāka и jagā «бодрствование»; sāka и sā «шпион, лазутчик».

Заметим, что имена действия мужского рода на –ika могут образовывать и существительные (также имена деятеля) женского рода, которые, соответственно, будут иметь форму –ikā.

Словообразовательный суффикс –u мог использоваться для образования как существительных, так и прилага-

тельных. Кроме того, производные со значением, тождественным –у-образованиям, находим мы и у производных с суффиксальным –ū, как в примерах rapu и rapū «восхищение, удивление» (от rap «быть удивительным, восхищать»). Как отмечает Т. Барроу, –у был очень продуктивен в сочетаниях с –u (-tṇu, –snu) при образовании прилагательных (такие случаи, как dartṇu «разбивающий»). Назовем остальные суффиксы, использующиеся в санскрите для образования имени: –māya (vahnimāya «огненный»), –mas (candramas «лунный, относящийся к луне»), –tha (caratha «движущийся»), –is, –us (dhanus «лук, дуга»), –ṇu, –āṅs (для образования прилагательных со значением направления; изначально этот элемент являлся корневым, затем стал играть роль суффикса), нулевой суффикс (производное равно производящей основе).

Древнеиндийский, опираясь на богатейшую культурную традицию, выработал и широко развил в своей системе синонимию. Это наложило отпечаток и на обилие суффиксальных словообразовательных формантов, задействованных в процессе деривации в древнеиндийском. Обладая способностью выражать одни и те же значения, именные суффиксы часто являются и, наоборот, средством дифференциации значений однокорневых лексем. Это наблюдается у образований, производных от наиболее употребительных корней. Имеются в виду такие случаи, как¹⁷²: janī «женщина, жена, супруга»; janitar «родитель, отец»; janitā «супружество»; janitra «место рождения, происхождение»; janitī «рождение, жизнь»; janatā «человечество, люди»; jana «человек, лицо; род»; janaka «родитель, отец; рождающий»; janapa «зарождающий; рождение, возникновение»; janitva «супружество»; janiman «рождение; происхождение, появление»; janivant, janimant «женатый»; janī «женщина»; janus «рождение, возникновение, воспроизведение; жизнь, творение»; jantu «творение, создание; живое существо; родственник»; janman «рождение, появление; род, поколение»; janua «произведенный на свет, рожденный; тело; община, племя»; janua «подруга, родственница».

---

¹⁷² Данные примеры приводятся по Санскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной. - М., 1996.

Такова примерная картина существующих в санскрите суффиксов. Как видим, число их достаточно велико, и не менее велика функциональная и семантическая нагрузка, которую они несут. Хинди также характеризуется широко развитой системой суффиксов. Причем это верно не только в смысле их количества и употребительности, но и отношений между ними. Мы имеем в виду высокоразвитую суффиксальную синонимию, которая связана, с одной стороны, с тем, что хинди унаследовал многие санскритские суффиксы, и с другой стороны, с тем, что пополнение словообразовательных средств новоиндийских языков происходит из источников разного происхождения: санскритского, собственно хинди, персидского и арабского. Таким образом, для выражения одного и того же понятия может использоваться целый набор словообразовательных суффиксальных формантов. Некоторые суффиксы, так же как и префиксы, не осознаются носителями языка как «активно существующие», а слова, в которые они входят, воспринимаются как производные.

Весь набор имеющихся в хинди суффиксов можно разделить на две большие группы, классифицирующиеся по происхождению формантов: санскритские суффиксы и суффиксы тадбхава и заимствованные из других языков. Кроме того, внутри суффиксов выделяются т. н. слова-суффиксы (по определению А. С. Бархударова), т. е. то, что в санскрите представляло собой полнозначные самостоятельные слова, а в хинди закрепилось в качестве производных суффиксов. Словообразовательная система хинди характеризуется тем, что продуктивные санскритские суффиксы могут образовывать «цепочечные» соединения, т. е. представлять собой сложные составные суффиксы, использующиеся в целях деривации. К сожалению, объем данной статьи не позволяет более детально и полно рассмотреть особенности суффиксального образования в хинди, а потому, придерживаясь заявленной проблемы, представим в таблице сохранность санскритских именных суффиксов в хинди, соотнеся их с суффиксами, выделенными на собственно санскритском материале.

Сохранность санскритских именных суффиксов в хинди

Суффиксы сан-	Суффиксы хинди	«+» наличие сдвигов
---------------	----------------	---------------------

скрита		В ЗНАЧЕНИИ «(→) НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ СДВИГИ
-a	-a	+
-ā	-ā	+
-ī	-ī	+
-ana/-aṇa	-an	–
-anā	-anā	+
-as		
-i		
-ti/-ṭi	-ti	–
-ita/-itā	-tā	+
-tu		
-tva	-tva	+
-tra	-tra	+
-tar/-itar	-tar	–
-(a)ra		
-man, -mān	-man, -mān	–
-van, -vant, -mant	-van, -ant	–
-ya, -īya, -yā	-īya, -gya	+
-ika, -īka, -aka, -ka	-ak, -ika, -ik	+

Именно на основе детального исследования аффиксального словообразования санскрита и хинди мы можем построить анализ такого явления в современных индийских языках как санскритизация и результата санскритизации – появления новосанскритских образований.

Неосанскритизмы – это образования, которые строятся на базе санскритских корней, префиксов, суффиксов, основ, но представляют собой не свойственные санскриту объединения. Выделение категории неосанскритизмов оправдано на словообразовательном, структурном уровне, в то время как семантически однозначно идентифицировать их нельзя. Новые образования могут обозначать и старые, и новые понятия и реалии. Являясь новыми структурными образованиями, основанными на санскрите и отсутствующими в нем, неосанскритизмы представляют собой неотъемлемую часть новоиндийской системы современного санскрита. Данные образования относятся к лексике «татсама».

Будучи составленными из заимствованных санскритских элементов, неосанскритизмы преобразуют их, превращая в словообразовательные элементы современных индийских языков. Далее эти элементы продолжают развиваться, гармонично вписываясь и становясь частью синхронической системы современного языка, в то же время представляя собой результат развития системы диахронической.

Очень часто новосанскритские образования в своей новой форме передают и новое содержание. Однако обязательным это требование не является – в отличие от требования наличия структурных преобразований. Неосанскритизмы могут разделяться на новые слова с имеющимися в санскрите значениями (*antarrāshtrīy* «международный», *nirasthīkaraṇ* «разоружение») и новые слова с новыми же значениями (*janvādī gaṇṭājya* «демократическая республика», *astitvavād* «экзистенциализм», *audyogīkaraṇ* «индустриализация», *sarvasattāvād* «тоталитаризм»).

К средствам, формирующим в современном хинди неосанскритизмы, относятся префиксация, суффиксация и чередование в корне или основе. Таковы, например, неосанскритизмы *samājvād* «социализм», *anuvādī* «переведенный», *udyogratī* «промышленник», *krāntikāī* «революционер», *loktāntrik* «демократический», *rāshtrmandal* «Содружество Наций». Производящими элементами этих слов являются заимствованные санскритские форманты.

Форма новосанскритских образований позволяет нам выделить две группы: т. н. «правильные» и т. н. «неправильные» неосанскритизмы. Основой для выделения этих групп является их способ образования: характерные для «правильного» санскрита изменения на стыке аффиксов и слов (сандхи) могут в неосанскритизмах отсутствовать. Можно привести следующие примеры «неправильных» образований из текстов на хинди: *mahāntā* (вм. *mahattvā*) «величие», *udyogik* (вм. *audyogik*) «промышленный», *uppradhānmantrī* (вм. *uppradhānmantrin*) «заместитель премьер-министра», *rājnītik* (вм. *rājnaitik*) «политический», *videśik* (вм. *vaideśik*) «иностранный», *rāshtrīyakraṇ* (вм. *rāshtrīkaraṇ*) «национализация». «Правильные» образования: *yantrīkaraṇ* «механизация», *prthaktāvādī* «почвенничество», *sahānubhūtisūcak* «выражающий соболезнование, сочувствие», *svatantrī* «не-

зависимость». В текстах одного издания могут встречаться как «правильные», так и «неправильные» формы одних и тех же новосанскритских образований, например: *rājñaitik* и *rājñītik*.

Наиболее употребительны новосанскритские образования в системе терминологии новоиндийских языков. В хинди международные термины с латинским корнем (*socialism, communism, international, colonialism, reactionary*) имеют свой новосанскритский аналог, как то: *samājvād* «социализм», *sāmyavād* «коммунизм», *antarrāshtrīy* «интернациональный», *uraniveshvād* «колониализм», *pratīkriyāvādī* «реакционный».

Группа слов, включающая в себя названия общественного строя, политического учения, литературной школы или направления, философские термины, в разговорной речи именно неосанскритизмы, а не соответствующие им слова с латинским корнем. Высокая степень использования новосанскритских образований видна при исследовании публицистических произведений, посвященных политическим вопросам и проблемам развития страны. Как представляется, это связано именно с той «высокой» функцией санскрита и, соответственно, заимствованных из него корней и аффиксов, о которой говорилось ранее. Использование новосанскритской лексики, в частности в политических текстах, несомненно, является одним из средств привлечения симпатий читателей к точке зрения авторов текста. Некоторые из неосанскритизмов настолько укрепились в языке, что, несмотря на влияние английского языка, их использование не вызывает сомнений: предпочтение отдается новосанскритским образованиям. В данном случае речь идет, например, о газетных статьях криминальной хроники, молодежной тематики, материалах, посвященных различным городским событиям. Подобные тексты отличаются обилием англоязычной лексики, однако неосанскритизмы оказываются также достаточно популярными.

Повсеместное употребление словосочетаний, составляющие которых имеют различное происхождение, – отличительная черта современных текстов: *antarrāshtrīy kampanī* «международная компания», *embesedar* (*brānd*

prasaṅg) «посол», samājvādī pārtī «социалистическая партия».

Отметим, что при образовании новых санскритских слов используются элементы, которые в санскрите представляли собой самостоятельные, полнозначные слова (например: pati, kartā, dān, pūrṇ, ātma и др.). В хинди же их можно уже отнести к суффиксам, чья роль – быть словообразующим формантом лексических инноваций в современных индийских языках (в частности в хинди). После анализа текстов мы можем определить следующий набор аффиксов, характерных для неосанскритизмов: vād, vādī, vādītā, kartā, kār, kāī, janak, pūrṇ, pūrvak, gat, ātma, tantr, pati, iy, karaṇ, śālī, yukṭ, kṛt, cakṛt, bhūti, sūcak, cāī, ak, tā, śītā, mūlak, kṛti, śīl, tāntrik, vaś, ī, bhūt, dān, dātā, śastr, prati, antar, up, nav.

Отдельную группу представляют новосанскритские словосложения, например такие, как rāshtrsangh «Лига Наций», sanrakṣaṇ-samīti «Совет Безопасности ООН», samvād-dātā-sammelan «пресс-конференция», rāshtrmandal «Содружество наций», udyog-samīkaraṇ «рационализация промышленного производства», sanuyukt-rāshtr-mahāsabhā «ООН» и другие. Они образуются без характерных для санскрита флективных словостяжений.

Образование неосанскритизмов может представлять собой цепочки однокоренных слов с разными суффиксами. Таким образом выделяются неосанскритизмы «второго» и «третьего» словообразовательных уровней, чьими производящими также являются новосанскритские образования. Очень часто это слова с суффиксами vād, vādī, vādītā. Например:

jantrantr – jantantvād – jantantvādī «демократия» – «демократизм» – «демократический; демократ»;

antarrāshtrīy – antarrāshtrīyā – antarrāshtrīyāvād – antarrāshtrīyāvādī «международный» – «интернациональность» – «интернационализм» – «интернационалистский»;

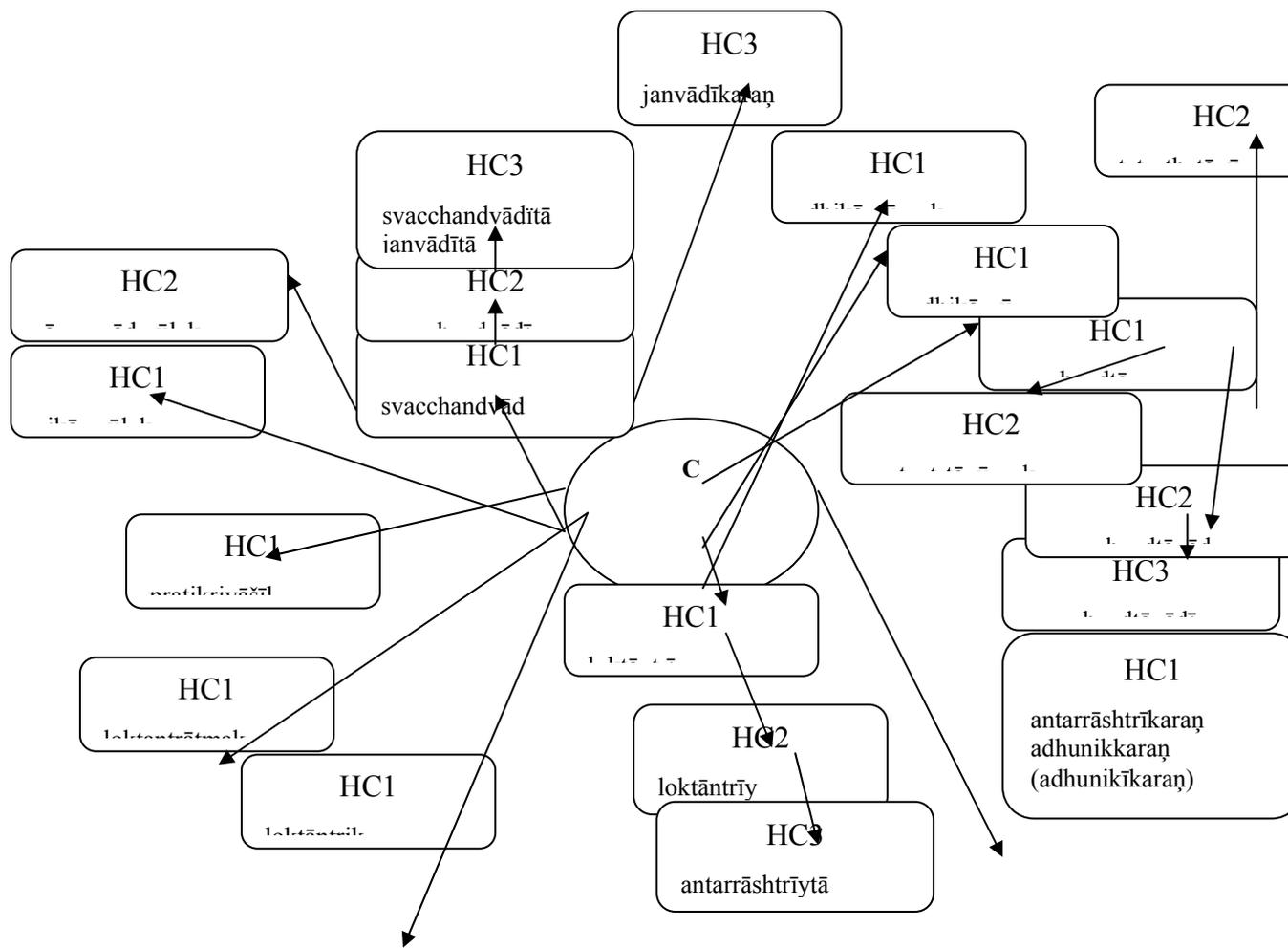
janvād – janvādī – janvādīkaraṇ «демократия; демократизм» – «демократический» – «демократизация».

Однокоренные неосанскритизмы могут представлять собой синонимичные по смыслу производные, но с разными суффиксами. В данном случае можно говорить о си-

нонимичной функции словообразовательных формантов. Например: «демократический» – loktantrātmaḥ, loktantrvādī, loktantī, loktantīy, loktāntrik; «демократия» – janvād, janvādītā; «демократический» – jansattākīy, jansattātmaḥ; «реакционный» – pratikriyāvādī, pratikriyātmaḥ, pratikriyāṣī. Так, типологию суффиксальных возможностей при образовании неосанскритизмов можно представить следующим образом (см. рисунок 1).

Центр схемы – абстракт, санскритская основа (**С**), присоединяясь к которой, санскритские же форманты образуют лексему, чуждую санскриту. **НС1, НС2, НС3** фактически отображают количество присоединенных формантов и, соответственно, удаленность производного от исходной основы. Данная схема позволяет наглядно представить общую систему построения неосанскритизмов на современном этапе развития языка хинди.

В данной статье мы не можем глубже рассмотреть структуру и свойства новосанскритских образований, однако нам важно было упомянуть о них в силу того, что они представляют собой то живое явление современного языка, которое, заимствуя элементы древнего языка, превращает их в непосредственно функционирующие и служащие потребностям нового общества. И это не просто «вторая жизнь», а непрекращающееся развитие и изменение составляющих лингвистической системы, исследование которых и составляет содержание проблемы любого языкового яруса в диахронии.

Литература

1. Барроу Т. Санскрит. – М., 1976. – 412 с.
2. Бархударов А. С. Санскритизация индоарийских языков в лингвистическом аспекте. // Санскрит и древнеиндийская культура. – М., 1979. – С. 32–44.

3. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. – М., 2004. – 300 с.
4. Бескровный В. М. О роли санскрита в развитии новоиндоарийских литературных языков. // Санскрит и древнеиндийская культура. Ч. 1. – М., 1979. – С. 45–61.
5. Богатырева И. И. Префиксация в санскрите. // Вопросы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. – М., 1997. – С. 54–60.
6. Герценберг Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. – Л., 1972.
7. Горнунг Б. В. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры. // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М., 1960. – С. 5–20.
8. Гуру К. Грамматика хинди. В 2-х тт. – М., 2004.
9. Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита. // Приложение к Санскритско-русскому словарю В. А. Кочергиной. – М., 1996. – С. 834–943.
10. Зограф Г. А. О сравнительно-исторической и историко-типологической грамматике индоарийских языков. // Санскрит и древнеиндийская культура. – М., 1979.
11. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. – М., 1996.
12. Кочергина В. А. Словообразование санскрита. – М., 1990. – С. 11.
13. Кочергина В. А. Словообразование санскритского глагола и принципы его изучения. // Вестник Московского Университета. Сер. XIII. Востоковедение. – М., 1979.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1998.
15. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 2003. – 311 с.
16. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. – М., 2001. – С. 3–407.
17. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. – М., 2001. – 256 с.
18. Чаттерджи С. К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджа-

ратском обществе родного языка (Ахмедабад). – М.,
1977.

Юшкевич Ю.Г. О когнитивно- культурологическом исследовании во фразеологии

Вопросы связи языка и культуры в широком смысле слова интересовали исследователей языка издавна. Как отмечается в лингвистической литературе, идея связи языка и культуры относится к XVIIв., а более целенаправленная разработка этой проблемы – к концу прошлого века.

Язык есть социальное явление, которое несет на себе отпечаток материальной и духовной культуры общества, – писали многие русские, советские и зарубежные языковеды.

Для исследований В.Гумбольдта была характерна позиция, приписывающая языку ведущую роль в его отношениях к культуре, народным и национальным особенностям и даже к процессам познания; он отмечал, что отношение человека к предметам "целиком обусловлено языком". В последующий период развития языкознания это положение не нашло своего отражения и дальнейшего развития.

Указания на культурный контекст можно обнаружить уже во второй половине XIX века у Г.Штейнталя, который подчеркивал тесную связь филологии с историческим развитием общества и делал вывод, что филология и есть сама история¹.

В XX веке независимо от концепции В.Гумбольдта в Америке возникает аналогичная проблематика и близкое ее истолкование, где на первое место выдвигается проблема связи языка и культуры. И язык, и культура, в отличие от европейской научной традиции, рассматриваются как компоненты широкой по своим границам науки – антропологии, изучающей разные формы проявления культуры того или иного народа, в том числе и язык. Для этого направления характерна гипотеза о взаимосвязанности культуры и языков и возможности глубокого влияния языка на становление логических и мировоззренческих категорий. Именно это американское направление и получило название этнолингвистики.

---

¹ Steinthal. Philologie, Geschichte und Psychologie in einen gegenseitigen. - Beziehungen, 1864. - S. 28

Русской науке о языке всегда было свойственно внимание к социальной сущности языка. Идея тесной связи языка с действительностью, обществом, цивилизацией присутствует в трудах многих русских филологов.

Выдающийся русский языковед-славист XIX века И.И.Срезневский писал в своей книге "Мысли об истории русского языка": "Народ выражает себя полнее и вернее всего в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может. Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в его языке"².

Язык и мысль, язык и народ, язык и общество неотделимы друг от друга, жизнь общества отражается в языке народа. И далее в развитие своего тезиса И.И.Срезневский пишет: "Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляет систему понятий народа, передают быль о жизни народа ..."³

Язык, будучи общественным явлением, отражает своеобразие конкретно-исторических особенностей развития каждого из народов, их неповторимые социальные и коммуникативные ситуации, а слова являются немymi свидетелями человеческой культуры и истории, "слово всегда представляет собой неповторимую единицу языка, за каждым словом и его историей стоит мир"⁴. Очень эмоциональную характеристику слову дает В. И. Абаев: "Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий"⁵.

Проблема "язык и культура", также как и "язык и общество", не менее актуальна сегодня, в век, когда так интен-

---

² Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. – М. 1887

³ Там же.

⁴ Филин Ф.П. Языкознание описательное и объяснительное. – М., 1982. – С.226

⁵ Абаев В.И. Вопросы языкознания. – М., 1948.

сивно развиваются межнациональные, межкультурные и межгосударственные контакты.

Чтобы достичь более полного взаимопонимания между представителями разных культур, необходима не только высокая степень овладения данным языком, но и глубокое проникновение в различия сопоставляемых культур.

Каждая нация имеет своеобразную действительность и определенную специфику языкового обозначения этой действительности. Эта специфика носит социальный характер. М.П.Алексеев считает, что "чем сильнее различия языков (речь идет о национальном своеобразии языков), тем существеннее задача их выяснения и конечного преодоления в читательском и исследовательском сознании. Вот почему одной из важных задач филологической науки является изучение национального элемента в языке и литературе и особое исследование типичных ошибок в восприятии их иностранцами"⁶.

Национально-культурные различия среды обитания проявляются практически на всех уровнях языка, но особенно ярко на лексическом и фразеологическом.

Фразеологический состав языка достаточно живо реагирует на развитие общества, весьма специфичен в каждую эпоху, в каждой стране и у каждого народа. И в каждом языке можно найти немало устойчивых словесных комплексов, которые прямо или косвенно передают национальные реалии, атрибуты народного быта, обряды и т. п.

Исследование фразеологических единиц языка, характеризующихся национально-специфичным содержанием, возникшим как результат отражения в языке национально-культурного своеобразия, стало возможным в связи со становлением теории лингвострановедения и в связи с тем, что в изучении иностранных языков на первый план вышла коммуникативная ориентация, т.е. человеческий фактор. Для данного направления исследования важны те фразеологические единицы современного немецкого языка, в которых отражается национальное своеобразие всей жизни народа-носителя языка, т.е. прослеживается тесная связь фразеологии с различными сторонами человеческой дея-

---

⁶ Алексеев М.П. Восприятие иноязычных литератур и проблема иноязычия. - М, 1946. - С. 215

тельности, и нередко фразеологизмы, как и слова, подобно археологическим находкам открывают удивительные страницы прошлого (а иногда и настоящего) в жизни народа⁷.

Фразеология, которая, по словам Л. И. Ройзензона, является наиболее самобытным, сложным явлением из всех творений языкового гения человека⁸, в большей степени по сравнению с другими пластами лексики отражает своеобразие мировидения через призму языка и национальной культуры, поскольку единицы фразеологии являются знаками не первичной номинации, т. е. прямого называния объектов, а вторично номинируют действительность, переосмысливая ее.

Во фразеологии больше всего находит отражение своеобразие быта и жизни того или иного народа, именно она "конденсирует весь сложный комплекс культуры и психологии данного народа"⁹.

Многими лингвистами подчеркивается то обстоятельство, что большой пласт фразеологии в каждом языке возникает именно на национальной основе. "Ибо нет сомнения в том, – пишет А.И.Молотков, – что в образовании фразеологических единиц играют роль не только внутрilingвистические (собственно языковые) факторы, но и внешнелингвистические (относящиеся к области истории народа, говорящего на данном языке), т.е. во фразеологии языка запечатлен богатый исторический опыт народа, его материальная и духовная культура; отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, верованиями, с самыми разнообразными сторонами общественной жизни людей"¹⁰. Поэтому рассмотрение фразеологических единиц с точки зрения национально-культурной специфики позволяет углубить и расширить семантический аспект фразеологического состава любого языка.

---

⁷ Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии. – М., 1990.

⁸ Ройзензон Л. И. Русская фразеология: Учебное пособие. – М, 1977. – С. 116

⁹ Ройзензон Л. И. Русская фразеология: Учебное пособие. – М, 1977. – С. 116

¹⁰ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – М, 1977. – С. 251-252

Фразеологический состав языка является своеобразным барометром, отражающим изменения в обществе, происходящие в результате его развития, специфику и характерные черты определенной эпохи, страны или народа. Поэтому в любом языке можно найти большое количество устойчивых комплексов, которые так или иначе передают национальные реалии, народные традиции и обычаи, отражают факторы его исторического развития.

Тем самым появилась возможность посмотреть на фразеологизмы как на маленькие "фотографии" жизни народа-носителя языка, и исследование фразеологизмов в данном аспекте позволяет вплотную подойти к вопросу о содержательном потенциале фразеологических единиц.

Практически в каждом фразеологизме заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры. Еще в работах В. В. Виноградова подчеркивался тот факт, что фразеологический материал обладает не только лингвистической ценностью, но и общекультурной значимостью¹¹.

В. В. Виноградов дал яркие примеры, подтверждающие важность и правомерность исторических справок и сопоставлений в области фразеологии.

О важности изучения фразеологического богатства каждого языка с точки зрения его национального колорита говорит Х. Касарес. Он сравнивает фразеологию с таинственным миром, исследование которого является срочной, настоящей и неотложной задачей, поскольку слова могут ждаться, "они прикреплены к текстам подобно бабочкам, убитым парами камфоры и насаженными на булавки, а вот исследование модизмов не терпит отлагательств, потому что каждое вступающее в мир поколение менее чувствительно, чем предыдущее, к волнам прошлого, которое быстро удаляется и становится эфемерным"¹².

В. Н. Телия не только указывает на большое значение исследования фразеологизмов в плане их соотношения с культурой и жизнью того или иного народа, но и выделяет

---

¹¹ Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины.

¹² Х.Касарес. Введение в современную лексикографию. - М, 1972.

три круга вопросов, наиболее важных при изучении фразеологии в данном контексте¹³. Первый из них связан с выявлением в ФЕ различных типов экстралингвистических факторов, соотносимых с предметной областью культуры, а также с определением тех внутриязыковых средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества.

Второй круг вопросов касается уточнения корреспонденции и различий в методах и результатах изучения и описания культурной семантики фразеологизмов, осуществляемых в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений в исследовании взаимодействия двух разных предметных областей языка и культуры. Третий круг вопросов охватывает проблемы, связанные с установлением общей методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы изучения единиц фразеологического состава языка, которые, выступая в роли воспроизводимых из поколения в поколение знаков, участвуют в передаче ментальности народа-носителя языка¹⁴.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам»¹⁵. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации. Благодаря тому, что понятия, выражаемые словами-символами, получают особое содержание, свойственное часто лишь данному языку (отсюда непереводаемость многих выражений), язык

---

¹³ Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. - М.,1999.

¹⁴ Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. - М.,1999.

¹⁵ Буслаев Ф.И. Метафоризация и ее роль в создании языковой карты мира. - М, 1999. - С. 13

создает, исходя из своеобразия духовного склада, миропонимание, присущее лишь носителям данного языка¹⁶.

На примере фразеологических единиц можно проследить процесс видоизменения концептов от одного национально-культурного сообщества к другому. Фразеологизмы используются для сохранения национально-культурного наследия человеческого общества и передачи эмоциональной оценки.

Лингвострановедческий анализ фразеологических единиц немыслим без увязки с историей страны, её природно-географическими особенностями, историей культуры, традиционного быта и т.д.

Национально-культурное содержание фразеологии во многом специфично для каждого языка, и существует только один путь его освоения – по возможности более широкое ознакомление с культурой данного народа-носителя языка, с реалиями его жизни и быта.

Например, Логан П. Смит, сопоставляя фразеологию английского языка с фразеологией испанского языка, отмечает, что в английском языке особенно многочисленны идиомы, связанные с морем, а в разговорный английский язык вошло множество фразеологических выражений, связанных с охотой, дорогой, скачками и т.п., в то время как испанский язык богат идиомами и метафорами, связанными с католической церковью, её обрядами и символами¹⁷. В итальянском языке широкое распространение получили фразеологизмы церковного происхождения, поскольку церковь всегда играла важную роль в жизни народа.

Немецкий язык имеет богатую фразеологию. Логан П.Смит считает, например, что "немецкий язык, по видимому, более других европейских языков богат поэтическими и образными выражениями фольклорного происхождения"¹⁸.

Чтобы добраться до внутренней сущности фразеологизмов, нужно обладать знаниями о жизни немцев. Исследователи считают, что в немецком языке наибольшее количество фразеологических единиц дала эпоха средневекового

---

¹⁶ Бах А. История немецкого языка. – М, 2003.

¹⁷ Логан П. Смит. Фразеология английского языка. - М, 1959.

¹⁸ Логан П. Фразеология английского языка. - М, 1959.

рыцарства, турниры, жизнь горожан в средние века, жизнь и труд крестьян; в более позднее время – военное дело. Во многих фразеологических единицах находят отражение особенности природно-географической условий жизни; типичные обитатели флоры и фауны, фразеологизмы, раскрывающие некоторые подробности жизни народа, его быта, обычаи, исторические события, названия денежных единиц относятся к реалиям страны изучаемого языка.

Описание фразеологии языка народа на фоне культуры страны: разнообразных сторон материально-культурной и общественно-экономической жизни, ее истории, народных традиций и т.п., – раскрывает картину языка, показывает взаимосвязь языка с жизнью народа.

Фразеологизмы современного немецкого языка знакомят нас с целым рядом личностей, хорошо известных в своё время в Германии, включают в свой состав названия городов, земель, стран, т.е. географические понятия, и могут быть связаны с определенными историческими событиями.

Фразеологические единицы, рожденные в живой народной речи, отражают многовековой трудовой опыт народа, его моральные, эстетические и другие взгляды. И хотя понятия и ситуации, лежащие в основе отдельных фразеологизмов у разных европейских народов имеют много общего, так как основаны на определенной общности быта, природных условий, животного мира, процессах, связанных с основными проявлениями жизненных функций и чувств человека, "но у каждого народа свой союз с природой"¹⁹.

Географическое положение Германии, особенности климата, почв, ведения сельского хозяйства нашли свое отражение в целом ряде фразеологических единиц, образность которых, определенная окружающим предметным миром, фоновыми знаниями, уходит корнями в историю народа, в историю его образа жизни. Географический фактор играет в человеческой истории значительную роль. Первое, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он живет и вершит свою историю. "Лес, горы, пустыня, вечная мерзлота или джунгли, климат, животный мир и расти-

---

¹⁹ Лихачев Д.С. Литература, реальность, литература. - Л., «Советский писатель», 1981. - С. 21

тельность – все это предопределяет труд и род труда человека"²⁰.

В каждом языке в основе многих фразеологических единиц лежат слова, обозначающие названия окружающего человека мира растений, животных, птиц, явлений природы и т.д. Эти фразеологизмы могут многое рассказать о типичных представителях флоры и фауны в той или иной стране. Но в то же время, в каждой стране есть свои национальные особенности растительного и животного мира, а также ландшафта, которые находят свое отражение как в лексике языка²¹, так и в устойчивых словосочетаниях, "этих эллиптических формулах, которые были отчеканены и оставлены в наследство потомкам"²².

"Пейзаж страны – это такой же элемент национальной культуры, как и все прочее. Он выражение души народа", – пишет академик Д.С. Лихачев. Так, например, в Англии природа создавалась не столько земледелием, сколько овцеводством. Поэтому в ней так мало кустов, но такие хорошие газоны.

А в России «широкое пространство» всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках)²³.

Наиболее распространенным типом растительности в европейских странах были всегда леса. До распашки земель и развития земледелия территория Германии была покрыта в большей своей части лесами, от которых в настоящее время уцелели только отдельные. К концу XIV в. в лесах Германии преобладали широколиственные породы: бук (Buche), дуб (Eiche), граб (Heinbuche), клён (Ahorn), липа (Linde), яблоня (Apfelbaum), груша (Birkenbaum), грецкий орех (Nussbaum) и т.д.

И нет среди этих пород таких типичных для русской природы деревьев как калина, рябина, черемуха, береза, ель, сосна, осина, ива, о которых К.Бальмонт пишет в стихотворении "Славянское древо".

---

²⁰ Гачев Г.Д. О национальных картинах мира. - М, 1961. - С.79

²¹ Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. - М, 1981.

²² Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.

²³ Лихачев Д.С. Литература, реальность, литература. - Л., «Советский писатель», 1981. - С. 21

Лес играл большую роль в жизни немецких крестьян. Он был источником корма для сельского населения, давал топливо и являлся естественным пастбищем для стад свиней. Может быть, поэтому старинная немецкая пословица гласит:

Wo der Wald stirbt, stirbt das Volk – букв. «где умирает лес, там умирает народ». В том, что вырастить лес – это дело не одного года, говорит другая пословица: *die den Wald säen, ernten ihn nicht* – букв. «кто сажает лес, тот не пожинает его плоды». Буковые леса покрывали раньше Северо-Германскую низменность в холмистой полосе побережья Балтийского моря. "Буковые леса имеют наибольшее значение среди других лиственных лесов для нашей области", почитание священных рощ имело первостепенное значение в религии древних германцев; главным священным деревом у них, согласно Гримму, был дуб²⁴.

Образ дуба (*Eiche*) – образ силы, могущества и гордости – послужил основой для ряда фразеологизмов, например:

fest wie eine Eiche – прочный как дуб;

stark wie eine Eiche – крепкий как дуб;

'Die Loni, die Loni Fink von der Anlaufstelle an der Grenze, treu wie Gold

und stark wie Eiche "stellt der Stummel das Mädels vor.

(Wolf Pr. Zwei an der Grenze, 61).

Следует обратить внимание на то, что образ "крепкий, сильный как дуб" употребляется носителями языка и по отношению к женщине.

Oh, du dicke Eiche – (разг.) возглас удивления;

das ist eine große Eiche – (разг.) колоссальное дело;

das fällt Eichen – (разг.) это потрясающе;

Pilze wachsen schneller als Eichen – букв. «грибы растут быстрее, чем дубы». Пословица употребляется, когда хотят подчеркнуть, что большое дело требует длительного времени.

Viele Streiche fällen die Eiche ср. в русском языке: капля по капле и камень долбит (букв. «множество ударов и дуб свалит»).

Хорошо известна народная примета, которая является правилом поведения для человека во время грозы: *Buchen sollst*

---

²⁴ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. - М, 1980. - С. 165

du suchen, aber Eichen sollst du weichen – букв. «Ищи бук, но избегай дуба (во время грозы)».

Еще одна народная примета связана с буком и дубом:

Viele Eichen und Buchnüsse lassen strengen Winter erwarten – «если родится много желудей и буковых орешков, то следует ждать суровой зимы». У русских есть примета: много рябины – к морозной зиме.

Гербы целого ряда городов (Teltow, Woldegk, Niemeck, Bernau, Aschersleben и др.) имеют в своем орнаменте дубовые ветви с желудями. Дуб в гербе города имел еще и другое значение: право горожан на порубки леса, право свободного выпаса свиней (например, в городе Ораниенбург)²⁵. Дубовые листья всегда были одним из элементов военной символики в Германии, например: "Рыцарский крест с дубовыми листьями"; дубовые листья в орнаменте, украшающем кокарды на фуражках военнослужащих.

Названия орехов, как грецких, так и лесных, играют значительную роль в становлении фразеологических единиц немецкого языка, что, как можно предположить, объясняется распространенностью орехового дерева в Германии и как следствие этого – ролью ореха в быту немцев .

Общеизвестно, что лесные орехи в качестве подарка на Рождество и Новый год считаются у немцев знаком любви. Но, с другой стороны, лесной орех, его размер ассоциируется с чем-то маленьким, незначительным, ничтожным, причем пейоративную оценку содержит также прилагательное:

eine hohle (taube) Nuss – 1)пустяк, безделица; 2) пустой человек (букв. «пустой орех»).

«Einem Liebhaber, der den Vater zu Hilfe ruft, traue ich erlauben Sie – keine hohle Haselnuss zu» (Schiller. Kabale und liebe, 1,2).

eine harte Nuss für jmdn. sein ugs. – «представлять из себя крепкий орешек, трудную задачу для кого-л.»

eine harte Nuss zu knacken haben – «стоять перед трудной задачей».

---

²⁵ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. - М, 1978. - С.164

Зеленая ветка издревле считалась у немцев символом удачи, процветания, роста. Видимо, поэтому невеста в день свадьбы надевает зеленый венок, а свадьба называется *die grüne Hochzeit* (букв. «зеленая свадьба»).

Wie dem auch sei, es leben die grüne Hochzeit und die Hochzeiter, denen wir wünschen, dass sie sich dereinst im silbernen Haar noch genauso mögen wie am ersten Tag. (BZ,21/22.III. 1985).

Девушки говорят о своей любви, обрывая зеленые листочки ветки, и приговаривают при этом: *Von Herzen, mit Schmerzen, über alle Massen.*

В сказке братьев Гримм "Die drei grünen Zweige" "зеленая ветка" выступает символом новой жизни. Роман писательницы М.Брунс носит также символическое название "Der grüne Zweig". Хорошо известен фразеологизм *auf keinen grünen Zweig (Ast) kommen* – «не добиться удачи, успеха; не преуспеть (если речь идет об экономическом успехе, о материальном благополучии)».

В развитии сельского хозяйства Германии особое место занимали мелкие товарные хозяйства, выращивавшие на продажу преимущественно огородные, садовые и технические культуры. В XIV-XVI вв. в Германии отмечается рост огородничества и садоводства. Главными огородными культурами были лук, чеснок, капуста, свекла, морковь и хмель. Из фруктов – виноград, яблоки, орехи, вишня, груши, слива. Однако, в северных районах Германии, менее благоприятных в климатическом отношении, кроме капусты и лука ничего не могло успешно выращиваться²⁶.

Капуста была долгое время ведущей огородной культурой (до появления картофеля) и играла важную роль в быту немцев. Пользу капусты люди подметили очень давно. Эта особенность быта нашла свое отражение в языке.

В современном немецком языке есть большая группа ФЕ со стержневым компонентом *Kohl*, например: *aufgewärmter Kohl* – разг. пренебрежит. «старая история; старая песня» (букв. «подогретая капуста»);

---

²⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. - М., «Наука», 1973. - С.365

das macht den Kohl nicht fett – разг. фам. «это не спасает положения, от этого мало толку» (букв. «это не делает капусту более жирной»);

einen Kohl bauen – разг. ирон. «отойти от дел, скромно жить в уединении» (букв. «разводить капусту»);

Unser Kohl schmeckt wohl. – (букв. «наша капуста очень вкусная») «всяк кулик свое болото хвалит»;

Jeder Gärtner lobt seinen Kohl (букв. «каждый садовник хвалит свою капусту»).

Народная примета гласит: *guter Kohl, schlechtes Heu* – букв. «хорошая капуста, плохое сено». Смысл приметы становится понятным, если иметь в виду, что для хорошего урожая капусты нужны дожди, но в то же время частые дожди пагубны для заготовки сена. Эта примета подкрепляется сохранившейся в языке пословицей:

Je mehr Kohl, je weniger Heu, diese Regel ist nicht neu – букв. «чем больше капусты, тем меньше сена, это правило не новое».

Квашеная капуста издревле считалась у немцев целебным средством. По поверью тот, кто ест кислую капусту на Новый год, будет весь год здоровым. Когда хотят пожелать кому-нибудь счастья, говорят *Leb wohl, iss Kohl* (букв. «живи хорошо, ешь капусту»). Даже скоту в рождественскую ночь дают зеленую капусту²⁷.

Значение полевой фасоли было так велико в средние века, что она нередко называется исследователями "средневековым картофелем". Крестьяне на опыте научились ценить замечательные растения – горох, фасоль и чечевицу, дававшие корм для скота, пищу людям и удобрение почве. Растение фасоли вьется вокруг высокой подпорки, и это послужило основанием для сравнения *dürr, lang wie eine Bohnenstange* (разг. «длинный (тощий) как жердь»).

Сухие побеги фасоли дают очень твердую и прочную солому:

grob wie Bohnenstroh – фам. «очень грубый; грубый как извозчик»;

dumm wie Bohnenstroh – фам. «глуп как пробка; дурак дураком»;

---

²⁷ Жизнь животных. Т. 6.

für alte Schuld nimm Bohnenstroh – ср. русск. «С паршивой овцы хоть шерсти клок» (букв. «за старый долг возьми пучок соломы»);
er hat Bohnen gegessen, er hat Bohnen in den Ohren – «он не хочет слушать; он не слышит» (букв. «он наелся фасоли; у него фасолинки в ушах»).

На солдатском жаргоне с XVIII в. пули называются *blaue Bohnen* (ассоциация по цвету и форме с пулями для кремневого ружья *Flinte*).

Weisst du vielleicht einen Zauberspruch gegen Bombensplitter und blaue Bohnen? Ich weiss keinen.

(M.W.Schulz. *Wir sind nicht Staub im Wind...*, 53).

Маленький размер фасоли лег в основу словосочетаний *nicht die Bohne, keine Bohne*, употребляемых как усиление при отрицании в значении "нисколько", "ничуть", "ни капельки".

"Aber das ist Klimbim. Glasschmuck für Neger. Darum brauchen Sie sich nicht die Bohne zu kümmern".

(Weiskopf. *Abschied vom Frieden*).

Происхождение многих фразеологизмов связано с особенностями повадок, поведения диких и домашних животных, птиц, насекомых.

С именами многих животных в разных странах связаны более или менее сходные образы или символы. Лиса обычно является символом хитрости, змея – коварства, лев – силы и великодушия, осел – глупости, упрямства и т.д.

Особенности поведения животного порождают одинаковые исходные образные идеи и определяют близкие формы вербального выражения у разноязычных народов. Символика животных зависит от особых присущих им качеств и свойств, от той роли, которую они играют в жизни человека.

Названия одних и тех же животных в разных языках, употребленные по отношению к человеку, подразумевают нередко совершенно различные качества, характеризуют людей по-разному, иногда даже по прямо противоположным признакам. Но с другой стороны, значительную роль в образовании фразеологических единиц с названиями животных играет факт распространенности того или иного жи-

вотного, домашнего или дикого, его значение в жизни народа-носителя языка.

Издревле на территории Германии обитало большое количество зайцев. И диких кроликов. Западная и Средняя Европа считалась местом обитания европейского дикого кролика²⁸.

"Помимо туристов Кёльн наводнен автомобилями и .. зайцами"...

«Зайцев значительно меньше, чем автомобилей, но больше, чем нужно для нормального города, имеющего зоопарк. Преимущественно они обитают в городском лесу. Но не все. Наиболее предприимчивые добираются до самого центра»²⁹.

Заяц является любимым героем в немецких сказках и баснях. Он получил прозвище *Meister Lampe* – Лампе, Заяц, Косой .

Кролики бегут очень быстро, так что поймать взрослого кролика трудно даже опытным собакам. Зайцы стараются спутать следы, делая громадные скачки в стороны и назад. На этом наблюдении заячьих повадок основываются прототипы фразеологизмов:

wissen, wie der Hase läuft – разг. фам. «знать толк (разбираться) в деле; знать, как взяться за дело» (букв. «знать, как бегают заяц»); .

sehen, wie der Hase läuft разг. – фам. «смотреть, как идет дела, в каком направлении развиваются события»;

Doch zu dieser Zeit legte er auf solche Beförderung schon keinen Wert mehr.

Er sah deutlich, wohin der Hase lief ...

(*B. Engelmann. Meine Freunde-die Manager, 151*).

Фразеологизм **ein alter Hase (старый)** следует рассматривать в значении «опытный работник; мастер своего дела; отличный специалист» (букв. «старый (взрослый) заяц»). В ФЕ с ключевым словом **Hase** подчеркивается опытность человека в профессиональном отношении, отличное владение профессией; с ним связываются положительные коннотации. Это значение немецкого фразеологизма "опытный

---

²⁸ Бобров В.А. Штрихи к портрету // Мысль. Т6. - С. 144-145

²⁹ Там же.

человек в профессиональном отношении" подтверждается многочисленными контекстами употребления ФЕ:

*Eines der Erlebnisse aus dem vergangenen Jahr, die mir lebhaft im Gedächtnis geblieben sind: Im Kabelwerk Oberspree arbeitete der 56 jährige Technologe Dieter Kroll an einem Personal-Computer – **ein alter Hase** in der mechanischen Werkstatt dieses Srosebetriebes.*(BZ. 3/4. I. 1907).

Таким образом, в современном немецком языке фразеологизм с ключевым словом *Hase* связывается не с понятием "трусливый", "трусишка", а подчеркивает опытность, умелость взрослого зайца в отличие от молодого зайца. Понятие "трусишка" передается в немецком языке сочетанием *Hans Hasenfuss*.

Для русских заяц – символ трусости. О трусливом, робком человеке мы говорим "заячья душа", "труслив как заяц", "дрожит как заяц". В немецком языке в фразеологизме выделяются совсем другие стороны «заячьего» характера. Таким образом, на примере этих фразеологизмов мы видим, что культурная символика часто не совпадает в русском и немецком языке.

Народная примета *mir ist ein Hase über den Weg gelaufen* – «мне сегодня не везет, меня преследует неудача» (букв. «мне заяц дорогу перебежал»). По народному поверью заяц, встретившийся утром, якобы, приносит несчастье. Суеверие очень сильно, и сегодня охотник может повернуть назад, если ему с утра заяц "перебежит" дорогу. Это суеверие не является узко национальным. Еще у древних греков появление зайца перед путником предвещало несчастье в дороге; в русских деревнях заяц на дороге считается дурным предзнаменованием.

В фразеологии современного немецкого языка насчитывается немало фразеологизмов с компонентом *Schwein*:

Например: *j-n hat Schwein* – разг. фам. «кому-л. везет, улыбается счастье (и не всегда заслуженно)». ФЕ восходит к временам рыцарских турниров, состязаний стрелков и различных других состязаний. Последним выигрышем (призом) на этих состязаниях был поросенок. Его получал самый плохой стрелок в качестве утешительного приза, т.е. он был обязан этим призом не столько своему мастерству, сколько

случаю. Сомнительный характер такого выигрыша подчеркивает то обстоятельство, что его старались унести домой, пряча от других³⁰.

das nenne ich Schwein. – разг. фам. «вот это удача!, вот повезло!, ют счастье!»; *armes Schwein* – разг. фам. «несчастный, бедолага».

Er sagte "Guten Morgen.", und es fiel Enttäuschung wie Schatten über sein Gesicht. "Guten Morgen" sagte ich und dachte: armes Schwein. (H.BÖll. 37).

Грубый оттенок появляется у фразеологизмов в следующих случаях, хотя это не всегда обусловлено отрицательными коннотациями компонента "свинья":

bluten (schwitzen) wie ein Schwein – груб. «исходить кровью»;

besoffen wie ein Schwein – груб. «пьяный в дым»;

wir haben nicht zusammen Schweine gehütet – разг. груб. «Что мы, вместе свиней пасли?» (ответ и фамильярное обращение).

Die Mollie konterte: "Und "du" schon gar nicht. Wir haben noch keine Schweine zusammen gehütet".

(Br. Apitz. *Der Regenbogen*, 289).

bei j-m zeigt sich sein der innere Schweinehund – «проявляется грубый дерзкий характер»;

im Schweinsgallop – разг. «в спешке; поспешно; наскоро».

Общеизвестны следующие параллели из жизни животного мира:

emsig (fleissig) wie eine Biene – трудолюбивый как пчела;

wie ein Pferd arbeiten – работать как лошадь;

störrisch wie ein Esel – упрямый как осел;

schlafen wie ein Murmeltier – спать как сурок;

schwätzen wie eine Elster – трещать как сорока;

flink wie ein Eichhörnchen – проворный как белка;

hungrig sein wie ein Wolf – быть голодным как волк;

müde sein wie ein Hund – устать как собака.

Значительное количество компаративных фразеологизмов, возникающих на основе обобщения определенных свойств тех или иных представителей животного мира, отли-

---

³⁰ Borchardt-Wustmann-Schoppe - S.447

чается от соответствующих единиц русского языка. Для характеристики одних и тех же состояний, черт характера, признаков и т.п. используются образы разных животных. Особенно ярко ощущается своеобразие и специфика образности в каждом языке при выражении единой семантики, например:

sich wie ein Aal winden «извиваться ужом»; *arbeiten wie ein Dachs* «работать как вол»; *schwarz wie der Rabe* «грязный как поросенок»; *flink wie ein Wiesel* «проворный как белка»; *wie eine Schnecke schleichen* «ползти как черепаха»; *gesund wie ein Bar* «здоров как бык»; *davon versteht er wie der Esel vom Flötenblasen*; *soviel verstehen wie die Kuh vom Sonntag/Brezelbacken* «он разбирается в этом как свинья в апельсинах»; *neugierig wie eine Ziege* «любопытный как сорока».

Итак, в разных языках складываются свои, специфические образы растительного и животного мира. Образы берутся из окружающей данный народ действительности, а значения фразеологических единиц и их коннотации развиваются на основании укоренившихся в данном языковом коллективе традиций. У каждого народа рождается свой образ, обусловленный национальным своеобразием условий жизни, своеобразием образного мышления.

Образное мышление у разных народов не адекватно, одни и те же образные основы могут в разных языках индуцировать совершенно различные точки зрения своей семантики и экспрессивно-эмоциональные свойства фразеологизмов, так как сами понятия, стоящие за этими образами, получают разную культурно-историческую коннотацию³¹.

Наиболее полную картину жизни крестьян, сельского населения, работы, их отношения к труду дают многочисленные пословицы и фразеологизмы.

У ремесленного труда в Германии очень давние традиции, поэтому не удивительно, что сравнительно большое количество фразеологических единиц связано с темой "ремесло". Начиная с XII в. идет интенсивное развитие ремесел в Германии, и в средние века ремесла достигают необык-

---

³¹ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - М, 1977. - С. 251-252

новенного расцвета. Мастера одной профессии начинают объединяться в городах в ремесленные цехи (*Zunft*). Цеховая организация труда принуждает к вступлению в тот или иной цех всех представителей определенного ремесла. Об этой форме организации ремесленного труда напоминают сегодня фразеологизмы с компонентом *Zunft*.

zur Zunft gehören – разг. шутл. «быть представителем определенной группы лиц (какой-л. профессии и т.п.)»;

j-d ist von der Zunft – кто-л. специалист (мастер) (какого-л. дела);

j-d ist nicht von der Zunft – кто-л. не разбирается в этом (деле), это не по его специальности (букв. «кто-либо не из этого цеха»);

die ganze Zunft – разг. шутл. «вся братия»;

eine saubere Zunft – ну и компания!

Роль ремесла, значение ремесла в жизни людей отражается в известной пословице *Handwerk hat goldenen Boden* «С ремеслом не пропадешь» (букв. «у ремесла золотое дно»).

bei j-m in die Lehre gehen – пойти учиться к кому-л., пойти на выучку к кому-л.; поступить учеником к кому-л.

Ich bin in eine Lehre gegangen, Grosshandel.

(Max von der Grün. Menschen in Deutschland (BRD), 76

Годы обучения были очень тяжелыми для ученика. Об этом напоминает хорошо известная пословица «*Lehrjahre sind keine Herrenjahre*», которая говорит о необходимости беспрекословного подчинения ученика мастеру и безропотного выполнения всех его приказаний.

Ремесленный цех осуществлял строгий надзор за работой своих мастеров, за соблюдением устава цеха. Тому, кто нарушил устав, цех мог запретить заниматься ремеслом на время или навсегда. Это называлось "*das Handwerk legen*" (раньше также *niederlegen*)³². Запрещалось заниматься ремеслом в данной местности или городском районе тому, кто не принадлежал к определенному цеху. Это называлось «*dem Meister ins Handwerk pfuschen*».

Об этих строгих правилах напоминают фразеологизмы, которые в современном языке употребляются в переносно-обобщенном значении:

---

³² Röhrich. Bd.I. - S.306

i-m ins Handwerk pfuschen – разг. «мешать, портить дело (кому-л.), вмешиваться в чье-л. дело» (букв. «плохо выполнять ремесло»).

Родители должны были платить мастеру за обучение своего сына или дочери: *das Lehrgeld (be)zahlen (geben)*. Со временем это словосочетание получило обобщенно-переносное значение:

das Lehrgeld (be)zahlen (geben) – перен. разг. «научиться на горьком опыте, на ошибках; дорого заплатить за науку»;

auf die Walze gehen – разг. «отправляться в странствование». ФЕ восходит к средневековому немецкому обычаю, принятому в среде подмастерьев, отправляться странствовать по стране.

Средние века (XII – нач. XVвв.) характеризовались усилением политической раздробленности Германии. Создание территориальных княжеств отрицательно сказывалось на положении крестьянства, которое платило высокие налоги как своему сеньору, так и территориальному князю. Но с развитием товарно-денежных отношений, развитием ремесла крестьяне убегают от непосильного крепостнического гнета в города. В течение всего Средневековья непрерывно продолжается бегство крепостных в города. Об этом процессе нам напоминает пословица

Stadtluft macht frei (букв. «городской воздух делает свободным»). Крестьянин, прожив год и один день в городе, считался вольным³³.

Фразеологизм *Butter auf dem Kopfe haben* (юж.-нем.) – «совесть нечиста (у кого-л.)» – находит свое объяснение также в крестьянском укладе жизни.

Крестьянки имели обыкновение носить на рынок масло на продажу в корзине на голове. Так возникла пословица *Wer Butter auf dem Kopf hat, soll nicht in die Sonne gehen*, усеченная форма которой стала употребляться самостоятельно.

Выражение *fechten gehen* – уст. «ходить по миру» (букв. «ходить фехтовать») восходит к средним векам, когда отставные ландскнехты и цеховые подмастерья ходили по

---

³³ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. - М, 1978. - С.164

деревням и показывая свое фехтовальное искусство, зарабатывали себе на пропитание.

На сельских дорогах занимались грабежом разорившиеся мелкие и средние феодалы, дворяне-рыцари. Об этом говорит пословица

Leiten und Rauben ist keine Schande, es tun die Edelsten im Lande – букв. «езда верхом и грабеж – не позор, этим занимаются самые благородные в стране». Не исключено, что это также было связано с бродяжничеством в Германии.

В XIV – XVI вв. было очень употребительно выражение *sich vom Stegreif nähren* – жить разбоем на больших дорогах (букв. «кормиться, не вынимая ноги из стремени, не сходя с коня»).

Во фразеологическом составе современного немецкого языка, как и в других языках, есть группа фразеологизмов, которые обязаны своим происхождением старинным обычаям, поверьям, приметам, т.е. восходят к далекому прошлому, эти единицы знакомят нас с очень отдаленным прошлым в жизни народа-носителя языка. И хотя многие обычаи и поверья не сохранились, лингвострановедческие объяснения подобных фразеологизмов представляются возможными, хотя, может быть, и не во всех случаях, так как эти обычаи либо отражены в письменных памятниках, либо они сохранились в памяти народа до настоящего времени³⁴.

Исчезнув из повседневной жизни, они продолжают жить во фразеологических единицах языка. Некоторые обычаи уже давно не существуют, но они послужили источниками для возникновения ряда устойчивых сочетаний и продолжают жить в этих языковых образованиях.

j-n auf den Schild (er)heben – сделать кого-л. вождем, предводителем; поставить кого-л. во главе чего-л. Фразеологизм подчеркивает неподготовленность, спонтанность чьих-либо действий. Такое понимание значения выражения соответствует прототипу фразеологизма, который восходит к обычаю древних германцев поднимать вновь избранного вождя на щит, чтобы все могли его видеть, и проносить его трижды в кругу собравшихся. Но как свидетельствуют немецкие лингвисты, сам фразеологизм возник поздней, в

---

³⁴ Назарян А. Г. Идиоматические выражения французского языка. - М, 1976. - С.273

эпоху гуманизма, когда этот обычай стал известен благодаря произведениям древних писателей.

Süll ich vielleicht den Kommunisten Thälmajm aus den Schild heben?

(A.Kühn. Meine Mutter. – 1907, 234).

den Stab über j-n brechen – вынести приговор кому-либо (букв. «разломить над кем-л. Палку»), осуждать кого-л.

Восходит к древнегерманскому судебному процессу: приговоренному к смерти перед казнью еще торжественно раз зачитывался приговор, и судья, разломив деревянную палку на три части, бросал их к ногам осужденного: *Nun hilf dir, Gott, ich kann dir nicht mehr helfen.*

Символ разламывания не означал первоначально ничего другого, кроме окончания неприятной процедуры: суд окончен, преступник осужден. А вот употребление ФЕ в переносном значении сравнительно молодое. Оно фиксируется впервые в XVIII веке. Популяризации этого фразеологизма содействовали Шиллер и Гёте:

die Folgen werden ihm angelastet, über ihn hat man den Stab gebrochen

(W.Steinberg. Pferdewechsel, 428).

Фразеологизм *sich die (ersten) Sporen verdienen* (добиться первых успехов, первого признания на каком-либо поприще в начале своей карьеры) напоминает о средневековом обычае посвящения в рыцари: "Прежде всего юноше надевали шпоры, и один из старейших рыцарей перепоясывал его мечом – самым почётным оружием"³⁵. Это должно было свидетельствовать о его принадлежности к новому, рыцарскому сословию.

Ещё у Ф.Шиллера мы встречаем употребление выражения в прямом значении:

Ich habe den schnellen Einfall, nach Brabant zu gehen, um bloss um meine Sporen zu verdienen. [Don Garlos, II.8.]. Так как носить золотые шпоры могли по праву только представители рыцарского сословия.

Многие обычаи раскрывают бытовые особенности жизни немцев:

---

³⁵ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. - М, 1978. - С.164

bei j-m (tief) in der Kreide stellen – 1. (сильно) задолжать кому-л., быть должным кому-л.; 2. (перен.) быть в долгу перед кем-л. Фразеологизм напоминает об обычае владельцев небольших ресторанчиков, пивных записывать мелом на специальной доске, сколько тот или иной посетитель выпил за вечер кружек пива и вина. Этот обычай лег в основу фразеологизма.

Die Firma geriet bei Banken und Lieferanten immer tiefer in die Kreide.

B.Engelmann. Meine Freunde-die Manager, 28-29.

mit doppelter Kreide (an)schreiben – обсчитывать (записывать сумму долга выше фактического (букв. «записывать двойным мелом»). Владельцы лавочек и магазинчиков также записывали, если они давали продукты в кредит, в долг.

Alfred Baums Laden kam in Schwung, die Wirte schrieben wieder an

(G.Fuchs. Stunde Null, 73).

Этот обычай объясняет происхождение фразеологизма *bei j-m etwas anschreiben lassen* (брать в долг что-л. у кого-л.).

den (einen) Kuppelpeiz verdienen – разг. презр. «со сватать парочку» (букв. «заработать себе шубу сводничеством» (о свахе)). Восходит к старинному обычаю, по которому свахе после свадьбы дарили шубу или мех на воротник.

bei j-m ins Fettnäpfchen treten – разг. шутл. «обидеть кого-либо, нанести обиду кому-л.» (необдуманно, замечаниями, не желая того, ненамеренно, допустив бестактность) (букв. «наступить у кого-л. в горшок с жиром»). Значение и употребление фразеологизма становится понятным, если обратиться к происхождению выражения. Фразеологизм восходит к бытовому обычаю держать в доме между дверью и печью горшок с жиром, которым пришедший смазывал мокрую обувь. Если из-за чьей-либо неловкости котелок опрокидывался, то это вызывало неудовольствие хозяина.

В современном языке фразеологизм употребляется и в субстантивированной форме – *ein Tritt ins Fettnäpfchen* неловкость (бестактность).

"Las macht eigentlich die attraktive Dame aus Narbonne, Freiberg?" "Sie ist meine Frau, Sturmbannführer". "Herzlichen Glückwunsch. Wusste ich wirklich nicht. *Hoppla, das mir fast ein Tritt ins Fettnäpfchen*".

(J.Hofe. Schlussakkord, 91)

Одним из старейших является народный обычай, связанный с 1 апреля. Первое апреля считается у немцев несчастливым днем – по преданию в этот день родился Иуда. Взрослые и дети обманывают друг друга, посылают к купцам и аптекарям с невыполнимыми поручениями, например, купить в аптеке комариный жир и т.д.³⁶

К этому обычаю восходит фразеологизм *i-n in den April schicken* – 1) обмануть кого-л. первого апреля (дав кому-л. невыполнимое поручение); 2) обмануть кого-л., сыграть шутку с кем-либо.

В адрес того, кого удалось провести, обмануть, над кем удалось в этот день подшутить, говорят: April , April! (шутливый возглас).

В русской традиции также есть обычай "первоапрельской шутки", но нет специального фразеологизма.

Некоторые фразеологизмы могут "рассказать" о том, как питался народ в течение столетий, чему отдавалось предпочтение в городе или в деревне, какие кушанья стали традиционными, типично немецкими, названия которых закрепились в устойчивых словосочетаниях.

Как свидетельствует известный исследователь образа жизни и быта немецкого народа Ю.Кукцинский³⁷, главной пищей немцев на протяжении столетий была каша (всех видов), которая пользовалась всеобщей любовью.

Отсюда возникло много устойчивых оборотов.

О молодом человеке, который не очень стремился к самостоятельности, говорилось *er sitzt immer hinter Mutters Muspott*" (он держится за горшок для каши, с кашей), а если кто-либо уходил из дома, чтобы попытать счастья на стороне, то говорилось *er kommt endlich aus dem Muspott*" (он вырос из горшка для каши).

---

³⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. - М., «Наука», 1973. - С.365

³⁷ Кукцинский Ю..

Такая страноведческая информация помогает понять исходную мотивировку фразеологизма *du kommst wohl aus dem Mustopf?* – разг. «ты ничего не знаешь», «совсем глупый» (об ограниченности и невежестве кого-л.) (букв. «ты вылез из горшка для каши?»).

strammer Max – разг. кул. 1) блюдо из сырого свиного фарша, приправленное яйцом, луком и острыми специями; 2) закуска к пиву: хлеб с ветчиной и яичницей сверху; 3) яичница с ветчиной.

Итак, под названием *strammer Max* понимаются разные кушания, но они все сытные и должны придавать силу. Ведь *strammer Max* это богатырь, силач, Геркулес.

Arme Ritter – гренки (вымоченные в молоке и поджаренные ломтики белого хлеба) (букв. «бедные рыцари»); возможно, они напоминают тощих голодных рыцарей в доспехах.

lachen (grinsen, strahlen) wie ein Honigkuchenpferd – разг. шутил. «смеяться, ухмыляться» (букв. «смеяться, сиять как медовый пряник в форме лошади»).

Страсть к пиву и умение превосходно готовить его – характерная черта немцев, и этим они отличались уже с древнейших времен. Можно сказать, что пиво действительно является особым национальным напитком немцев, хотя другие народы тоже пьют пиво.

Следует согласиться с Е.Н. Водовозовой, когда она пишет: "Пиво в такой степени немецкое изобретение, что вся Германия, смело можно сказать, течет этим пенистым напитком янтарного, бледноватого, бурого или молочно-бурого цвета"³⁸. Это обстоятельство придает ФЕ с компонентом *Bier* определение национальное своеобразие. Немцы называют пиво *ein flüssiges Brot* (букв. «жидкий хлеб»).

fluchen wie ein Bierkutscher – разг. «ругаться как извозчик» (букв. «ругаться как пивной возчик»).

Bierkutscher – возчик пивоваренного завода, характерная фигура для Берлина конца XIX века. В это время в нем появляются первые крупные пивоваренные заводы. Готовая продукция развозилась по городу на лошадях, а возчики получили прозвище *Bierkutscher*.

Das ist (nicht) mein Bier – разг. «это (не) мое дело».

---

³⁸ Водовозова Е.Н. 1904. – С.18

Ob unsere rechtzeitig und heil entwischen? *Nicht mein Bier*, auf jeden Fall ist es endgültig aus mit der "grossen Initiative" Westen.

(G.Hofe. Schlussakkord, 453)

wahrem Biereifer – разг. Неодобр. «с тупым рвением» (букв. «с усердием подвыпившего»).

etwas wie sauer Bier ausbieten (anbieten, anpreisen) – фам. «стараться сбыть по дешевке что-л., стараться избавиться от чего-либо».

Приведенные примеры ярко демонстрируют, как некоторые аспекты традиционного образа жизни немцев отразились во фразеологии немецкого языка. Вскрытие исходной мотивировки, "расшифровка" прототипов знакомит нас с деталями повседневной жизни народа-носителя языка, его поведением, его привычками, с культурой чужого быта.

Следует отметить, что возникшие на национальной почве, ФЕ не остаются в неизменном виде. Они живут и развиваются в языке, впитывая в себя изменения, происходящие в окружающем человека мире, приобретают новые оттенки значения.

В настоящее время возникло много новых фразеологизмов, которые свидетельствуют о динамике фразеологического фонда в современную эпоху. Этому способствуют различные факторы, в частности, развитие культуры, техники, информационных технологий, моды, спорта и т.д. Так, например: *Antenne fur etwas haben* «понимать толк в чем-либо»; *Getriebeschaden haben, einen Laufwerkfehler haben, Programmabsturz haben* «сойти с ума»; *heißer Draht* «горячая линия»; *auf lange Welle schalten* «откладывать в долгий ящик»; *in den roten Zahlen sein* «терпеть, нести убытки»; *j-m die gelbe Karte zeigen* «сделать предупреждение кому-либо»; *jmdn aufs Abstellgleis schieben* «отстранить кого-либо от дел» и т.д.

Источниками молодежных фразеологизмов выступает в большинстве случаев литературный язык, например, *so dumm wie zehn Meter Feldweg* «очень глупый», *imfalschen Film sein* «быть на неправильном пути, что либо не понимать», *einen Igel in der Tasche haben* «обанкротиться», *Koffer bauen* «исчезнуть», *nicht gebacken kriegen* «что либо не понимать или быть не в состоянии сделать», *ein Lungenbediirfnis haben* «хотеть

закурить», *Pfeil machen* «быстро исчезнуть», *Phase sein* «случаться происходить» и т.д. А также жаргоны других социальных групп, причем заимствуемые лексические единицы часто подвергаются метафорическому переосмыслению.

Так, например, из жаргона футболистов в молодежный язык пришло выражение *den Ballflach halten* (положение мяча, которое в наибольшей мере способствует тому, чтобы забить мяч в ворота противника), которое в молодежном сленге получило значение «не волноваться»; *einen Fan bekommen/kriegen* «потерять терпение», *die Notbremse ziehen (спорт)* «предотвратить атаку противника», (перен.) «затормозить, (срочно) остановить что-либо» и т.д.

Итак, проведенное исследование позволяет говорить не только о кумулятивной функции фразеологии, т. е. о способности фразеологизмов фиксировать и сохранять информацию о постигнутой действительности, но и об аккумулятивной функции, т. е. об их способности реагировать на все изменения, которые происходят вовне. Как замечает В. Н. Телия, в кумулятивной функции язык является "хранителем информации, накопленной языковым коллективом, который живет в определенной экологической среде, осваивая ее при сменяющихся, но характерных именно для него социальных условиях, для его культурного и гражданского развития и т. д."³⁹

С кумулятивной функцией фразеологии тесно связано понятие, являющееся основным объектом лингвострановедения, а именно – "фоновые знания", т. е. знания, которыми располагают члены определенной этнической и языковой общности.

Роль фонových знаний может быть различной. С одной стороны, это владение моделями поведения в типичных ситуациях, знакомство с обычаями, традициями народа, с другой – владение фонowymi знаниями важно для изучающего иностранный язык, так как они находят отражение в языковых единицах, они необходимы для понимания семантики языковых единиц, их дополнительных значений.

Показателем актуальности в массовом сознании того или иного элемента культуры является его неоднократное

---

³⁹ Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. - М., 1999.

использование в газетных и журнальных публикациях, рассчитанных на широкий круг читателей, в публицистике и особенно в художественной литературе. Это связано с деформацией ФЕ, с созданием комического эффекта.

Например, такие газетные заголовки как *"Meister von morgen üben viel zu bieten"* (Berliner Zeitung), *"Schwarze Weisse Maus sit Charme"* (Berliner Zeitung), *"Der deutsche Michel ist aufgerecht"* (Stern), *"Der kleine Otto – der grosse Moritz"* (Berliner Zeitung), *"Misslungenes Spiel mit dem Schwarzen Peter"* (Berliner Zeitung), *"Der 'alte Fritz' ist auch immer wieder der neue"* (Berliner Zeitung), *"Wandern – nicht nur des Müllers Lust"* (Berliner Zeitung) и т.д. не снабжаются какими-либо разъяснениями и пояснениями, так как считается, что читателю знакомы и фразеологизмы, использованные в заголовках статей (даже в трансформированном виде), и те явления, факты из истории страны, на которых базируются данные единицы, т.е. учитывается страноведческие фоновые знания читателя. Человек, не знающий истории и литературы страны, не уловит широкий подтекст таких заглавий, каждое из которых полно ассоциаций для носителя языка, потому что сразу приходят на ум знакомые с детства факты, строки и т.д.

Каждый немецкий школьник ещё со школьной скамьи знает полководцев Цитена, Гнейзенау, хорошо знает, кто получил прозвище *"der Alte Fritz"* и т.д. и соотносит это с определенными событиями в истории страны. Об этих исторических личностях пишут газеты, о них напоминают и памятники истории. Герою романа В.Кемповского *"Добро пожаловать"* город Кассель напоминает об одном из периодов в истории Германии: «Действительно, город Кассель, столица княжества Гессен, был пунктом встречи рекрутов, проданных Англии немецкими князьями. В языке и сегодня живет фразеологизм, напоминающий об этой эпохе: *ab nach Kassel*. С глаз долой! Катись!» История страны изучаемого языка исключительно важна для формирования фоновых знаний.

Несколько поколений немцев учило в школе наизусть стихотворение Ф.Шиллера *"Песнь о колоколе"*, которое было своеобразным сводом жизненных правил для каждого немца. Т.Манн, подчеркивая, что *"Песнь о колоколе"* есть *"характернейшее явление его (Ф. Шиллера) царственного гения"* и что *"имя Шиллера в Германии и во всем мире всегда связы-*

вали главным образом с этим стихотворением», отмечал, что еще недавно простые люди из народа знали его наизусть, от первого до последнего слова⁴⁰.

Именно поэтому многие строки из стихотворения пользуются и сегодня широкой известностью и употребляются в различных ситуациях: *Arbeit ist des Bürgers Zierde* «Человека красит труд»; *Das Auge des Gesetzes wacht* «Не дремлет закона око»; *Wenn gute Reden die begleiten, dann fließt die Arbeit munter fort* «Ведь одобренный разумным словом, живей и радостнее труд» (часто употребляется в том случае, если во время работы много говорят).

Некоторые фоновые знания могут обладать преходящим характером. Будучи недолговечными, они тем не менее пользуются большой популярностью и характеризуются большой массовостью. Они приобретают характер неотъемлемой части национальной культуры.

Владея немецким языком, мы часто не задумываемся над тем, почему немцы говорят так, а не иначе, "внутренний образ" многих фразеологизмов остается неясным, как бы "зашифрованным", и фразеологизмы плохо запоминаются. Поэтому рассмотрение фразеологии с точки зрения отражения в ней культуры народа делает образность большого пласта фразеологии современного немецкого языка более ясной, рельефной, а, следовательно, и более понятной для усвоения. Реальность образа помогает понять переносное значение выражения.

Таким образом, существует только один путь освоения фоновых знаний носителей языка: по возможности более широкое ознакомление с культурой данного народа, с реалиями его жизни и быта.

Итак, фразеологизмы выступают в роли носителей и источников национально культурной информации. Во фразеологии языка запечатлен богатый исторический опыт народа, его материальная и духовная культура; отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, верованиями, с самыми разнообразными сторонами общественной жизни людей⁴¹. Фразеологизмы широко функ-

---

⁴⁰ G.Hofe. Schlussakkord. -

⁴¹ Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. - 2022, 1977. - С. 251-252

ционируют в разных сферах, особенно в прессе, публицистике, в молодежном языке, художественном и научно-популярном стилях. Поэтому изучение специфики фразеологизмов приобретает сегодня все большую актуальность.

. Литература

1. Steintal. Philologie, Geschichte und Psychologie in einen gegenseitigen Beziehungen. – 1864.
2. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. – 1887.
3. Филин Ф.П. Языкознание описательное и объяснительное. – 1982.
4. Абаев В.И. Вопросы языкознания. – 1948.
5. Алексеев М.П. Восприятие иноязычных литератур и проблема иноязычия. – 1946.
6. Мальцева Д.Г. Национально-культурный аспект фразеологии. – М., 1990.
7. Ройзензон Л. И. Русская фразеология: Учебное пособие. – М, 1977.
8. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – ???, 1977.
9. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины.
10. Касарес. Х. Введение в современную лексикографию. – М, 1972.
11. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
12. Буслаев Ф.И. Метафоризация и ее роль в создании языковой карты мира. – М, 1999.
13. Бах. А. История немецкого языка. – М, 2003.
14. Логан П. Смит. Фразеология английского языка. – М, 1959.
15. Лихачев Д.С. Литература, реальность, литература. – Л., «Советский писатель», 1981.
16. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира. – М, 1961.
17. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке. – М, 1981.
18. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. – М, 1980.
19. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. – М, 1978.

20. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. – М., «Наука», 1973.
21. Жизнь животных. Т. 6.
22. Бобров В.А. Штрихи к портрету. Мысль. Т6.
23. **Borchardt-Wustmann-Schoppe. ??? – ???, ???.**
24. **Röhrich. Bd.I. – ???, ???.**
25. **Назарян А. Г. Идиоматические выражения французского языка. – ???, 1976.**
26. **Кукцинский Ю. ??? – ???, ???.**
27. **Водовозова Е.Н. ??? – ???, 1904.**
28. **Ф.Шиллер. Песнь о колоколе. – ???, ???.**
29. **Т.Манн. ??? – ???, 1961.**
30. **Max von der Grün. Menschen in Deutschland. – ???, 1979.**
31. **A.Kühn. Meine Mutter. – ???, 1972.**
32. **G.Hofe. Schlussakkord. – ???, 1983.**
33. **V. Apritz. Der Regenbogen. – ???, 1982.**
34. **Voll konkret: Hüber Verlag. – ???, 1998.**
35. **Lexikon der Germanistischen Linguistik. – ???, 1995.**

Юченкова А. Равноправие между букмолем и нюнорском – реальность или иллюзия?

«Две вещи волнуют норвежцев: волки и нюнорск. Если бы волк говорил на нюнорске, его бы точно истребили».

Кнут Нэрум
Писатель-сатирик,
ведущий телепередачи «Первый и последний» на канале NRK¹

В 1885 году парламент Норвегии, стортинг, принял указ, согласно которому «правительству предлагалось принять необходимые меры для того, чтобы норвежский народный язык получил те же права как школьный и официальный язык, что и обычный язык письма и книги»². Таким образом было официально закреплено равноправие двух литературных норм норвежского письменного языка: риксмол, в 1929 году получившего название букмол, и ландсмол, переименованного тогда же в нюнорск. С момента издания указа прошло уже более 120 лет, но реальная языковая практика норвежцев ярко показывает, что осуществить решение стортинга оказалось далеко не просто, а языковая ситуация, сложившаяся в современной Норвегии, может по праву считаться уникальной.

В связи с тем, что по Кальмарской унии 1397 года вся Скандинавия была подчинена одному королю, который имел резиденцию в Копенгагене, официальным письменным языком Норвегии стал датский; вплоть до начала 19 века документов и литературы на норвежском языке не существовало. При этом в среде городской элиты постепенно образовались специфические говоры, представлявшие собой смешение норвежской фонетики и синтаксиса и датской лексики и морфологии. Жители деревень говорили на диалектах.

---

¹ цит. по: Øverbotten, Magni. Nynorsk og ulv. //Språknytt. – 2004. - С.34

² цит. по: Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? // Спорное в языкознании. - Л., 1974. - С. 88

В 1814 году уния с Данией была расторгнута, однако еще какое-то время датский язык продолжал использоваться во всех официальных документах страны.

Первым признаком зарождающегося интереса и внимания к собственному национальному языку можно считать строчку в написанной по-датски Конституции 1814 года, в которой указано, что «представления о норвежских государственных делах» должны быть написаны «на норвежском языке»³. Более поздние документы, касавшиеся правовых взаимоотношений Норвегии и Швеции периода унии, также оперировали понятием «норвежский язык».

Однако возникал вопрос о том, что считать норвежским языком. Определенная часть норвежской политической элиты во главе с профессором юстиции Хенриком Стеенбрухом считала, что датский язык периода унии вполне может использоваться в качестве официального языка независимой Норвегии. Свое мнение они аргументировали, приводя данные истории норвежского и датского языков, которые должны были свидетельствовать о том, что официальный язык Норвегии того времени только называется датским, а по существу является результатом естественного и независимого развития норвежского языка.

Против такой точки зрения выступали как датские, так и норвежские ученые и литераторы. В частности, знаменитый норвежский поэт Хенрик Вергеланд писал: «Норвегия не должна больше быть культурной провинцией Дании; если норвежцев заставят потерять уверенность в себе и в будущее их культуры, Норвегия не сможет больше наслаждаться преимуществами политической независимости»⁴.

К тому же в это время в Норвегии получили распространение идеи немецких романтиков о том, что каждая нация представляет собой уникальное культурное сообщество, центральная связующая роль в котором принадлежит языку. Проблема создания собственного литературного языка требовала незамедлительного решения. В связи с этим в Норвегии возникли два направления языкового движения:

---

³ цит. по: Vårt eget språk. Redigert av Egil Børre Johnsen. – Oslo, 2002. – С.64

⁴ цит. по: Haugen, Einar. Language conflict and language planning: The case of modern Norwegian. – Cambridge, 1966. – С.28

первое предлагало дальнейшую норвегизацию существующего датского языка, а второе – создание литературной нормы на основе диалектов.

Идеологическую программу онорвеживания датского языка разработал языковед Кнуд Кнудсен. Его основная идея заключалась в том, что при создании литературной нормы норвежского письменного языка необходимо руководствоваться принципом ортофонии, при котором слова пишутся так, как произносятся. При этом именно речевая практика образованного городского населения, т.е. смешанный датско-норвежский говор, по мнению Кнудсена, должен был стать основой литературной нормы. Позицию Кнудсена поддерживали писатель и поэт, автор гимна Норвегии Бьернстярне Бьернсон и драматург Хенрик Ибсен; они стали использовать предложенную норму в своих произведениях. Постепенно этот вариант литературного языка получил распространение среди городской элиты и стал использоваться при обучении письму в норвежских школах. В 1899 году Бьернстярне Бьернсон, говоря о собственной литературной норме письменного норвежского языка, впервые употребил в своей речи слово «риксмол» (дословно «язык Королевства»), подчеркивая тем самым его общегосударственное значение.

Идею создания норвежского литературного языка на диалектной основе развивал родоначальник норвежской диалектологии Ивар Осен. Его исследования в области норвежских диалектов 1843-1846 годов, результаты которых отражены в книгах «Грамматика норвежского народного языка» (1848) и «Словарь норвежского народного языка» (1850), были первыми систематическими работами по норвежским диалектам. Разработанная им языковая норма была вполне системна и последовательна. Он, также как и Кнудсен, придерживался принципа ортофонии и считал, что произношение слова должно быть определяющим для его написания. Разрабатывая норму, он отдавал предпочтение словам, которые существовали в реальных норвежских диалектах, но отказывался от тех лексем и грамматических форм, которые, хотя и существовали в древненорвежском языке, были утрачены современными диалектами. При этом, как отмечает М.И. Стеблин-Каменский, Осен особо тща-

тельно пытался показать различие между созданной им нормой и риксмоллом, в результате чего «некоторые слова, общераспространенные в норвежских диалектах, не вошли в ландсмол только потому, что они есть и в риксмолле»⁵.

В то же время он пытался выработать универсальную языковую норму, в которой были бы отражены особенности всех существовавших в Норвегии диалектов. Первый вариант такой языковой формы был предложен им в книге «Примеры народного языка в Норвегии» (1853), а окончательный был представлен в «Норвежской грамматике» (1864) и «Словаре норвежского языка» (1873). Созданную на основе диалектов литературную норму Осен называл ландсмоллом.

Само название «ландсмол» может толковаться одновременно и как «язык страны», и как «язык деревни». Эту неоднозначность подчеркивал и сам Ивар Осен, он создавал свой язык на основе только деревенских диалектов, поскольку городские диалекты были слишком подвержены влиянию датского языка и не могли считаться исконно норвежскими. Однако, по его представлению, постепенно новая литературная норма должна была завоевать популярность по всей стране и стать единственной языковой нормой.

Сторонники ландсмолла добились значительных успехов к концу XIX века. Несмотря на отсутствие единой организации, выступавшей за использование этой нормы, существовало множество небольших групп активистов, действовавших по всей стране. В 1877 году начала выходить газета «Fedraheimen» (Родина), также поддерживавшая сторонников ландсмолла. Кроме языковой работы, организации осуществляли политическую деятельность, участвуя в широком спектре организаций левостороннего толка, которые постепенно объединились в партию левых «Venstre».

Именно победа этой партии на выборах в стортинг в 1884 году способствовала тому, что ландсмол стал официальным языком Норвегии и был формально уравнен в правах с риксмоллом. В 1892 году был принят закон, разрешавший использование ландсмолла в школах по выбору администрации, а в 1899 году при университете Осло была открыта кафедра ландсмолла, которую возглавил профессор язы-

---

⁵ Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? // Спорное в языкознании. - Л., 1974. - С.87

кознания Мариус Хэгстад, один из главных идеологов и автор школьной нормы ландсмолла.

В 1929 году был принят закон о педагогических училищах, готовивших преподавателей для средней и старшей школы, согласно которому предмет «норвежский язык» должен был включать в себя обучение обеим литературным нормам. В связи с тем, что в законе необходимо было четко указать, о каких конкретно языковых нормах идет речь, встал вопрос об изменении их официального наименования. Так как в административном языке риксмол зачастую называли «*det almindelige Bogspråk*» («общеупотребительный книжный язык»), было предложено упростить название этой формы до *bokmål*. Как отмечает М.И. Стеблин-Каменский, «в языковой борьбе название – это не адекватное обозначение того, что называется, а демагогическое средство»⁶. Новый вариант названий норм – букмол, дословно «книжный язык», и *nynorsk* – «новонорвежский», – способствовал укреплению позиций ландсмолла, так как нейтрализовал, пусть только на уровне наименования, социальное противопоставление между «риксмоллом» (дословно «язык Королевства») и «ландсмоллом» (дословно «язык деревни»).

Основной линией языковой политики Норвегии XX века было сближение двух литературных норм норвежского письменного языка вплоть до их полного слияния. Для осуществления этой цели правительство провело ряд языковых реформ, которые затрагивали не только орфографию, но и остальные структурные уровни обеих норм – лексику, морфологию, синтаксис. В результате реформ 1907, 1917 и 1938 годов орфография риксмолла претерпела значительные изменения и стала более адекватным отражением реального норвежского произношения. В частности, были введены глухие смычные (p,t, k) вместо звонких (b,d,g) после долгих гласных; согласно новой реформе вменялось писать *are* «обезьяна» (дат. *abe*), *bok* «книга» (дат. *bog*), *kake* «пирог» (дат. *kage*). В области морфологии наиболее важным аспектом стало введение принятых в разговорной речи форм множественного числа существительных с суффиксом – *er* вместо датских форм с суффиксом – *e* (*stoler* «стулья» –

---

⁶ Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? // Спорное в языкознании. - Л., 1974. – С.93

дат. stole), а также форм множественного числа существительных среднего рода с нулевым суффиксом (hus «дома» – дат. huse).

Реформа 1917 года ввела в в риксмол в качестве разрешенных вариантов такие диалектные формы, как определенная форма существительных женского рода с постпозитивным артиклем – a (sola «солнце», kua «корова») наравне с solen, kuен), а также формы претерита и причастия прошедшего времени слабых глаголов первого класса с суффиксом –a (kasta «бросал», våkna «проснулся») наравне с kastet, våknet). В отношении ландсмолла по реформе было разрешено написание более открытых гласных (i – e, e – æ, y – ø) в таких словах, как mellom «между», væga «быть», før «раньше» (ранее millom, vera, fyrr), а также монофтонгов в тех случаях, в которых ранее произносились и писались дифтонги (drøm «сон», host «осень», høre «слушать») (ранее draum, haust, høyra)). Реформа 1938 года сделала эти варианты обязательными. В результате этих реформ в каждой литературной норме норвежского письменного языка образовалось два варианта – умеренный, иногда также называемый традиционным, минимально отличающийся от консервативной нормы, и радикальный, максимально приближенный к другой литературной норме.

Вторая мировая война и ее психологические, социальные и экономические последствия сыграли большую роль для языковой ситуации Норвегии, в частности, в ослаблении позиции нюнорска. К 1941 году 34,1 % учащихся школ Норвегии обучались этой литературной норме в качестве основной, и вплоть до 1944 года отмечался устойчивый рост числа сторонников нюнорска как литературной нормы норвежского языка. К 1961 году это число сократилось до 20, 5%, к 1971 году – до 17%, а к 2005 году – до 14%.

Это произошло по ряду причин. В 1940 году для норвежцев важно было чувствовать и ощущать себя истинными патриотами: норвежский язык был одним из важнейших признаков истинного национального духа. Во время оккупации Норвегии нюнорск использовался редко, так как основными центрами запрещенной прессы были такие крупные города, как Осло и Берген, где традиционно использовался исключительно букмол. Букмол настолько прочно стал ассо-

цироваться с движением сопротивления, что называть его датским или датско-норвежским, как это часто делали сторонники нюнорска в своих пропагандистских выступлениях, стало уже невозможно. Обе нормы стали восприниматься как одинаково национальные. Как писал один из сторонников ландсмолла педагог Юхан Дью, «нельзя ничего добиться, отрицая право ребенка писать «*påboen er dyktig*» («умелый сосед»), если он так говорит, и если это ощущается таким же норвежским, как и фраза «*grannen er dugande*», и является гораздо более естественным для ребенка»⁷. После войны сельское население Норвегии активно устремилось в города, поэтому число сельских школ, где традиционно использовался нюнорск, стало сокращаться.

Кроме того, в лагерь сторонников риксмолла после войны пришли сильные харизматические личности, такие как поэт Арнульф Оверланд, национальный герой Норвегии того времени, прославившийся благодаря поэзии сопротивления, и популярный писатель Сигурд Хуль. Они активно занимались пропагандой своей литературной нормы – риксмолла, под которым они понимали традиционный вариант букмолла. Деятельность организации в поддержку нюнорска в это время была, прежде всего, направлена на то, чтобы максимально сохранить черты своей нормы в общенорвежской литературной норме, в скором образовании которой никто не сомневался. Пропаганде и популяризации нюнорска уделялось гораздо меньше внимания.

К началу 60-х годов правительство разочаровалось в идее радикального изменения языковой ситуации в стране, основной идеей стало сохранение существующей языковой традиции, достижение языковой стабильности в стране. Этой цели были посвящены последние реформы норвежского языка 1981 и 2005 года, которые вернули в обе нормы многие популярные традиционные формы: в букмол, в частности, вернулись такие формы, как *frem* («вперед») (*fram*), *sud* («юг») (*sør*), а в нюнорск – форма личного местоимения множественного числа первого лица – *me* «мы» (*vi*).

De jure букмол и нюнорск являются абсолютно равноправными литературными нормами норвежского письмен-

---

⁷ цит. по: Haugen, Einar. Language conflict and language planning: The case of modern Norwegian. – Cambridge, 1966. – С.169

ного языка, выбор и употребление каждой из которых зависит от носителя языка. Однако в реальной языковой ситуации в Норвегии это равноправие не столь очевидно.

Современные законы Норвегии отвечают на поставленный в заглавии статьи вопрос положительно. Закон «Об использовании языка на государственной службе» гласит, что «букмол и нюнорск являются равноправными литературными нормами и должны использоваться в равной степени во всех органах, подчиняющихся государству, фюльке или коммуне»⁸. Согласно §8 того же закона анкеты, бланки и формуляры, используемые государственными служащими, должны в любое время быть доступны для граждан на обеих языковых нормах. При этом издаваться могут как параллельные варианты, т.е. отдельный бланк для каждой нормы, так и документы на двух страницах, на одной из которых текст написан на букмоле, а на другой – на нюнорске. Согласно § 5 этого закона, администрация коммуны или фюльке может принять решение об использовании той или иной языковой нормы при письменном обращении в общегосударственные органы или объявить свою коммуну или фюльке нейтральной в отношении языка, т.е. не устанавливать конкретной языковой нормы. По статистике из 433 коммун в Норвегии 160 коммуны закрепили в официальных региональных документах в качестве основной языковой нормы букмол, а 115 коммун – нюнорск, в то время как 158 коммун признали себя нейтральными в плане использования языка⁹.

Традиционно коммуны, использующие нюнорск в качестве основной литературной нормы, расположены в западной части Норвегии; в частности, нюнорск является единственной литературной нормой во всех коммунах фюльке Согн-ог-Фьордане и Хордаланд. При этом сторонники нюнорска отмечают, что постепенно увеличивается количество нейтральных в отношении литературной нормы коммун, и происходит это за счет уменьшения количества коммун, в которых принятой литературной нормой является букмол, количество же коммун, в которых в качестве языковой нормы принят нюнорск, остается неизменным. Однако, как показы-

---

⁸ Lov om målbruk i offentlig teneste. - 1980, §1

⁹ Forskrift om målvedtak i kommunar og fylkeskommunar. - 5.01.2005, Nynorsk faktabok 2005.

вает практика, даже те фюльке и коммуны, которые объявляют себя нейтральными, как правило, чаще пользуются букмоллом, чем нюнорском.

В процентном отношении количество населения, проживающего в коммунах, использующих букмолл, значительно превышает количество использующих нюнорск (41,0 % – букмолл, 11,7 % – нюнорск, 47,3% – нейтральные). Подобное несоответствие между процентным соотношением населения и количеством коммун может приводить к конфликтным ситуациям. Так, например, в начале 2005 года Министерство по делам культуры и церкви отказало епископу Агдера и Телемарка (южная и юго-восточная части Норвегии) Олаву Скьевесланду в просьбе признать языковой нормой епископства нюнорск по той причине, что 95% населения региона использует в качестве основной нормы букмолл; в своей просьбе епископ опирался на то, что преобладающее количество коммун трех фюльке епископства (Телемарк, Вести-Ауст-Агдер) постановили считать официальной нормой нюнорск (14 коммун, использующих нюнорск, против 11, использующих букмолл)¹⁰.

В отношении документов, издаваемых общегосударственными органами власти (докладов, отчетов, каталогов, инструкций, брошюр и т.д.), установлена обязательная квота – минимум 25% всего объема официальных материалов должен быть написан на дополнительной норме. Специально подчеркивается, что если документ предназначен для широкого круга населения и будет действовать продолжительное время, а также если он содержит важную информацию для определенной группы населения, например, касается школьного образования или пенсионного обеспечения, его следует издавать в двух экземплярах на обеих письменных нормах.

Одна из статей закона об использовании языка на государственной службе гласит, что каждый гражданин имеет право получить ответ на свое обращение в государственные органы страны на той языковой норме, которую он сам использует. Однако недостаточный уровень владения нюнорском, а также отсутствие методик обучения взрослых, приводят к тому, что лишь немногие государственные служащие

---

¹⁰ Ordet. - № 1/2005. - С.2

в действительности способны выполнять это требование. Подобные проблемы возникают и при письменном общении между фюльке и коммунами, которые в качестве официальной выбрали разные языковые нормы. При этом чаще всего проблемы вызывает именно нюнорск. В связи с этим Языковой совет Норвегии (Norsk Språkråd) организует курсы для государственных служащих, на которых подробно разъясняется закон о языке, а также рекомендует руководителем государственных органов побуждать своих сотрудников к посещению курсов нюнорска.

В законе «О начальных школах и дальнейшем образовании», в частности, отмечено: «...учебники и другие учебные материалы должны быть доступны на букмоле и на нюнорске одновременно и по одной цене» [Lov om grunnskolen og den videregående opplæringa, 1998, §9]. Кроме того, в норвежских школах введено обязательное обучение обеим литературным нормам, одной в качестве основной, другой – дополнительной; выбор языковой нормы делают либо родители (до 7 класса), либо сами ученики (с 8 класса); стоит также отметить, что речь идет только о выборе письменной нормы, а в устных ответах ученики могут использовать родной диалект.

При этом в реальности количество школ, основной языковой нормой обучения в которых является нюнорск, постепенно сокращается. В 1944 году 34% учеников выбрали его в качестве основной языковой нормы, в 2004/2005 учебном году такой выбор сделали лишь 14, 2% учеников. При этом сокращение на 0,2-0,3 % в год идет также и в западной части страны, где позиция нюнорска традиционно сильна¹¹.

В 1907 году стorting принял указ о введении обязательного выпускного письменного экзамена по дополнительной письменной норме (sidemål) в средней школе (eksamens artium). Подобное изменение в программе образования было связано с победой на выборах 1906 года партии Левых (Venstre), которая в своей предвыборной программе делала упор на «дальнейшую популяризацию норвежского языка». С этого момента «выпускной экзамен в средней школе включал в себя два письменных задания. Отвечать на них можно как на ландсмолле, так и на букмоле. Экзаменуемые, кото-

---

¹¹ Statistisk Sentralbyrå. - 222, 2005. – С. 222

рые при ответе на оба задания использовали одну и ту же языковую норму, должны сдавать дополнительный экзамен в форме небольшого сочинения или изложения на дополнительной норме»¹².

Однако в Норвегии все эти годы шли постоянные дебаты по поводу целесообразности существования подобного экзамена. Отношение учеников к дополнительной норме является крайне негативным, поскольку многие из них никогда не используют ее за пределами школьного класса. Подобная ситуация касается исключительно школ, в которых основной нормой обучения является букмол, а дополнительной – нюнорск. Результаты, которые демонстрируют учащиеся школ с нюнорском в качестве основной нормы, наглядно показывают, что уровень владения ими букмоллом даже выше, чем основной нормой. Это объясняется также и тем, что букмол более распространен в средствах массовой информации – на телевидении, в газетах, на радио, поэтому эта литературная норма усваивается проще и быстрее.

Негативное отношение к нюнорску среди учащихся средней школы убедительно продемонстрировало исследование, проведенное в 1996 году университетом в Трондхейме. Оно показало, что около 70% учащихся крайне негативно относятся к нюнорску, и только 5% учащихся не нравится букмол. При этом удивительно, что, согласно данным, полученным в результате социологического опроса, даже те учащиеся, для которых нюнорск являлся основным языком (hovedmål), заявили о более положительном отношении к букмоллу (84%), чем к нюнорску (78%) в качестве литературной нормы.

В 80-х годах XX века педагог Ингвар Хауге провел исследование, которое показало, что в 1981 учащиеся делают в 4-5 раз больше ошибок в сочинениях, написанных на нюнорске, чем учащиеся, которые писали сочинения в 1971 году, при этом оценки за сочинения остаются хорошими. Уровень владения дополнительной нормой стремительно падает.

---

¹² цит. по: Vinje, Finn Erik. "Ut med språket". – Oslo, 2005. – С.115 Проверить! В библиографии 2 книги этого автора!

В 2004 году мэрия Осло в качестве отклика на общественное мнение решила провести эксперимент и сделать экзамен по нюнорску в 9 из 27 городских школах добровольным. Основная цель этого эксперимента заключается в том, чтобы дать ученикам возможность лучше подготовиться к экзамену по основной норме: те часы, которые сейчас тратятся на изучение дополнительной нормы, будут посвящены углублению знаний основной нормы и улучшению навыков письма. При этом уроки литературы будут по-прежнему включать в себя произведения, написанные на нюнорске, а во время занятий по истории языка будет также освещаться и история этой литературной нормы.

Согласно вступающей в силу в 2006 году реформе школьного образования, получившей название «Культура ради обучения» (Kultur for læring), экзамен по дополнительной языковой норме перестанет быть обязательным, его можно будет сдавать по выбору, наравне с другими школьными предметами. Однако уроки по нюнорску сохранятся, как и годовая оценка по этому предмету.

В отношении использования той или иной литературной нормы в высшей школе не существует четко определенных требований. Однако в университете Осло по распоряжению ректора все официальные объявления администрации (расписание занятий, часы работы библиотеки и другие объявления) пишутся исключительно на букмоле. Как правило, преподаватели во время чтения лекций используют родной диалект, а обучение норвежскому языку как иностранному идет на букмоле. Студенты могут свободно выбирать литературную норму для выполнения письменных заданий. При этом нужно отметить, что на последнем заседании кафедры лингвистики и скандинавистики было принято решение о том, что студенты, для которых норвежский язык является основным предметом (в частности, будущие преподаватели норвежского языка), должны сдавать одинаковое количество письменных экзаменов на букмоле и на нюнорске: таким образом из 6 экзаменов 2 будут на букмоле, 2 на нюнорске, 2 – на литературной норме по выбору.

Букмол в его традиционном (умеренном) варианте – это нейтральный вариант нормы, как стилистически, так и регионально, поэтому именно он доминирует в газетах и

журналах, в рекламе и в общественной жизни, в художественной и научной литературе.

Проведенное нами исследование показало, что статьи на нюнорске в норвежской прессе встречаются крайне редко, как правило, употребление этой литературной нормы связано с географическим ареалом распространения той или иной газеты или журнала. Так, статьи на нюнорске публикуются в региональных изданиях – например, газетах Западной Норвегии «Бергенс Тиденде» (фюльке Хордаланд и Согн-ог-Фьордане), «Хордаланд» и «Хордаланд Фолкеблад» (фюльке Хордаланд), «Румсдалс Бюдстикке» (фюльке Мёре-ог-Румсдал), «Студвест» (студенческая газета Бергена), в газетах Северной Норвегии: «Нурлис» (фюльке Трумс), «Утропия» (студенческая газета Университета Трумсё), а также в газете «Ставангер Афтенблад» (фюльке Рогаланд) Юго-западной Норвегии. Из центральных периодических изданий лишь еженедельная газета «Даг ог Тид» («День и Время»), публикующая статьи по вопросам культуры и политики, и ежемесячный журнал «Син ог Сегн» («Взгляд и рассказ») выходят исключительно на нюнорске. Это связано, прежде всего, с идеологической позицией редакции этих изданий, а также их специфической тематикой. В крупных центральных периодических изданиях, таких как газеты «Афтенпостен», «Дагбладет» или «VG» статьи на нюнорске встречаются чрезвычайно редко.

При этом необходимо также отметить, что статьи на нюнорске встречаются чаще всего в рубриках, касающихся культуры и культурного наследия, то есть существует и тематическая специфика употребления этой литературной нормы.

Ослабление позиций нюнорска можно заметить и в других сферах общественной жизни: лишь 9 % книг, изданных в Норвегии в 2000 году, было написано на нюнорске. Лишь 5% телевизионных передач для детей на Государственном телевидении Норвегии (NRK) выходит на нюнорске. В то же время интересно отметить, что новостные программы Государственного телевидения Норвегии, транслирующиеся на всю страну, ведут обычно два журналиста, один из которых обязательно говорит на нюнорске, а второй – на букмале.

Несмотря на поддержку государства и политических партий, нюнорску не удастся достичь действительно равного положения с букмолем, и он все равно остается языковой нормой, привлекающей к себе внимание. Само использование нюнорска в качестве основной языковой нормы воспринимается как своего рода вызов, приглашение к дискуссии о языке. Журналистам, пишущим на нюнорске, сложно получить работу в центральных газетах страны – в основном их материалы принимают только в региональных газетах. Нюнорск обладает гораздо меньшим социальным престижем, чем букмол: «Многие норвежцы считают, что нюнорск «беднее» букмола; ... нюнорска хватает на художественные произведения, но недостаточно для ведения бизнеса...»¹³. В программе правительства Норвегии «Культурная политика до 2014 года» специально подчеркивается необходимость «посредством широкого спектра мероприятий укреплять нюнорск в целом и письменную культуру нюнорска в особенности»¹⁴. Сам факт того, что государство считает необходимым поддержку именно этой языковой нормы, свидетельствует о ее неравном положении; букмолу поддержка государства не нужна.

При этом также необходимо отметить, что в Норвегии в отношении языка существует так называемая «тирания большинства», то есть в тех случаях, когда невозможно предоставить два варианта нормы, например, в объявлениях в общественном транспорте, при дублировании фильмов в кинотеатрах, на этикетках иностранных товаров, текст будет исключительно на букмоле.

Существует несколько возможных причин того, что нюнорск не смог действительно стать литературной нормой Норвегии, абсолютно равноправной букмолу. Помимо упомянутых выше исторических причин изначальная географическая привязанность нюнорска к западной части Норвегии помешала ему получить повсеместное употребление, так как в западной части страны традиционно живет меньше населения, чем в восточной. Важную роль, несомненно, сыграло и социальное различие между жителями западной

---

¹³ Bull, Tove. Nynorks som minoritetsspråk.// Språknytt. - 2004. - с.36-39.

¹⁴ Vinje, Finn Erik. Språk 2005. En situasjonsrapport. – Oslo, 2005. – С.191

части страны, которые в большинстве своем занимались земледелием, животноводством и рыболовством, и восточной части, где преобладали рабочие и городская элита. В связи с этим нюнорск стал прочно ассоциироваться с низким социальным классом и не смог завоевать престиж в норвежском обществе.

Кроме этого, букмол является наддиалектной нормой, в том числе и устного языка. Эта норма существует в учебниках норвежского языка для иностранцев, на кассетах и других звуковых носителях, именно эта норма для большинства норвежцев является отражением сознательного использования языка; это вариант нормированного диалекта, на котором говорит самое большое в Норвегии количество носителей языка. При этом в стране нет ни одного места, где говорили бы на нюнорске; те, кто использует эту норму на письме, говорят на диалектах. Нюнорск, таким образом, является исключительно литературной нормой норвежского письменного языка.

Библиография:

1. Берков В.П. Норвежский язык.// Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. – М., 2000.
2. Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития?// Спорное в языкознании. – Л., 1974.
3. Bull, Tove. Nynorks som minoritetsspråk.// Språknytt. – ????, 2004.
4. Haugen, Einar. Language conflict and language planning: The case of modern Norwegian. – Cambridge, 1966.
5. Lov om målbruk i offentlig teneste. – ????, 1980.
6. Lov om grunnskolen og videregående opplæringa. – ????, 1998.
7. Nynorsk faktabok. – ????, 2005.
8. Ordet. – № 1/2005.
9. Statistisk Sentralbyrå. – ????, ????.
10. Vinje, Finn Erik. Ut med språket. – Oslo, 2005.
11. Vinje, Finn Erik. Språk 2005. En situasjonsrapport. – Oslo, 2005.

12. Vårt eget språk. Redigert av Egil Børre Johnsen. – Oslo, 2002.
13. Wiggen, Geir. Krigsåra 1940-1945, eit vendepunkt i norsk språkhistorie? // Norsk lingvistisk tidsskrift. – 2002, 1993.
14. Øvrebotten, Magni. Nynorsk og ulv. // Språknytt. – 2002, 2004.

Розенблат В.К. Проблема нормативности речевого образа личности в высказываниях советских риториков второй половины 50-х – начала 80-х годов XX века

В рамках исследования речевой культуры общества проблема речевого образа личности рассматривается в широком аспекте – как представление о человеке в языке, специфика представления о человеке-личности в национальной культуре, отраженная в семантике отдельных языковых единиц (отдельных слов, сочетаний слов, отдельных законченных высказываний – предложений) и тексте¹⁷³. В языкознании вопрос о речевом образе личности предстаёт в частности в виде давно и широко развиваемой концепции языковой личности¹⁷⁴. В риторике вопрос о речевом образе личности предстаёт как проблема образа ратора: способы словесной реализации замысла и достижения цели через речь рассматриваются в аспекте формирования ими традиции и этической нормы успешной, влиятельной публичной речевой деятельности. Вопрос об образе ратора в риторике затрагивает проблему оснований для создания текста, т.е. проблему известных обществу приемлемых норм создания текстов и изучение образцовых прецедентных текстов, а также проблему приемлемых условий публикации (произнесения) текста. Ритор, профессионально занимаясь созда-

---

¹⁷³ На тему исследования образа человека в национальной культуре и языке написано довольно много работ. Из последних работ стоит отметить, например, *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*. Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М., 1999.; Шмелев А.Д. *Русский язык и внеязыковая действительность* – М., 2002. – С. 301 – 306, 313 – 315.

¹⁷⁴ Развитие концепции языковой личности получило своё отражение во множестве работ. Системная разработка концепции языковой личности осуществлена в работах Ю.Н. Караулова, см., в частности, *Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность*. – М., 1987; *Караулов Ю.Н. Что же такое языковая личность? // Этническое и языковое самосознание*. – М., 1995.

нием публичных высказываний¹⁷⁵, напрямую участвует в формировании общественной мысли, в создании культурных ценностей и этических норм, и образ ратора есть не просто отражение деятельности ратора в текстах, но отражение определённой картины мира, определенного отношения личности ратора к действительности, влияющее на общество и формирующее в нём собственное представление об этом речедеятеле, раторе. Такое представление существует в виде системы ценностных суждений – речевых характеристик и оценок человека как речедеятеля, т.е. характеристик и оценок права человека на публичную речь (– этического статуса данного речедеятеля), характеристик и оценок восприятия его текстов, идей, отражаемых в этих текстах.

Вопрос об образцовых текстах закономерно связан с вопросом об образцовом раторе или нормативном речевом поведении в целом: что представляет собой речевой образ личности, принимаемый обществом в качестве авторитетного источника мысли и модели, на которую оно ориентируется при создании собственных текстов? Исследованием вопроса об образцовом речедеятеле занимались в частности Ю.В. Рождественский¹⁷⁶, А.К. Михальская¹⁷⁷, А.П. Романенко¹⁷⁸. Следует при этом отметить, что такие понятия как «образ ратора» как «антропоцентричный социально-политический норматив прозаической речи»¹⁷⁹ и «риторический идеал» как «ментальный образец и образ хорошей речи»¹⁸⁰ описывают близкие, сущностно схожие, но при этом не совсем одинаковые явления действительности. Другими

---

¹⁷⁵ О понятии «ритор» как субъекте прозаической речи см. *Виноградов В.В. О художественной прозе. // В.В. Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы.* – М., 1980. – С. 98 – 175. См. также определение понятия «ритор» в книге Волкова А.А.: *Волков А.А. Курс русской риторики.* – М., 2001. – С. 66 – 67.

¹⁷⁶ *Рождественский Ю.В. Теория риторики.* – М., 1997. – С. 196 – 230.

¹⁷⁷ *Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике.* – М., 1996. – С. 190

¹⁷⁸ *Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора.* – М., 2003 г. – С. 212

¹⁷⁹ Там же, С. 25.

¹⁸⁰ *Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике.* – М., 1996. – С. 44.

словами, понятия речевой («образец», «норматив»), с одной стороны, и понятие «риторический идеал», с другой, обозначают прежде всего культурно-исторически разные явления, и это хорошо прослеживается на примере ситуации второй половины 50-х – начала 80-х годов XX века, отраженной текстами советских партийных риториков.

Строго говоря, *нормативом* (нормативным образом ратора) в первую очередь называется некий образец влиятельной речи и приемлемого речевого поведения, который *устанавливают* в данной культуре в данное время. Нормативный образ ратора задаёт определённые требования к созданию и публикации новых текстов (законченных высказываний), а также к самому ратору, – требования, обуславливающие восприятие, понимание этих текстов обществом, их влиятельность и принятие ратора в качестве авторитетного создателя текстов. Нормативный образ ратора может устанавливаться и утверждаться властью, предлагаться разного рода влиятельными раторами: общественными деятелями, учёными, педагогами и т.д., а также средствами массовой информации. Например, описание общественного деятеля в советских энциклопедиях строится через описание и оценку деятельности данного человека, а иногда также и через оценку его личных качеств: кто он, какое место занимал, занимает в социальной иерархии, его положение в обществе, в национальной, мировой культуре, что нового сделал, как деятельность повлияла на общество и т.д. Таким образом, предлагаемое коллективом авторов энциклопедии описание содержит ряд определённых критериев приемлемости публичного речедеятеля, соответствие которым определяет норматив образа личности. Картину такого нормативного образа ратора 20-30-х годов XX века выявляет А.П. Романенко, когда анализирует «норматив речи власти».¹⁸¹ Норматив возникает из *риторического идеала* – семантико-стилевой структуры, которая объективно принимается «внутренне» представителями конкретной культуры и осознаётся как гармоничная, совершенная. Риторический идеал естественно формируется культурной традицией, и его составляющие могут быть утверждены в качестве составляющих

---

¹⁸¹ Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. – М., 2003. – С. 212

определённого норматива, однако последний осознаётся и принимается обществом именно как обязательная узаконенная норма *влиятельного* (но необязательно совершенного) речевого поведения для всех представителей данной культуры, что не характерно для идеала (к идеалу можно стремиться, но нельзя его утвердить в качестве обязательной нормы для всех). Идеал первичен по отношению к нормативу, он более живой и более подвижен, чем установленный статичный норматив ¹⁸².

Нормативный образ ратора, являясь образцом речи и отражением личности ратора в тексте, закрепляясь в сознании аудитории, получает своё словесное описание в виде характеристик и оценок. Такое представление о раторе, вопрос о нормативности такого представления – основной предмет настоящей работы, при этом следует учесть, что вопрос о словесном описании, характеристике образцового речедеятеля, ратора, связан с анализом *семантики* отдельных языковых единиц – слов, словосочетаний, предложений – и этот вопрос уже выходит за рамки риторики и представляет собой более широкую филологическую проблему.

Итак, на примере текстов советских раторов второй половины 50-х – начала 80-х годов XX века можно утверждать, что проблема нормативности речевого образа личности существует, по крайней мере, в 2-х аспектах. Первый аспект – *соотношение речевого норматива и риторического идеала*. Проанализируем характеризующие высказывания о советских раторах на материале доклада Н.С. Хрущева на XX съезде в 1956 году партии «О культе личности и его последствиях»¹⁸³, речей и статей Л.И. Брежнева и М.А. Суслова (особенно интересна речь М.А. Суслова при вручении награды

---

¹⁸² О соотношении понятий «образ ратора» и «риторический идеал» см. также Розенблат В.К. Понятие и специфика этнокультурного образа личности (образа русского ратора) // Современные вопросы общественно-речевой практики. – М., 2005. – С. 54 – 70.

¹⁸³ Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС, 1989, № 3. Цитаты из доклада Н.С. Хрущева приводятся далее по этому изданию.

Л.И. Брежневу 10 декабря 1981 года¹⁸⁴), статей о В.И. Ленине, И.В. Сталине, Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежневе из 2-го и 3-го издания Большой советской энциклопедии (БСЭ). Заметим, что рассматриваемые тексты можно отнести к ключевым текстам советской культуры: авторы всех названных текстов – авторитетные в советской речевой культуре риторы, их тексты влиятельны в том плане, что они содержат ключевые идеи представления речедеятеля, принимаемые советской аудиторией в качестве нормативных положений.

Для анализа выделим по материалам названных текстов три типа характеризующих высказываний.

1) Высказывания, в которых субъектом действия является оцениваемый речедеятель, а предикатом – оценочный предикат, либо бытийный предикат (изначально не предполагающий оценку), приобретающий оценочное значение в общем контексте характеризующего высказывания. Сюда следует отнести высказывания, подобные следующим:

Придавая большое значение роли вожаков и организаторов масс, Ленин, вместе с тем, беспощадно бичевал всякие проявления культа личности, вел непримиримую борьбу против чуждых марксизму эсеровских взглядов "героя" и "толпы", против попыток противопоставить "героя" массам, народу. (Хрущев Н.С. «О культе личности и его последствиях»)

... Сталин первое время после кончины Ленина еще считался с его указаниями, а затем стал пренебрегать серьезными предупреждениями Владимира Ильича. (Хрущев Н.С. «О культе личности и его последствиях»)

В приведённых примерах одной чертой подчёркнут формальный субъект, двумя чертами – предикат. На первый взгляд, данный тип высказываний отражает прямую оценку личности (вводимую предикатом) относительно этической или идеологической нормы – это характерно для высказываний о Сталине, Хрущёве, Брежневе да и вообще о любом

---

¹⁸⁴ Суслов М.А. Речь в Кремле при вручении высшей награды Родины товарищу Л.И. Брежневу // Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи в 3-х томах, т. 3. – М., 1982. – С. 379 – 380. Цитаты из данной речи М.А. Суслова приводятся далее по этому изданию.

партийном и общественном деятеле. Характерная особенность оценки высших партийных руководителей – она, как правило, положительна независимо от реальных дел и качеств оцениваемого, и по самому содержанию она представляет собой не столько собственно оценку дел руководителя, в меньшей степени оценку его прежних заслуг, сколько нормативные идеологические характеристики человека, руководителя, оценку соответствия его действий установленным идеологическим нормам.

Вы, как боевой командир и политработник, внесли большой вклад в разгром гитлеровского фашизма, прошли нелегкий ратный путь Великой Отечественной войны от начала до конца. Вы и сегодня солдаты, и сегодня находитесь в строю защитников Родины. (М.А. Суслов о Л.И. Брежневе в «Речи в Кремле при вручении высшей награды Родины товарищу Л.И. Брежневу»)

Можно также утверждать, что положительная оценка партийного руководителя, его деятельности и заслуг давалась по статусу этого человека. По крайней мере, можно проследить по текстам, что если человек (на момент создания его оценочной характеристики) назначен руководителем партии и страны в целом, значит, этот человек обязательно имеет заслуги, обладает отменными, «выдающимися» качествами руководителя, коммуниста – положительная оценка предполагается фактически как этическая норма представления руководителя в советской речевой культуре. Однако этот норматив связан с такой положительной оценкой человека, которая именно *подобна* оценкам других людей. Анализ характеристик партийных руководителей по материалам БСЭ и выступлений самих руководителей (показательны в этом отношении речи Л.И. Брежнева и М.А. Суслова) позволяет сделать вывод, что образ хорошего или даже «выдающегося» руководителя строился как представление о том, каким может и должен быть руководитель партии и советского государства, при этом всё же норма не позволяла создавать образ уникального человека. Образцовый руководитель или учёный, или военачальник оценивается часто схожим образом, с употреблением одних и тех же характеризующих предикатов: он не мог не быть «талантливым», «мужественным», «борцом», не мог не «вести большую (или

значительную) работу» и т.п., но при этом и не должен был обладать качествами, которые бы отсутствовали у «народа», у большинства советских людей подобной профессии или общественного статуса. «Герой», противостоящий «толпе» – народу, по словам Н.С. Хрущёва, осуждался В.И. Лениным, противопоставление «героя» массе не соответствовало партийной норме – это «эсеровские взгляды»¹⁸⁵. Таким образом, этическая норма советской культуры предписывала строгое следование критериям этой нормы и не допускала отклонений ни в какую сторону, нормативный образ речедеятеля как бы исключал или, по крайней мере, ограничивал стремление к риторическому идеалу, следование норме было ценным и достаточным, и нельзя было быть ещё лучше, чем это определено нормой.

Особая ситуация с образом ратора В.И. Ленина. Характеризующие и оценочные высказывания о нём формально не отличаются от высказываний о других речедеятелях: основным носителем оценочного значения, как правило, является предикат при субъекте – имени собственном «Ленин», или личном местоимении третьего лица, указывающим на данного человека. Но первая особенность образа Ленина проявляется при анализе непосредственно смысла этих высказываний. Она состоит в том, что оценка Ленина в этих высказываниях всегда как минимум положительна, а очень часто она хвалебная, предельно положительная, выражается в таких характеристиках, как «гениальность», «мудрость», «нравственная чистота» в характеризующих прилагательных в превосходной степени (довольно часто употребляется прилагательное «величайший»), и это характерно только для образа Ленина, тогда как оценка других руководителей была намного скромнее, хотя и она тоже в основном положительная («верный ученик В.И. Ленина» – Н.С. Хрущев, «выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства» – Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев – и т.п.). Претендовавший на целиком и исключительно положительную (предельно положительную) оценку (со стороны аудитории) И.В. Сталин подвергается критике – в докладе Н.С.

---

¹⁸⁵ См. Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду... // Там же.

Хрущева на XX съезде партии, а затем критическая характеристика Сталина включена в статьи о нём во 2-ое и 3-е издание БСЭ. Отрицательная оценка отсутствует также и в характеристиках Л.И. Брежнева (на период 70-х 80-х годов), но по объёму эти высказывания не сопоставимы с высказываниями о В.И. Ленине, кроме того, в рассматриваемый период – до начала 80-х годов XX века, т.е. в период нахождения Л.И. Брежнева на посту генерального секретаря, – высказываний с отрицательными характеристиками о нём быть не могло (это противоречило бы этической и идеологической норме), и самая существенная разница состоит в том, что Л.И. Брежнева в отличие от В.И. Ленина нигде не характеризуют (и в принципе не могут охарактеризовать) как «гениального» и «величайшего».

Вторая и, на наш взгляд, более важная особенность в представлении В.И. Ленина как руководителя и речедеятеля, связана с особенностью функционирования оценочных и бытийных глагольных предикатов в характеристиках вождя. Если, например, проанализировать функцию оценочного предиката в высказывании о Н.С. Хрущеве: «...Н.С. Хрущев провёл большую организаторскую работу по выполнению намеченных партией и правительством планов социалистической реконструкции Москвы»¹⁸⁶, то налицо функция положительной оценки субъекта, лица – самого Н.С. Хрущёва. Оценочные высказывания подобного рода вполне возможны и о В.И. Ленине. Однако среди высказываний о Ленине довольно частотны высказывания, содержащие предикаты типа осуждал, бичевал (что-либо), вел беспощадную борьбу (с чем-либо) и т.п. Особенность высказываний с подобными предикатами состоит в том, что в них автор не оценивает субъекта действия (речедеятеля), а скорее ссылается на него как на авторитет, на его высказывания, действия как на норматив, модель, и функция предикатов здесь уже связана не столько с оценкой вообще, сколько с введением описания содержания идеологической и этической нормы, субъектом которой является данный деятель. В советских текстах высказывания о В.И. Ленине, содержащие предикаты по-

---

¹⁸⁶ Большая советская энциклопедия, 2-е изд. Т. 46. – М., 1957. – С. 390.

добного типа, гораздо более типичны и частотны, чем о каком-либо другом деятеле, партийном либо общественном, даже если он считался образцовым. Кроме того, по текстам советских риториков (Н.С. Хрущёва, Л.И. Брежнева, текстам БСЭ) можно заметить, что у Ленина больше, чем у кого-либо ещё, разнообразие оценочных речевых действий и большее разнообразие оценочных предикатов: Ленин не только «говорил», «считал», «учил», он и «осуждал», и «бичевал», и «подверг уничтожающей критике», и «решительно выступал» и «требовал» и «принимал самые решительные меры» и т.д. и т.п., – оценка в таких случаях направлена на содержание суждения, т.е. в высказываниях, где субъектом речевого действия является В.И. Ленин, представлено содержание нормы, и наибольшее разнообразие оценок, следовательно, суждений о норме характерно, таким образом, именно для Ленина. Частотность высказываний с предикатами описанного типа, а также разнообразие таких предикатов даёт основания предполагать, что в советской речевой культуре образ ратора В.И. Ленина строился как авторитетный и по некоторым аспектам единственный источник советской идеологической и этической нормы¹⁸⁷.

2) Ко второму типу характеризующих высказываний отнесём, условно говоря, все остальные суждения о речедеятеле, при этом формальным критерием отбора таких высказываний будет обязательное упоминание имени речедеятеля (или использование местоимения для указания на него), а семантическим критерием – данное высказывание должно содержать оценку упоминаемого речедеятеля.

Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии. (Хрущёв Н.С. «О культе личности и его последствиях»)

В 1966 за выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в коммунистиче-

---

¹⁸⁷ Мы оставляем за рамками настоящей статьи представление в советских текстах зарубежных мыслителей (в частности, К. Маркса), и, соответственно, вопрос о степени авторитетности образа ратора подобного рода как источника советской идеологической нормы.

ском строительстве, укреплении обороноспособности страны и большие заслуги в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на фронте Великой Отечественной войны... Л.И. Брежневу присвоено звание Героя Советского Союза.¹⁸⁸

Высказывания этого типа по функции схожи с высказываниями первого типа – оценка личности, его деятельности, качеств по соответствию идеологической и этической норме. Основное отличие и важность таких высказываний, пожалуй, состоят в том, что очень часто в них личность оценивается через выделение, подчеркивание непосредственно какого-либо качества человека, какой-либо его черты характера, описание деятельности, относимой к данному человеку, для чего в роли подлежащего или дополнения используются отглагольные существительные, существительные с абстрактным значением: «большие заслуги в деле руководства хозяйственным строительством», «успешное выполнение заданий партии и правительства» (о деятельности Н.С. Хрущева по БСЭ¹⁸⁹) «сердечная теплота», «созидательная энергия, талант» (у Л.И. Брежнева, по словам М.А. Сулова¹⁹⁰) и т.п.

Гениальность ученого, политическая мудрость и прозорливость сочетались в нем с талантом величайшего организатора, с железной волей, мужеством и смелостью¹⁹¹.

В данном высказывании (особенно в её тематической части) качества, которыми, по мнению авторов энциклопедии, обладал Ленин, выделены через абстрактные, признаковые существительные, тем самым они подчеркнуты и представлены как абсолютные свойства, присущие конкретной личности, но не ограничиваемые ею.

Кроме того, в высказываниях второго типа оценка человека, вводимая не предикатом (как в высказываниях пер-

---

¹⁸⁸ Брежнев Л.И. // Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 4. – М., 1971. – С. 18.

¹⁸⁹ Большая советская энциклопедия, 2-е изд. Т. 46. – М., 1957. – С. 391.

¹⁹⁰ Сулов М.А. Речь в Кремле при вручении высшей награды Родины товарищу Л.И. Брежневу // Там же. – С. 379.

¹⁹¹ Ленин В.И. // Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 14. – М., 1973. – С. 298.

вого типа), а другим членом (например, через разного рода определения, приложения, сравнительные обороты), может находиться и не в ассерции, т.е. тот факт, что данный человек обладает данными качествами, не утверждается напрямую, а как бы подразумевается изначально, представляется исходным состоянием.

Никогда ещё после Маркса история освободительного движения пролетариата не давала миру мыслителя и вождя рабочего класса, всех трудящихся такого гигантского масштаба, как Ленин.¹⁹²

Данное высказывание представляет собой утверждение об уникальности и гигантской масштабности личности и качеств В.И. Ленина. Представление об уникальности личности даётся через её оценку в масштабе всей «истории освободительного движения», причём абстрактное существительное «история» ставится в позицию подлежащего: «история» объективно отбирает и «даёт миру» великих деятелей, и В.И. Ленин как мыслитель и вождь гигантского масштаба выдвинут этой историей. Такова прямая оценка исторических обстоятельств, посредством которой и представлена оценка личности. Но имплицитной является данная в теме этого высказывания оценка К. Маркса также как уникальной личности гигантского масштаба – ведь именно с ним «по масштабности» сравнивается В.И. Ленин. Кроме того, само представление качеств В.И. Ленина, характеристика его как «вождя рабочего класса, всех трудящихся» (курсив наш – Р.В.) в непредикативной позиции на общем фоне утверждения (сообщения) о масштабности этих качеств обращает на себя меньше внимания, чем, например, заключённая в предикате предложения, начинающего статью о Ленине, прямая характеристика Ленина: «Ленин (Ульянов) Владимир Ильич ..., учитель и вождь трудящихся всего мира»¹⁹³. Утверждение, о том, что Ленин мог быть вождём трудящихся всего мира, само по себе не может не вызывать сомнений, и, несмотря на то, что оно и разъясняется в последующем тексте статьи, оно всё равно является естественным только для советской логосферы.

---

¹⁹² Ленин В.И. // Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 14. – М., 1973. – С. 298.

¹⁹³ Там же. – С. 294.

3) Семантический признак высказываний третьего типа – они содержат описание и оценку советской культурной – идеологической и этической нормы, условно назовём их «суждениями об идеологической и этической норме».

Марксизм не отрицает роли лидеров рабочего класса в руководстве революционно-освободительным движением. (Хрущев Н.С. «О культе личности и его последствиях»)

У нас воспитывается новый человек – человек благородных идеалов и высоких нравственных принципов, выраженных в моральном кодексе строителей коммунизма. Понятие «советский человек» – это синоним мужества и стойкости, трудового и воинского героизма, высокого сознания общественного долга. (Брежнев Л.И.¹⁹⁴)

Данные высказывания важны прежде всего как описание самой идеологической нормы. Они могут содержать характеристики абстрактного лица (как в двух вышеприведенных высказываниях: «лидер рабочего класса», «советский человек»), при этом необязательно отражают реальную ситуацию в советском обществе, поскольку основная их функция – сформулировать норму и донести её до масс. Это высказывания не о том, что есть в действительности, а о том, какова должна быть действительность в советском обществе, каковы ценности общества и т.п.

На основании анализа всех трёх типов суждений, можно утверждать, что риторическим идеалом советской культуры являлся только образ ратора В.И. Ленина. Такой вывод можно сделать на основании следующих фактов:

- только характеристика и оценка В.И. Ленина оставалась неизменно положительной вплоть до начала 80-х годов (а если выйти за рамки рассматриваемого материала, то о данном факте можно говорить по отношению практически ко всему советскому периоду до конца 80-х годов XX века);
- И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев и др. охарактеризованы как «выдающиеся», «талантливые», «твёрдые», но

---

¹⁹⁴ Брежнев Л.И. Доклад на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1964 года. // Брежнев Л.И. Избранные произведения в трех томах. Т. 1 (1964 – 1970). – М., 1981. – С. 12.

гениальным мыслителем мог быть и оставаться в советской словесной культуре только В.И. Ленин; И.В. Сталин по высказываниям современников, был гениальным полководцем в Великой Отечественной войне, однако с учётом наличия критических оценок И.В. Сталина в 50-е – 80-е годы, «гениальность» как характеристика речедеятеля не всегда была уместной по отношению к нему; во 2-м и 3-м изданиях БСЭ статьи об И.В. Сталине не содержат характеристики «гениальный»;

- высказывания о В.И. Ленине первого типа (т.е. высказывания, в которых субъектом речевого действия является человек, а предикат содержит, вводит оценку), представляющие собой одновременно суждение о норме, превосходят по частотности и разнообразию число аналогичных высказываний о каком-либо другом советском партийном и общественном деятеле; такие высказывания о В.И. Ленине сопоставимы описывающие по их этической значимости с высказываниями третьего типа – с прямыми формулировками идеологической нормы.

Попытка утвердить в сознании советского общества в качестве риторического идеала речевой образ И.В. Сталина потерпела неудачу, о чём свидетельствует, в частности, характеристика И.В. Сталина в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии. Н.С. Хрущев строго отделяет приемлемые с точки зрения партийной этической нормы понятия «вождь», «лидер», «вожак», «организатор масс» от неприемлемых, отрицательно оцениваемых понятий «герой», «сверхчеловек». «Вождь» ассоциируется прежде всего с образом В.И. Ленина, «герой», «сверхчеловек», «культ личности» в докладе Хрущева ассоциируются с образом И.В. Сталина. Часто Н.С. Хрущев проводит прямое сопоставление образа Ленина с образом Сталина, однако при этом аргументация Хрущева строится таким образом, что В.И. Ленин выступает в ней как источник нормы (– что видно из обилия в докладе рассмотренных выше высказываний о Ленине первого типа с предикатами «бичевал», «вел борьбу», «учил» и под., вводящими суждение о норме), а И.В. Сталин оценивается относительно этой нормы. В докладе практически отсутствуют высказывания, где бы Сталин выступал как субъект новой нормы (аналогичные высказываниям первого типа о Ленине с пре-

дикатами типа «учил», «осуждал»), а среди приводимых Н.С. Хрущевым высказываний самого И.В. Сталина преобладают либо секретные указания, либо личные обращения к конкретным партийным работникам, либо оценочные высказывания-характеристики, в которых, по словам Хрущева, Сталин хвалит сам себя. Основная характеристика Сталина строится Н.С. Хрущевым по фактам, по реальным действиям руководителя в соотнесении их с партийными этическими (юридическими) и идеологическими нормами. Такая аргументация выявляет следующие обстоятельства.

1) Ритор Хрущев, критикуя И.В. Сталина, выявляет черты риторического идеала, при этом он ориентируется на Ленина, речевой образ которого, связанный с утверждением этической, идеологической нормы, являлся по сути отражением риторического идеала советской культуры. Основные черты советского риторического идеала, представленные в докладе, выявляются в оппозиции «вождь», «лидер», «организатор масс» / «герой», «сверхчеловек», «культ личности». По Н.С. Хрущеву, вождь, в отличие от «героя», «сверхчеловека», не может стоять над массой, напротив, он часть партии, «в неразрывной связи с массами», он придерживается «принципа коллективного руководства в партии». Для культа личности, «сверхчеловека» характерно, игнорирование коллектива, «сосредоточение необъятной, неограниченной власти в руках одного лица». С оппозицией «вождь» / «культ личности» напрямую связана оппозиция «скромность / нескромность»: она включает в себя несколько аспектов. Это в том числе и соблюдение коллективности руководства с ориентиром на нормы партийной жизни (как, по Хрущеву, это было характерно для Ленина) – культ личности же, сверхчеловек характеризуется стремлением к единоличному принятию решения, на которое ему дает право его мнимая непогрешимость (черта нескромности): «Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках». Таким образом, риторический идеал не может развиваться как самодостаточное явление – он формируется на основе определённых норм, игнорирование же норм – в случае со Сталиным игнорирование при принятии решений партийных норм – вызывает то, что Н.С. Хрущев характеризует как «произвол». Наконец,

скромность риторического идеала не допускает самовосхваления и поощрения восхваления личности окружающими людьми: «Известна величайшая скромность гения революции Владимира Ильича Ленина», – говорит Н.С. Хрущев, а далее в качестве примера «самовосхваления и отсутствия элементарной скромности» у Сталина он приводит хвалебные высказывания о Сталине из его же И.В. Сталина «Краткой биографии» 1948 года.

Отличие «вождя» от «культа личности» выявляется также в оппозиции «нетерпимость / терпеливость». Она также тесно связана с характеристикой скромности: «произвол» Сталина выразился в «административном подавлении» (тогда как «ленинский метод» – метод «убеждения и воспитания») тех, кто «ошибаются», «заблуждаются»), в «нетерпимости» при работе с кадрами (вместо ленинского «самого внимательного партийного подхода к людям») и, в конечном счете, вылился в массовые репрессии. При этом для риторического идеала важна «мудрость» как способность работать с людьми и в том числе разделять ошибающихся, колеблющихся, заблуждающихся, даже оппозиционеров – с одной стороны – и врагов революции, классовых врагов – с другой. С последними как раз следует расправляться, причём применять «суровые меры», «самые жестокие меры», как это делал, по словам Хрущева, Ленин. Как видно, «терпеливость», «внимательность» к людям обуславливают «мудрость» личности, «мудрость» – черта риторического идеала. «В этом проявлялась мудрость Ленина в подходе к людям, в работе с кадрами, – отмечает Н.С. Хрущев, а позже с позиций способности работать с людьми характеризует Сталина. –

Вместо доказательств своей политической правоты и мобилизации масс, он нередко шел по линии репрессий и физического уничтожения не только действительных врагов, но и людей, которые не совершали преступлений против партии и Советской власти. В этом никакой мудрости нет, кроме проявления грубой силы, что так беспокоило В. И. Ленина».

Кроме выше названного, с риторическим идеалом в принципе несовместимы слабости – «слабости» Сталину были присущи (Берия «не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина») – а также несо-

вместимо наличие того, что можно отнести к недостаткам в характере личности – «отрицательные качества», по Н.С. Хрущеву: Ленин подметил в Сталине («те отрицательные качества, которые привели позднее к тяжелым последствиям»); «Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина...». Н.С. Хрущев называет и другие отрицательные качества, присущие И.В. Сталину: «грубость» (Хрущев ссылается на высказывание В.И. Ленина в «Письме к съезду»: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека»¹⁹⁵), «капризность», «болезненная подозрительность» («Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью...»); после войны, по Хрущеву, «Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность»). Кроме всего этого, с риторическим идеалом не совместима ложь. Н.С. Хрущев не обвиняет напрямую И.В. Сталина во лжи, но фактически обвиняет его в том, что он не препятствовал лжи, но напротив, способствовал использованию подчиненными ложной информации, клеветы для достижения тех или иных целей. Самый яркий пример этого в докладе Хрущева – дело врачей:

«И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это "дело", то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное "дело" было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми».

Хрущев говорит также о многочисленных «сфальсифицированных делах» против коммунистов, «ложных обвинениях», и они представлены как средство осуществления Сталиным «террора» и «репрессий». Таким образом, ложь, позорная для личности сама по себе (дело врачей «от начала до конца ложное», «позорное "дело" [врачей] создано Сталиным»), подтверждает необоснованность карательных мер: ложные обвинения связаны с «нарушениями социали-

---

¹⁹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. – М., 1975. – С. 346. Цитируемое высказывание также вошло в доклад Н.С. Хрущева.

стической законности», ложные обвинения не позволительны при работе с оппозицией и колеблющимися. Очевидно, что идеальный ритор не должен быть терпим ко лжи, идеальный ритор-руководитель не может быть терпим и ко лжи своих подчиненных при их идеологической работе с людьми, в том числе с оппозиционерами.

2) Н.С. Хрущев строит критику И.В. Сталина, основываясь не столько на его высказываниях, сколько на конкретных фактах деятельности Сталина, зачастую неофициальных и даже скрывааемых, и таким образом нормативный образ личности И.В. Сталина, созданный ранее в официальных текстах о нём, а также тот образ личности, который отражался в текстах самого Сталина (прежде всего в ключевых текстах, например, в «Вопросах ленинизма»), не играет решающей роли при его оценке в докладе и не мешает Н.С. Хрущеву представить другой, в значительной степени отрицательный образ личности Сталина. Данное обстоятельство представляется весьма показательным, оно может свидетельствовать о том, что советский норматив потенциально не способен «выдержать» фактов, объективных критических оценок. Критику, основанную именно на фактах, критику реальных действий (отличных от их нормативного представления) с тех же позиций, с которых её осуществил Н.С. Хрущев в докладе на XX съезде, можно потенциально направить против многих других партийных деятелей, и вполне вероятно, что построенный на такой критике образ многих из них окажется не целиком положительным, но содержащим значительное количество отрицательных характеристик даже с точки зрения советских идеологических норм.

3) Как было сказано выше, норма в принципе не позволяла создавать образ уникального человека, уникальным мог быть представлен только В.И. Ленин (риторический идеал советской культуры). Чтобы определить причины этого, требуется отдельный глубокий анализ (который трудно уместить в рамки данной статьи). Тем не менее возможно следующее предположение: Ленин – создатель новой влиятельной организующей советское общество информации, поэтому он мог быть источником нормы и уникальной личностью для советской культуры. Основания для такого предположения заключаются хотя бы в частотности цитирования вы-

сказываний В.И. Ленина и неизменности такого цитирования вплоть до конца 80-х годов XX века, причём ссылка на то или иное сочинение Ленина (из отечественных партийных руководителей, идеологов – именно на Ленина, а не на кого-либо ещё) давалась при изучении самых разнообразных проблем (исторических, философских, филологических, а нередко даже и естественнонаучных), и цитируемое высказывание Ленина не всегда являлось неким высказыванием общего характера, но часто тематически действительно соответствовало разбираемой проблеме (несмотря на всё их разнообразие).

Специфика аргументации Н.С. Хрущева в докладе на XX съезде, помимо прочего, даёт основания для предположения о том, что Сталин как ритор в целом не смог предложить обществу принципиально новой положительной информации в таком же масштабе и объёме, как это сделал В.И. Ленин, но, несмотря на это, И.В. Сталин всё же претендовал на то, чтобы стать новым риторическим идеалом, сравнимым с Лениным, что и было расценено Хрущевым как «самовосхваление и отсутствие элементарной скромности». Как уже было отмечено, Н.С. Хрущев критикует И.В. Сталина за дела, за практику, действия (приводя «факты») и гораздо меньше за публичные высказывания. Последнее обстоятельство может быть связано как с тем, что суть, смысл этих высказываний далеко не всегда, даже редко когда идёт в разрез с партийными и ленинскими нормами (что, кстати, подтверждают и тексты самого И.В. Сталина, прежде всего, «Вопросы ленинизма», где он не только декларирует стремление строго следовать партийным нормам и установкам В.И. Ленина и сам критикует любые попытки отступления от них, но зачастую, вынося суждение, И.В. Сталин цитирует высказывания Ленина и ссылается на них как на основание для своего суждения), так и с тем, что по объёму и тематике суждений Сталин уступал Ленину, их высказывания теоретически трудно было бы сопоставить. В докладе основной проблемой, обусловившей критику действий Сталина, явилась проблема согласованности методов, действий вождя с выработанными ранее этическими партийными нормами, и гораздо меньше внимания уделено выдвинутым Сталиным новым идеям.

Второй аспект проблемы нормативности речевого образа личности – *проблема истинного и ложного в нормативном представлении речедеятеля*, представляющая собой проблему этоса образа ратора. Проблему истинного и ложного следует развести на три составляющих: 1) проблема истинности ценностей советской идеологии для общества, 2) проблема соответствия (непротиворечия) советского нормативного образа личности ценностям советской идеологии, 3) проблема соответствия реальным представлениям общества об образцовом раторе, руководителе, речедеятеле вообще, проблема соответствия официального норматива тому, что общество действительно считало таковым. Проблема истинного и ложного в нормативном представлении речедеятеля после доклада Хрущева для советского общества стала очевидной, а в глазах тех его членов, которые стали сомневаться в нормах советской идеологии и с этой точки зрения стали противопоставлять себя советскому обществу, она приобретала ещё большую актуальность и остроту. Одним из наиболее ярких примеров такого осознания проблемы и критического выступления по данной проблеме является «Письмо вождям Советского Союза» (1974 года) А.И. Солженицына:

Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламляет всю жизнь общества, мозги, речи, радио, печать – ложью, ложью, ложью. <...> Всё погрязло во лжи, и все это знают и в частных разговорах открыто об этом говорят, и смеются, и нудятся, а в официальных выступлениях лицемерно твердят то, «что положено», и так же лицемерно, со скукой читают и слушают выступления других ...¹⁹⁶

А.И. Солженицын утверждает в «Письме», что официальное, нормативное речевое представление действительности абсолютно не соответствовало действительности реальной, а ценности самой советской идеологии с момента начала Великой Отечественной войны для общества предстали как ложные (т.е., собственно, перестали быть ценностями). Этой идеологии у Солженицына противопоставлено

---

¹⁹⁶ Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза // Солженицын А.И. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. В Советском Союзе 1967-1974. На Западе 1974-1989. – М., 2001. – С. 86.

«наше, русское»¹⁹⁷, некое патриотическое начало, проявившееся, по его словам, во время Великой Отечественной войны.

В настоящий момент чтобы судить об истинности или ложности ценностей советской идеологии, необходимо провести специальное глубокое исследование на обширном материале. Однако есть основания предполагать, что не все ценности советской идеологии перестали иметь значение для советского общества. Подтверждением тому служит хотя бы представление о риторическом идеале, выявляемое по докладу Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, предельно положительная характеристика в советской культуре В.И. Ленина вплоть до конца 80-х годов XX века, образ которого (риторический идеал) включал такие черты, как «железная воля», «мужество», «смелость», «любовь к Родине», «требовательность к себе и другим», «нравственная чистота», «скромность»¹⁹⁸. Кроме того, в текстах советских риториков довольно частотны высказывания-суждения об идеологической и этической норме (высказывания 3-го типа), истинность и ценность которых и сегодня в принципе трудно подвергнуть сомнению. Речь идёт, например, опять же о ценности терпеливого (– этичного) отношения к людям, о неприемлемости использования клеветы и ложной информации, о чём, в частности, говорил Хрущев в своём докладе. Что касается других партийных риториков, то Брежнев, например, утверждал, что «понятие «советский человек» – это синоним мужества и стойкости, трудового и воинского героизма, высокого сознания общественного долга»¹⁹⁹, Суслов среди задач партии называл также и «идейно-политическое, трудовое и нравственное воспитание молодежи»²⁰⁰. Во всех приве-

---

¹⁹⁷ Там же. – С. 85.

¹⁹⁸ См. Ленин В.И. // Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 14. – М., 1973. – С. 298.

¹⁹⁹ Брежнев Л.И. Доклад на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 6 ноября 1964 года. // Брежнев Л.И. Избранные произведения в трех томах. Т. 1 (1964 – 1970). – М., 1981. – С. 12.

²⁰⁰ Суслов М.А. Дело всей партии // Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи в 3-х томах. Т. 3. – М., 1982. – С. 272.

дённных примерах важно отметить не только то, насколько высказываемое соответствует действительности, но и то, что вообще считается ценностью, что сам ритор считает положительным и выделяет как таковое при характеристике человека (или приписывает ему). И если советская идеология считала ценностью «мужество», «смелость», «трудовой героизм» и под., вряд ли можно утверждать, что она полностью утратила своё значение для общества сразу после войны.

На вопрос о том, не противоречил ли советский нормативный образ личности ценностям советской же идеологии, можно дать утвердительный ответ, если принять как данность то, что этот нормативный образ личности, создававшийся самими идеологами советского общества, складывался и существовал скорее как явление пропагандистское, направленное как раз на утверждение в сознании людей ценностей советской идеологии. Выше уже шла речь о том, что оценка высших партийных руководителей была положительной независимо от реальных дел и качеств оцениваемого, она давалась по статусу человека на данный момент и представляла собой набор нормативных идеологизированных характеристик. Если проанализировать тексты партийных руководителей 60-80-х годов (материал выступлений Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС, материал статей и речей Л.И. Брежнева, М.А. Суслова 70-х – начала 80-х годов в этом отношении показателен), содержание высказываний о человеке, набор характеристик не претерпевали существенных изменений. И у Н.С. Хрущева, и у Брежнева, и у М.А. Суслова можно найти очень схожие характеристики образцового речедеятеля и схожие и требования к личности: активность, боевитость («еще больший рост активности и самостоятельности всех коммунистов, укрепление единства и сплоченности партийных рядов» как одна из задач развития партии, по Хрущеву²⁰¹; коммунисты – «подлинно революционный авангард народа», по Брежневу²⁰²; «Коммунистическая убе-

---

²⁰¹ Хрущёв Н.С. О Программе Коммунистической партии Советского союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 октября 1961 года. – М., 1961. – С. 133.

²⁰² Брежнев Л.И. Речь при закрытии XXVI съезда КПСС 3 марта 1981 года // Брежнев Л.И. Избранные произведения в трех томах. Т. 3 (1976 – март 1981). – М., 1981. – С. 563.

жденность – основа активной жизненной позиции человека»²⁰³, по Суслову), самоотверженность в труде («отдадим же, товарищи, все свои силы, всю энергию скорейшему приближению того дня, когда солнце коммунизма засияет над нашей землей»²⁰⁴; «готовность отдать все силы»²⁰⁵ для процветания страны и партии – одна из «замечательных» черт советского гражданина, по Брежневу), советский патриотизм («чувство гордости за свою Коммунистическую партию и свою страну»²⁰⁶; «формирование у всех советских людей гордости за нашу социалистическую Родину»²⁰⁷), также научность, идейность, партийность и др. под. Что же касается проблемы соответствия официального норматива реальным представлениям общества об образцовом речедеятеле, то, исходя из предыдущих рассуждений о ценностях советской идеологии для общества, можно утверждать, что эта проблема приобретала свою актуальность именно для той части общества, которая воспринимала советскую идеологию как идеологию ложную, лишенную какой-либо значимости и истинных ценностей. Вне рамок советской логосферы советский норматив действительно перестает восприниматься как представление образцового речедеятеля. Однако в рамках советской логосферы советский нормативный образ личности как представление, основанное на ценностях советской идеологии, явление пропагандистское (описывающее скорее желаемое, то, что достижимо в будущем, а не то, что есть в действительности), объективно являясь нормативным.

---

²⁰³ Суслов М.А. Дело всей партии // Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи в 3-х томах. Т. 3. – М., 1982. – С. 267.

²⁰⁴ Хрущёв Н.С. О Программе Коммунистической партии Советского союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 октября 1961 года. – М., 1961. – С. 141.

²⁰⁵ Брежнев Л.И. Коммунистическое движение вступило в полосу нового подъема // Брежнев Л.И. Избранные произведения в трех томах. Т. 1 (1964 – 1970). – М., 1981. – С. 405.

²⁰⁶ Там же. – С. 405.

²⁰⁷ Суслов М.А. Дело всей партии // Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи в 3-х томах. Т. 3. – М., 1982. – С. 273.

Итак, нормативный речевой образ личности – это представление о личности, которое не тождественно риторическому идеалу, но складывается на его основе и взаимодействует с ним. Нормативный речевой образ личности отличается от представления об идеальном риторике семантически (что подтверждается на примере различий в построении образа В.И. Ленина – риторического идеала – и образа любого другого советского руководителя или партийного деятеля), а восприятие его аудиторией, обществом может быть обусловлено не только самим содержанием нормативного речевого образа, но и соответствием этического аспекта образа ратора и значимости донесённой до аудитории информации (сопоставимостью притязаний ратора на восприятие его в желаемом ему ключе с новизной, ценностью, той информацией, которую он смог в действительности донести до аудитории – как это представляется на примере речевого образа И.В. Сталина). Советский норматив по своему содержанию, скорее, – явление пропагандистского характера, он отражает не столько реальные действия, сколько нормативные идеологические характеристики и установки. В связи с объёмностью содержания вопроса об идеологических основаниях советского нормативного образа личности более глубокое изучение этого вопроса может быть продолжено на более обширном материале.

Литература

1. Брежнев Л.И. Избранные произведения в трех томах. Т. 1 (1964 – 1970), Т. 3 (1976 – март 1981). – М., 1981.
2. Виноградов В.В. О художественной прозе. «Избранные труды. О языке художественной прозы». – М., 1980. – С. 98 – 175.
3. Волков А.А. Курс русской риторики. – М., 2001.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Караулов Ю.Н. Что же такое языковая личность? «Этническое и языковое самосознание». – М., 1995. – С. 63 – 65.
6. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М., 1999.
7. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. – М., 1996.
8. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., 1997.
9. Розенблат В.К. Понятие и специфика этнокультурного образа личности (образа русского ратора). «Современные вопросы общественно-речевой практики». – М., 2005.
10. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. – М., 2003.
11. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. В Советском Союзе 1967-1974. На Западе 1974-1989. – М., 2001.
12. Суслов М.А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха: Избранные речи и статьи в 3-х томах. Т. 3. – М., 1982.
13. Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 3.
14. Хрущёв Н.С. О Программе Коммунистической партии Советского союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 октября 1961 года. – М., 1961.
15. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002.

